

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER

Холодная война как элемент противостояния Запада и России

А. НИКАНДРОВ

**Политический идеал США
и демократия**

О. ЯХШИЯН

**История Украины,
по В. Ющенко**

В. ЕВСЕЕВ, Д. ХАРИТОНОВА

Путь Армении к ЕАЭС

О. ПРИХОДЬКО

Политика США для Киева

«Дело „Амеразии“» – на пороге маккартизма

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

**Холодная война как элемент системы противостояния
Запада и России**

5

В. Штоль

Автор рассматривает противостояние Запада и России в исторической ретроспективе, показывая, что геополитический фактор является его основным элементом. Анализируются итоги Второй мировой войны и международные кризисы биполярной системы. Делается вывод о том, что холодная война в 90-х годах не могла закончиться и продолжается, так как Россия всегда была и будет антитезой Западу и защищает своё право быть самой собой.

**Трудный путь Армении
к Евразийскому экономическому союзу**

30

В. Евсеев, Д. Харитоновна

В статье раскрыты некоторые особенности трудного выбора Армении между присоединением республики к Евразийскому экономическому союзу и подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС в условиях блокирования национальных границ со стороны Азербайджана и Турции. Отмечена важная роль в этом процессе поставок в Армению российского природного газа. Подведены первые итоги вступления в ЕАЭС, которые оказались достаточно неоднозначными. Рассмотрены другие факторы, отрицательно влияющие на национальную экономику. Всё это настоятельно требует реализации транспортного коридора «Север – Юг» в рамках взаимодействия ЕАЭС и Ирана.

Американская политика в отношении Украины

43

О. Приходько

Рассмотрен комплекс вопросов, связанных с американской политикой по Украине в контексте конфликта на юго-востоке и его последствий для отношений России – США. Анализируются предпосылки и причины, которые привели к кризису в российско-американских отношениях из-за Украины. Автор прослеживает преемственность политики Вашингтона в отношении Киева, даёт анализ его позиции по нормандскому процессу. В статье показано место Украины в иерархии приоритетов США на основе рассмотрения американской военной и финансовой помощи Киеву и предпринимается попытка определить, на чём могли бы основываться договорённости между внешними гарантами возможного соглашения об урегулировании конфликта на Украине.

Историческая политика на Украине в президентство В. А. Ющенко

62

О. Яхшиян

Автором рассмотрена политика на юго-востоке Украины, которую проводил В. А. Ющенко (2005–2010 гг.). В рамках этой политики утверждались два основных мифа: голодомор как геноцид украинского народа и героизация Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА), их лидеров С. Бандеры и Р. Шухевича. Материалы, на которых построена статья, показывают, что оба эти мифа, а также методы их насаждения, оказались несовместимы с характерной восточнукраинской идентичностью и упорно отторгаются населением Новороссии.

Политический идеал США и демократия

74

А. Никандров

Рассматривая философско-политическое определение политического идеала Америки, автор анализирует отношения политического идеала Америки и демократии, политического идеала Америки и демократического идеала и приходит к выводу, что демократия является не необходимым компонентом политического устройства США, а скорее декоративным элементом, служащим обоснованием для осуществления «глобальной демократизации».

«Дело „Амеразии“» – на пороге маккартизма

87

Я. Левин

В статье рассматривается расследование ФБР так называемого «дела „Амеразии“» и его влияния на деятельность бюро и внутреннюю политику США на основе архивных материалов и других источников по истории ФБР.

Международное миротворчество: содержание понятия

97

П. Шамаров, С. Лавренов

На основании рассмотрения научных взглядов отечественных и зарубежных учёных по определению сущности и содержания термина «международная миротворческая деятельность», или «миротворчество», показано использование в официальных и научных материалах разнообразных по своему содержанию дефиниций миротворчества, проведена авторская классификация современных операций НАТО по поддержанию мира и международной миротворческой деятельности в целом.

Содержание на английском языке

115

Уважаемые читатели!

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесёнными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук. Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в указанный перечень.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; БОЙКО Ю. П. – д. п. н., проф.; ВЕРЕЦЦАГИН Ю. А. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н.; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КОВНИР В. Н. – д. э. н., проф.; КОМАРОВ И. К. – д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. – д. в. н., проф., генерал-майор; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; МАЙОРОВА Е. И. – д. ю. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н. проф.; ПАВЛЕНКО В. Б. – д. п. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕДА В. Н. – д. ю. н., проф.; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

АРИСТОВ В. В.	— доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО (У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН
ЯКОВЛЕВ В. Ф.	— доктор юридических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации

© Институт стран СНГ

Холодная война как элемент системы противостояния Запада и России*

Владимир ШТОЛЬ

Явление, которое вошло в международный политологический словарь в середине XX в. как холодная война, в действительности существует многие столетия и выражается в противостоянии Востока и Запада на Евразийском континенте. Просто в разные времена оно имело различные названия, при этом не меняя своей сути.

Противостояние, переходящее время от времени в военные действия, включает различные геополитические аспекты, но основные – это конфессиональный, культурно-ментальный и территориальный.

Конфессиональный аспект связан прежде всего с внутренними конфликтами в христианстве. После падения Западной Римской империи в V в.** под натиском варваров и внутренних противоречий Древний Рим стал исходной точкой «великой схизмы», завершившейся в 1054 г. расколом христианства на католицизм и православие, которое уже с IV в. было официальной религией Восточной Римской империи – Византии. Восточное православие не имеет единого церковного центра (как католицизм), а состоит из нескольких автокефальных церквей, каждая из которых обладает своей спецификой, но придерживается общей системы догматов и обрядов.

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой регионального управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. *E-mail:* v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: холодная война, противостояние Запад – Россия, кризис в Восточной Европе, Карибский кризис.

* Основные тезисы данной статьи были изложены автором на выступлении в Крыму на международном молодёжном форуме «Таврида» в июле 2016 г. (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jzp1llwcJcY>)

** Римская империя распалась на Западную и Восточную в конце IV в.

На Руси православие появилось в X в., а после падения Константинополя (1453 г.) именно Московская православная Русь встала на пути католического прозелитизма, на пути пап римских (как «делателей королей»), стремившихся распространить свою власть и на восточнославянские земли.

Можно указать в качестве примера политики Ватикана образование на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского грекокатолической церкви как результат объединения православной и католической церквей (Брестская уния 1596 г.) под эгидой папы римского. Униатская церковь приняла католическую догматику, но сохранила богослужения на славянском языке и православную обрядность. Брестская уния была расторгнута в 1946 г. (т. е. после окончания Второй мировой войны), но вновь начала действовать на территории Украины после распада СССР, агрессивно захватывая православные приходы Русской православной церкви (РПЦ).

Кроме того, с поддержкой Ватикана и при непосредственном участии Константинопольского патриархата в 90-е годы часть православных приходов в Эстонии были выведены из состава Русской православной церкви. В настоящее время то же самое пытаются осуществить с православной церковью в Киеве, входящей в РПЦ, но пользующейся определённой автономностью.

Защита своих границ – основная задача России

Вопросы защиты своей территории от нашествия иностранных полчищ, в частности с Запада, перед восточными славянами стояли всегда.

Как пример можно взять Германию, которая в Средние века, когда власть императора Священной Римской империи была чисто номинальной, представляла собой множество княжеств, враждовавших между собой и с соседями. Немецкие князья вели захваты славянских земель к востоку от Эльбы, затем Одера и дальше вдоль побережья Балтийского моря до Финского залива.

В 1202 г. для завоевания Прибалтики был учреждён духовно-рыцарский орден меченосцев. Примерно тогда же начали возвращаться на родину из крестовых походов рыцари Тевтонского ордена, умевшие только воевать и грабить, но не привезшие особых богатств с мусульманского Востока. В Германии, раздираемой междоусобицей, они были не нужны. Именно в это время польские князья выделили ордену земли литовского племени пруссов, захват которых сопровождался порабощением коренного населения, изгнанием его со своей земли.

В 1237 г. меченосцы (после поражения в 1236 г. от литовцев и земгалов) объединились с Тевтонским орденом, став Ливонским (1237–1561 гг.), который владел Прибалтикой от устья Вислы до Финского залива. На завоеванные земли орден приглашал обедневших рыцарей и переселенцев из немецких княжеств.

Немцы пробовали продвинуться ещё дальше на восток и захватить русские земли вместе со шведами. Но последние потерпели поражение в 1240 г. от Александра Невского, а немецкие рыцари в 1242 г. – на Чудском озере (Ледовое побоище).

С конца XIII в. Ливонский орден стремился распространить свою власть и на Литву даже после объединения её с Польшей (1385 г.) под властью литовской династии Ягеллонов, но в Грюнвальдской битве (1410 г.) польско-литовско-русские (смоленские) войска и чехи одержали победу и этим положили конец немецким захватам в Прибалтике. В 1466 г. орден уступил часть своих владений польско-литовскому государству и признал свою вассальную зависимость от польского короля. Дальше агрессию на восток от немецких псов-рыцарей перехватила польская шляхта.

После Куликовской битвы (1380 г.) и ослабления монголо-татарского ига возросла роль Москвы и на Руси начало складываться единое государство, а притязания захватчиков только возросли, и среди них польско-литовские были самыми активными и крикливыми. Нападения на русские земли превратились в основу политики Речи Посполитой (образована на основе Люблинской унии 1569 г.). При этом поляки на протя-

жении XVII–XVIII вв. никак не могли выбрать себе правителя: то приглашали представителей французской и шведской династий, в том числе Карла XII, то саксонских королей. И с какими только союзниками польские войска не приходили на земли Московского государства, пытаясь распространить свою власть от Балтики до Чёрного моря! Это и шведы, и немцы, и австрийцы, и турки. Наверное, в том числе именно из-за непредсказуемости власти в Польше все русские самодержцы стремились создать кордон на западных границах империи. В этом русле надо рассматривать русскую политику во второй половине XVIII в., когда в результате военных действий, завершившихся разделом Речи Посполитой (1772 г., 1793 г. и 1795 г.), бóльшая часть польских земель при Екатерине II вошла в Российскую империю. Правда, при этом Петербург сохранил для этой территории, в отличие от Австрии и Пруссии, и национальный язык, и законодательство, и вероисповедание.

Лишь после Венского конгресса (1814–1815 гг.) с образованием Царства Польского в составе Российской империи, и особенно после подавления восстания польской элиты (30–40-е годы XIX в.) при Николае I Российская империя обрела определённый покой на своих западных границах. Это было как раз то, к чему Россия всегда стремилась – к забываемости своих границ.

Чтобы закончить вопрос с Польшей, нужно проанализировать её антирусскую политику и в XX в.

Два раза Польша пропустила через свою территорию немецкие войска, правда, и сама пострадала, но

характер своих отношений с Россией не изменила. Это доказывают и все события уже XXI в.

Лишь отрезок времени с 1945 г. по 1991 г. можно считать нормальным. В современной Варшаве совершенно забыли, что Польша была спасена СССР от исчезновения с политической карты мира. Для этого Гитлер провёл раздел страны: наиболее промышленно развитые западные территории присоединил к Рейху, а на восточных – создал генерал-губернаторство. Его глава – Ганс Франк, вступая в должность, заявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена... Мы добьёмся того, чтобы стёрлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство» [1].

В Варшаве забыли, что её современные границы, значительно увеличившие территорию страны, – тоже заслуга Москвы.

На Тегеранской и Потсдамской конференциях именно Советский Союз отстаивал их, считая, что сильное Польское государство сможет себя защитить, избавиться от многовекового комплекса неполноценности и тем самым обеспечить спокойствие на советско-польской границе и в отношениях двух стран.

Но Польша хоть и яркое, но лишь частное проявление отношения Запада к России.

В XIX в. можно вспомнить и Крымскую войну (1853–1856 гг.), поводом для которой послужили

разногласия между Францией и Россией по вопросу «святых мест», т. е. о храмах Иерусалима и Вифлеема, когда турецкий султан подтвердил, что Католическая церковь имеет права и преимущества в храмах Иерусалима и Вифлеема. Со стороны русской дипломатии последовал протест с указанием на преимущества Православной церкви перед Католической на основании условий Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.).

В спор вмешалась Британская империя, и как результат – на побережье Крыма в районе Севастополя высадились английские, турецкие и французские войска, а также войска Сардинского королевства. Спор о «святых местах», конечно, важен, но главным было – вытеснить Россию из Чёрного моря, чтобы она забыла хотя бы на время о проливах.

Если посмотреть на историю войн на Евразийском континенте, и в частности в Европе, то Российская империя никогда не была инициатором захватнических походов в Западную Европу, военные действия с выходом на территорию противника практически всегда провоцировались Пруссией, Францией, Австрией, а позже Австро-Венгрией, Швецией, Польшей, Великобританией. Можно как отдельный эпизод вспомнить лишь Итальянский поход Суворова (1799 г.), в который его отправил император Павел I воевать за чуждые австрийские интересы, вдохновившись рыцарской этикой Мальтийского ордена.

¹ Цит. по: История Польши. М.: Изд. АН СССР, 1958. Т. III. С. 531.

Фашизм в Европе против СССР

Наши западные партнёры (как теперь часто говорят) всегда старались покончить с Россией как сильным и независимым государством. Самым близким примером является ещё совсем недавняя история XX столетия.

В Первую мировую войну Российская империя по большому счёту вступила за чужие интересы, запутавшись в англо-французских и австро-германских интригах. И в Парижских переговорах она не участвовала. Союзники по Антанте всё решили без неё, хотя их победа – это заслуга в значительной степени действий русских армий, хоть и с переменным успехом, на Восточном фронте (1914–1916 гг.).

Версальский мир не принёс долгосрочного мира континентальной Европе, он оставил слишком много вопросов, обострив борьбу между союзниками (Англия – Франция, США – Англия, США – Япония, Италия – державы Антанты). Версальский мир не покончил с войной, а превратил её в постоянную угрозу существующему миропорядку.

К Версальскому миру вполне можно отнести слова К. Маркса, сказанные о Франкфуртском мирном договоре (1871 г.) между Францией и Германией: его условия – «это вернейший способ превратить... войну в европейскую институцию... Это

безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие» [2].

Трагические и сложные события, произошедшие в Российской империи с начала XX в. (поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг.*, революционные выступления 1905 г., столыпинские реформы, военные неудачи в Первой мировой войне, революции 1917 г., приведшие к победе большевиков, Гражданской войне и интервенции), которые, казалось бы, должны были покончить с Россией как державой, обладавшей к концу XIX – началу XX в. потенциалом, сопоставимым с потенциалом крупнейших европейских стран вместе с их колониями.

Но даже послереволюционная разруха и интервенция против молодого государства стран Запада (Великобритания, США, Япония, Польша, Франция), эмбарго, установка Л. Троцкого и К^о на «мировую революцию», бесконечные конфликты в руководстве страны в борьбе за власть, за выбор пути развития и т. п. не привели к желаемому результату: Россия ушла из той системы европейских ценностей, которая и была причиной Первой мировой войны, и стала опорной государственностью коммунистического (советского) проекта, основанного на принципиально иных идеологических началах.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1935. Т. XXVI. С. 68.

* Поражение в войне и заключённый Портсмутский мир (1905 г.) соответствовали англо-американской политике, направленной на ослабление влияния Российской империи на Дальнем Востоке. Токио заручился поддержкой Лондона и Вашингтона, которые содействовали передаче Японии Порт-Артура и Ляодунского полуострова. В принципе, это соответствовало и интересам Германии. Кроме того, заключив секретные соглашения с США и Великобританией, Япония добилась признания своих «прав» на Корею.

Теперь Западу пришлось искать новые силы в противовес не только России, но и её общественному строю. Ими оказался фашизм.

Своё наступление на коммунизм не только как на общественный строй, но и как идею Европа начала с Испании и Италии при активной поддержке Ватикана. Святой престол предложил Западу в качестве идейного стержня вечное противостояние двух христианских конфессий – католицизма и православия. При определённых условиях европейским лидером при поддержке Ватикана должна была бы стать Италия. Но ни Франция, ни Великобритания на это никогда бы не согласились, а военно-экономический потенциал Италии не воспринимался другими странами Старого Света всерьёз как самостоятельная сила возможного лидера. Поэтому для Великобритании и Франции итальянский проект по разным причинам был недопустим. Кризис в борьбе за лидерство грозил новой войной в Европе, но она могла не достичь главной цели – ликвидации России как оплота коммунистической идеологии и носителя совершенно иной духовности.

Именно поэтому приемлемым оказался нацистский проект. Фашизм там обрёл германский колорит, апеллирующий к исконно немецким ценностям, эпосу, к униженной Версальским договором национальной гордости, и опирался на эзотерику в современной интерпретации и характерную для германской ментальности мистику.

По существу, нацизм и идеология Третьего рейха были логическим продолжением определённой части немецкой философской мысли, а вся

фашистско-немецкая проблематика основывалась на специфике немецкого национализма, зародившегося ещё до наполеоновских войн и получившего новый импульс в виде различных течений романтического национализма в XIX в.

Германская империя, образовавшаяся на формальной базе общего языка, была внутренне слабой как государство, но с большими агрессивными амбициями по отношению к соседним европейским странам с многовековой историей.

Сделав опорной государственностью фашистского проекта Германию, а Италию – её первой союзницей, ведущие европейские игроки «притормозили» католический проект и связанные с ним конфликты в Старом Свете. Выбор пал на Германию и потому, что там была велика вероятность прихода к власти коммунистов, что означало бы полную катастрофу как западного (протестантского), так и католического проектов. Только этим можно объяснить, что Франция терпела усиление Германии, а Великобритания приложила немало сил, чтобы убедить французов в том, что опасности в этом нет.

Приход Гитлера к власти стимулировал фашистские маргинальные партии в странах Западной Европы и на Американском континенте. К середине 30-х годов в 20 из 26 стран Европы существовало около полусотни фашистских партий, ставших во многих государствах (Венгрия, Австрия, Албания, Финляндия и т. д.) влиятельной силой. Не обошли идеи фашизма и властную элиту Великобритании, Франции, Норвегии, США, а в Венгрии, Греции и Албании их представите-

ли возглавили государственную власть. Во всех европейских странах хотя модели фашизма были разные, но агрессивные цели созвучны.

Захватив лидерство в фашистском проекте, Гитлер получил власть под то, что составляет суть общеевропейского консенсуса – «уничтожение России как исторической данности».

Немецкий философ В. Шубарт писал в 1938 г.: «Я сейчас ставлю вопрос не о том, что значит большевизм для России, а о том, что он значит для Европы... речь идёт о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами» [3].

Соглашательская политика Великобритании и Франции при попустительстве США и их усилия, чтобы направить агрессию Третьего рейха по пути *Drang nach Osten*, увенчались успехом.

При этом, как утверждал американский сенатор А. Ванденберг (правда, в 1949 г.), «...когда Гитлер планировал Вторую мировую войну, он никогда бы не начал её, если бы имел сколько-нибудь серьёзные основания полагать, что в ней он столкнётся с Соединёнными Штатами. Я думаю, что его уверенность в том, что это не произойдёт, основывалась на нашем тогдашнем законодательстве о нейтралитете» [4].

Установка на победную войну на Востоке соответствовала идеям самого фюрера. С момента прихода к власти он твердил о «расширении жизненного пространства (*Lebensraum*)», необходимости его завоевания и решительного онемечивания. Даже заключение договора с СССР он так обосновал в разговоре с верховным комиссаром Лиги Наций (11 августа 1939 г., Данциг): «... мне нужна Украина, чтобы мы не гибли, как в последней войне, от голода» [5].

Таким образом, в вопросе ликвидации России совпадали взгляды всех ведущих мировых игроков в конце 30-х годов XX в., а борьба с «большевистской чумой», или коммунизмом, была только предлогом.

И вновь вся Европа воевала с Россией или как союзники Германии, или как добровольцы. Исключений не было. Об этом говорит и национальный состав военных пленных, оказавшихся на территории СССР [6].

Но опять получилось не совсем так, как хотелось: СССР, хотя и понёс огромные человеческие и материальные потери, вышел из войны с технической базой, превосходящей довоенный уровень, научный потенциал был на уровне стран-победительниц, а вот моральное состояние общества, его патриотизм и сплочённость позволяли говорить о том, что страна вышла из войны победительницей не только на полях войны.

³ Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: ЭКСМО, 2003. С. 49.

⁴ The Private Papers of Senator Vandenberg. L., 1953. P. 479–480.

⁵ Цит. по: Червов Н. Ф. Провокации против России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 236.

⁶ Штоль В. В. Цена Второй мировой войны // Обозреватель–Observer. 2014. № 6.

Великая Отечественная война была испытанием как самой страны, так и прочности её государственности. Именно это помогло в послевоенные годы в тяжелейших условиях нехватки буквально всего самого необходимого восстановить экономику на мировом научно-техническом уровне.

Символично, что после подписания в Берлине Акта о безоговорочной капитуляции вооружённых сил Германии (8 мая 1945 г.*) Маршал Советского Союза Г. К. Жуков сказал генерал-фельдмаршалу В. Кей-

телю: «Исторический спор славян и тевтонов окончен» [7].

В этой фразе заключался метафизический смысл победы СССР в Великой Отечественной войне и его решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Победы добра над вселенским злом. Но к сожалению, эта борьба вечна. И неслучайно, что после исторически весьма краткого периода союзнических отношений практически сразу, уже в Потсдаме, обозначаются новые контуры известного противостояния Запада и России.

Антигитлеровская коалиция: от борьбы с общим врагом к конфронтации

Иво время войны, и при подписании Потсдамского соглашения Западу, учитывая большую роль Советского Союза в одержании победы над Третьим рейхом, приходилось считаться с ним. Правда, в антигитлеровской коалиции среди союзников всегда существовали идеи о сепаратном мире с Германией, а уже в конце войны – использовать сдавшиеся англо-американским войскам немецкие части и их вооружение против Советской армии.

Идея принадлежала У. Черчиллю. В апреле 1945 г. он отдал приказ разработать план операции с возможным началом военных действий 1 июля 1945 г.

Черчилль писал в своей книге «Вторая мировая война»: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение от-

ношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству.

Решающие практические вопросы стратегии и политики... сводились к тому, что:

во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против её стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток;

⁷ www.iarex.ru/articles/45094.html

* По московскому времени – 9 мая 1945 г.

в-четвёртых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами;

в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии;

наконец – и это главное – урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто *до того, как армии демократии уйдут* или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали, или, как об этом вскоре можно будет писать, освободили от тоталитарной тирании» [8].

Учитывая складывающуюся для Запада обстановку, Черчилль дал указание Имперскому Генеральному штабу начать планировать операцию против Красной армии, определив её начало 1 июля 1945 г. Цель – заставить СССР выполнить принятые США и Великобританией договорённости и «справедливо» решить польский вопрос. Британские генералы вполне трезво оценили не только соотношение сил в центре Европы, но и военный потенциал сторон. Их вывод сводился к тому, что если даже англо-американские союзники на первом этапе и дос-

тигнут успеха, но развить его не смогут. Поэтому операция «Немыслимое» обречена.

Как отметил начальник штаба А. Брук, «идея, конечно, фантастическая, но шансов на успех не имеет. Без сомнения, отныне Красная армия станет главной военной силой в Европе».

При этом отношения между У. Черчиллем и Г. Трумэном нельзя было назвать тёплыми.

Премьер-министра раздражала неосведомлённость нового американского президента в европейских делах, а англичане одни ничего не могли предпринять.

Трумэн же считал Черчилля «махровым империалистом». Он уже отверг предложения премьер-министра о захвате Праги и Берлина, сделанные в последние дни войны, чтобы улучшить англо-американские позиции при обсуждении послевоенного устройства Европы с СССР. Именно поэтому в потсдамских документах были закреплены предыдущие договорённости между союзниками: страны Восточной Европы будут находиться в сфере влияния СССР, Австрия и Финляндия станут нейтральными, в Греции сохранится английское влияние, через три месяца после капитуляции Германии Советский Союз начнёт военные действия против Японии.

Но подписав соглашение в Потсдаме, судя по последующим событиям, англосаксонский Запад остался неудовлетворён: с одной стороны, у него атомная бомба, взорванная накануне Потсдама, но с другой –

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. VI. Триумф и трагедия. М.: Воениздат, 1955. С. 574–575.

высокий авторитет СССР, подкреплённый потенциалом частей Советской армии, расквартированных в Европе.

Прошло всего несколько месяцев после войны, и Черчилль произносит (5 марта 1946 г.) свою известную речь в Фултоне (штат Миссури), где впервые прозвучали выражения

«особые отношения», «мускулы мира», «железный занавес» [9].

Этой речью был задан тон взаимоотношениям между Вашингтоном – Лондоном и Москвой. Противник установлен – это СССР. Средства определены – это военный потенциал Запада, опирающийся в том числе и на атомное оружие США.

Холодная война в трактовке XX века

Фултонская речь Черчилля – это реперная точка отсчёта начала очередного этапа противостояния Запада и Востока в новой форме холодной войны.

Термин «холодная война» вошёл в политический лексикон в 1947 г. с лёгкой руки известного американского журналиста У. Липпмана. Но в художественной литературе он появился ещё осенью 1945 г. в очерке Дж. Орруэла «Ты и атомная бомба», где он писал о противостоянии двух супердержав, обладающих атомным оружием. В результате начнётся, по его мнению, эпоха страшной стабильности, когда мирное время не будет мирным, а мир будет поддерживаться постоянной холодной войной.

Имеет смысл рассмотреть как само понятие «холодная война», так и её причины в понимании специалистов и учёных.

По утверждению А. Шлезингера, «в своём первоначальном виде термин „холодная война“ обозначал, по-видимому, смертельный антагонизм, в котором сочеталось соперничество великих держав, идеологи-

ческая борьба, военная отстранённость, т. е. участие (или поддержка какой-либо из сторон) в чужих войнах и постоянная угроза взаимного ядерного уничтожения» [10].

Среди политологов, особенно западных, идут споры об истоках холодной войны.

Одна точка зрения господствовала в 50-е и 60-е годы. Её возникновение связывают с послевоенным крахом союзнических отношений, а причины видят в распространении после войны идей коммунизма и советского влияния в Европе, в том числе в образовании стран народной демократии, авторитете коммунистических партий и влиянии социалистической идеологии в Западной Европе и мире, росте национально-освободительных движений в Африке, Азии, Латинской Америке, испытании СССР своей атомной бомбы (1949 г.), что позволило ему стать второй атомной державой мира. Сюда же относят провозглашение Китайской Народной Республики на огромной материковой части Китая (1949 г.) и неудачи

⁹ Черчилль У. Речь в Вестминстерском колледже I // Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2006.

¹⁰ Schlesinger A. The Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 22.

США в Корейской войне (1950–1953 гг.).

В 60-е годы, во время Вьетнамской войны, появилась иная точка зрения, а именно: политика США – основная причина холодной войны, а русские зачастую просто действуют в ответ на агрессивные американские притязания на рынки и политический диктат в условиях большой асимметрии в балансе сил.

Интересны взгляды на виновных в возникновении холодной войны К. Типпельскирха, бывшего начальника главного разведывательного управления сухопутных войск Третьего рейха. Он обвиняет в близорукости западных лидеров, а всю ответственность за международную напряжённость возлагает на СССР: «Главная вина в этом (холодной войне. – *Авт.*) падает, конечно, на Советский Союз. Но значит ли это, что государственные деятели западных держав по этой причине ни в чём не виноваты? Разве трудно было предугадать, что так будет? Разве ответственные государственные деятели Запада не были по крайней мере легковёрны, когда пытались сверх военного союза добиться политической реорганизации мира рука об руку с державой, недвусмысленно показавшей ещё в 1939 году, что она понимает под демократией и освобождением народов? Только трудно объяснимая близорукость могла привести к той обстановке, от которой сейчас страдает и ещё неопределённо долго будет страдать весь мир» [11]. Это было напрасно в 50-е годы прошлого века, когда ещё были совсем свежи воспоминания об ужасах войны.

Конечно, появились и высказывания, в которых утверждалось, что обе стороны виноваты в создании международной напряжённости, так как и США и СССР преследуют свои собственные цели, защищают свои интересы и поэтому ошибочно трактуют действия другой стороны, а «структурная асимметрия в приложении к силе и политическим системам затрудняет взаимопонимание». Отсюда делался вывод, что русские, в частности И. В. Сталин, больше беспокоились о своей безопасности (так, как они это понимали), что и послужило поводом создания советской сферы влияния в Восточной Европе (об этом говорят и материалы Ялтинской и Потсдамской конференций), чем о мировом господстве. Однако даже пассивная забота Советского Союза о собственной безопасности рассматривалась как угроза западным интересам.

Таким образом, это ещё одно подтверждение исторического опыта: противостояние СССР/Россия – Запад неизбежно.

Возвращаясь к проблеме межсоюзнических отношений в антигитлеровской коалиции, надо отметить, что в плане подготовки новой войны США не слишком отставали от своих английских единомышленников. Прежде всего были разработаны программы экономической помощи европейским странам (план Маршалла) и развивающимся странам (четвёртый пункт программы Трумэна «Мир и свобода»). Последний план был ориентирован на то, чтобы через оказание технической помощи помешать развитию отношений

¹¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: ИЛ, 1956. С. 105–106.

стран третьего мира с СССР и странами народной демократии.

Параллельно с экономическими планами поддержки Европы и стран третьего мира США разрабатывали начиная с 1946 г. военные планы против СССР (*Dropshot*, *Totality* и др.), которые опирались на тотальное применение ядерного оружия.

Так, в течение всего президентства Эйзенхауэра военная политика США строилась на доктрине «массированного ядерного удара». Президент даже уволил в отставку начальника штаба армии М. Тэйлора, когда тот предложил её дополнить и видоизменить, чтобы адаптировать внешнюю и военную американскую политику к реалиям 60-х годов, когда США в случае ядерной агрессии против стран соцлагеря не могли избежать ответного возмездия. А генерал М. Тэйлор, не отрицая важности ядерного оружия, предлагал увеличение обычных во-

оружий. В дальнейшем это оформилось в стратегию «гибкого реагирования», полностью поддержанную президентом Дж. Кеннеди.

Всё это означало полномасштабную холодную войну, силовым компонентом которой стала Организация Североатлантического договора (4 апреля 1949 г.), создание которой явилось осознанным шагом Запада, закрепившим окончательный раскол мира на два лагеря.

Первый генсек Североатлантического альянса лорд Исмей говорил: «НАТО создана для того, чтобы обеспечить присутствие США в Европе, не допустить Советский Союз в Европу и контролировать Германию». (Последнее утверждение, когда Германия стала основной опорой американской военной политики в Европе, приобрело особое значение.)

Важно отметить, что и сегодня, по прошествии почти 70 лет, эти цели не изменились.

Кризисы биполярной системы

Как утверждал У. Черчилль, весьма недовольный союзниками, особенно генералом Шарлем де Голлем, хуже плохих союзников может быть только война совсем без союзников.

То же самое можно сказать и о восточноевропейских союзниках СССР, входивших в ОВД и СЭВ. Но при всех издержках они были нужны и к каждому из них требовался свой индивидуальный дипломатическо-силовой подход. (С этим советская дипломатия, как показали события 50–90-х годов, справлялась не всегда достаточно эффективно.)

Народно-демократические силы, пришедшие к власти на волне антифашистских настроений и чувствуя за спиной Советскую армию, не имели по большому счёту надёжной опоры среди населения с мелкобуржуазной психологией и «бюргерскими» традициями. И это при мощной информационной и в ряде случаев материальной поддержке с Запада оппозиционным режимом настроений. Против стран социалистического лагеря, особенно восточноевропейских, Запад проводил политику, направленную на его разрушение.

Итак, стремясь избежать потенциальной военной опасности и установления «санитарного кордона», как в 20-е годы, на своих западных границах, СССР способствовал приходу к руководству в восточноевропейских странах, освобождённых Советской армией, дружественных правительств. Кстати, о распределении там влияния между СССР и Великобританией была известная договорённость, которую предложил У. Черчилль И. В. Сталину. Однако рост политического влияния Советского Союза в самом центре Европы после войны не устраивал прежде всего именно Великобританию, которая пыталась вернуть свои довоенные позиции с помощью США, поддерживая прозападно настроенные политические силы в этих странах.

Во многом поэтому кризисные проблемы в восточноевропейских странах народной демократии начались уже через несколько лет после провозглашения народной власти и прихода к руководству государством коммунистических партий и примкнувших в них в некоторых странах социал-демократов и подобных весьма ненадёжных попутчиков, как по доброй воле, так и в силу сложившихся обстоятельств.

Если перечислять такие события по хронологии, то это ГДР (июнь 1953 г.), Польша (октябрь 1956 г.), Венгрия (октябрь 1956 г.), Чехословакия (январь – апрель 1968 г.).

В основе этих событий лежали в основном социально-экономические причины. После окончания Второй мировой войны в этих странах началась перестройка экономической, социальной и политической сфер по советскому образцу: плановая экономика с упором на уско-

ренное развитие тяжёлой промышленности, что приводило порой к проблемам в производстве товаров народного потребления; коллективизация в сельском хозяйстве; установка на однопартийность и т. д.

При соответствующей идеологической обработке с Запада и отсутствии гибкости со стороны руководства стран социально-экономические проблемы послужили толчком к вспышке недовольства (особенно среди молодёжи), быстро принявшим политическую окраску.

Германская Демократическая Республика. Начавшиеся в июне 1953 г. в Берлине волнения быстро распространились по территории Восточной Германии и были вызваны прежде всего экономическими причинами (высокие цены, нехватка предметов первой необходимости, политика в сельском хозяйстве и т. п.). Всё большее число жителей ГДР переезжало в Западную зону оккупации. В ответ правительство ввело чрезвычайное положение с привлечением частей Советской армии.

Волнения были подавлены, но недовольство осталось, при этом западные спецслужбы свою работу среди населения не прекращали ни на миг.

А дальше был XX съезд КПСС и весьма неожиданный для многих наших союзников доклад Н. Хрущёва о культе личности.

Это, конечно, подорвало авторитет Советского Союза не только в восточноевропейских странах, но в мировом масштабе, о коммунистическом движении говорить даже не приходится. К тому же борьба с одним культом (как отметил М. Шоло-

хов на съезде советских писателей после XX съезда партии, «был культ, была и личность») сопровождалась созданием в темпе другого культа – самого Хрущёва в достаточно специфическом виде (кукуруза, развал структуры управления экономикой, неоднозначные поступки на международной арене, усиление роли партии во всех сферах жизни страны и т. п.).

Скорее всего, разоблачение культа личности в качестве внешнего фактора ускорило кризисные события в Польше и Венгрии.

Польша. В стране в 1955 г. объём промышленного производства в четыре раза превысил довоенный уровень, но основные проблемы были в лёгкой промышленности и сельском хозяйстве, где крестьянство было поголовно недовольно планами сплошной коллективизации. Руководство страны показало свою полную неспособность не только элементарно просчитать последствия проводимой политики, но и справиться с ними. Для разрешения ситуации ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.) отправил в отставку почти всё руководство партии, а срочно реабилитированный В. Гомулко объявил о проведении реформ, направленных на «спасение и обновление» социализма с учётом польских условий, а также нормализации отношений с Католической церковью.

В целом октябрьский кризис в Польше завершился мирно, хотя и существовала угроза силового внешнего вмешательства.

Венгрия. Причины кризиса были такими же, как и в Польше, при этом надо отметить, что СССР, проявив

добрую волю, отказался от репараций со стороны бывших союзников фашистской Германии (Венгрии, Румынии, Болгарии) практически сразу после создания СЭВ (1949 г.). Кстати, ФРГ завершила выплату своих репараций западным союзникам только в 2010 г.

Венгерские события стали итогом обострения ситуации в стране, подогреты ещё волнениями в Польше. Но и здесь не обошлось без Запада. США обещали новому венгерскому кабинету Имре Надя военную и экономическую поддержку, хотя в критический момент и отказались. В Будапешт были введены бронетанковые войска СССР и ГДР. Жертвы были с обеих сторон, и это наложило отпечаток на дальнейшие взаимоотношения стран.

Чехословакия. То, что произошло в стране, было подготовлено в определённой степени реформистски настроенными силами внутри КПЧ и повлекло смену руководства в партии, так как изменение позиций КПЧ могли привести в перспективе даже к выходу страны из ОВД, а это означало бы подрыв и всей восточноевропейской системы безопасности.

Возможность распространения «цепной реакции» от Праги на другие страны соцлагеря, что могло спровоцировать социальные потрясения, аналогичные ГДР и Венгрии, вызвала отрицательную реакцию со стороны руководителей ГДР, Польши, Болгарии и СССР. Более сдержанную позицию заняли Венгрия и Румыния. Последняя в дальнейшем не участвовала и в вводе войск стран ОВД.

В СССР, после событий в Венгрии, достаточно долго определялись

с принятием решительных мер относительно происходящего в ЧССР. В конце концов к политическому нажиму на Прагу прибавился и военно-психологический: вблизи границ Чехословакии проводились крупномасштабные учения войск ОВД, а затем в июне-июле 1968 г. войска пяти стран Варшавского договора (СССР, ГДР, Польша, Болгария и Венгрия) даже после учений остались на территории ЧССР.

Но во всех случаях недовольство среди населения (особенно молодежи), любые реформистские настроения в руководстве стран, идущие в противовес политике СССР, как открыто, так и тайно, поддерживались Западом. Это была и информационная, и политическая, и материальная помощь, не говоря уже о том, что все категории перебежчиков (от футболистов и других спортсменов до деятелей культуры и политиков) встречались на Западе с распрости́ртыми объятиями.

В ряду таких событий несколько отдельно стоят Берлинский (август 1961 г.) и Карибский (октябрь 1962 г.) кризисы.

Берлинский кризис. В 1961 г. СССР передал управление своим Восточным сектором Берлина ГДР и сделал предложения США, Великобритании и Франции по нормализации положения в Центральной Европе. Это касалось и демилитаризации Западного Берлина, где находились оккупационные войска США, Великобритании и Франции и где была высокая концентрация западных спецслужб, работавших

против соцлагеря. (Это даже нашло отражение в книгах известных зарубежных авторов детективов, таких как Ян Флеминг, Джон Ле Карре, Б. Райнов.)

Советские предложения были направлены на признание двух германских государств и закрепление границ между ними, а также придание международного статуса Западному Берлину как самостоятельной административно-политической единицы. Поэтому закрепление германским мирным договором сложившихся границ должно было оказать благотворное влияние на ослабление напряжённости в самом центре Европы.

Но в США на это был совершенно иной взгляд, который подкреплялся бесконечными просьбами ФРГ об усилении американской военной помощи. Избранный президентом США в 1960 г. Дж. Кеннеди, с одной стороны, достаточно дозированно увеличивал помощь ФРГ, а с другой – не соби́рался принимать предложения Москвы по Западному Берлину, заявляя: «Говорят, что в военном отношении Западный Берлин удержать нельзя. Да, так считали и с Бастонью, так считали и со Сталинградом. Но любое уязвимое место удержать можно, были бы смелые люди» [12].

В ответ на действия ФРГ и западной оккупационной администрации была создана система ограждений (Берлинская стена), прикрывающая границу ГДР, что вызвало «озабоченность» в Вашингтоне. В Белом доме заседания шли круглосуточно и вероятность термоядерной войны

¹² *Sidney H. J. Kennedy: a Portrait of a President.* N. Y., 1964. P. 276.

оценивалась в 20%. Сделанный из ситуации вывод был чисто американский, а именно: необходимо увеличение военной мощи США, включая возобновлённые испытания ядерного оружия. При этом отмечалось, что любые «конкретные акции» при существующем паритете сил приведут к большой войне.

По утверждения Р. Макнамары, «мы не можем выиграть термоядерную войну, стратегическую термоядерную войну, в принятом смысле слова „выиграть“» [13].

Вот так и «законсервировался» Берлинский кризис на целых 30 лет, с промежуточным решением – подписанием четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину (3 сентября 1971 г.) союзниками по антигитлеровской коалиции.

Карибский кризис имеет свою предысторию. После свержения на Кубе режима Батисты, креатуры Вашингтона, и прихода к власти в Гаване Ф. Кастро и его команды администрация Д. Эйзенхауэра начала подготовку к восстановлению на острове статус-кво. Наиболее активную роль в разработке плана вторжения играло ЦРУ, от которого не отставали Госдепартамент, Пентагон.

Сначала хотели организовать на острове «партизанское движение», но поняли, что для него нет социальной основы. Поэтому остановились на идее внезапного вторжения. По утверждению готовивших вторжение, «положение на Кубе созрело для восстания». Однако вы-

садка кубинских контрреволюционеров провалилась. Американские военные требовали от президента приказа о высадке на Кубе морской пехоты.

Дж. Кеннеди не дал на это согласие и потом долго отрицал вообще участие американских ВВС в кубинской авантюре. Но впоследствии уже без всяких оговорок ближайший советник президента Т. Соренсен признал, что агрессия на Плайя-Хирон была с начала и до конца операцией правительства США. В своих воспоминаниях о Кеннеди он отметил, что десант наёмников был «организован, подготовлен, вооружён, доставлен до места высадки и руководим Центральным разведывательным управлением США» [14].

А сам Карибский кризис начался с очередного нарушения американскими разведывательными самолётами суверенитета Кубы (сентябрь 1962 г.).

Расшифровка аэрофотоснимков показала, что кубинцы усиливают свою обороноспособность, размещая на своей территории ракеты среднего радиуса действия советского производства. Американцы отлично понимали, что эти ракеты не могут изменить военного баланса сил между СССР и США, базирующегося на межконтинентальных стратегических ракетах, но решили использовать ситуацию. Хотя всем было ясно, что ракеты на острове появились лишь тогда, когда возросла вероятность повторной американской агрессии и в ка-

¹³ Макнамара Р. От ошибок к катастрофе: как выжить в первый век ядерной эры. М.: Прогресс, 1987.

¹⁴ Sorensen T. Kennedy. N. Y., 1966. P. 293.

честве ответных мер СССР против действий США в Европе*.

В Вашингтоне начались обсуждения. Запросили военных. Следует отметить, что в Пентагоне после фиаско на Плайя-Хирон работа над планом вторжения на Кубу не прекращалась.

На запрос президента генералы ответили, что обнаруженные объекты разбить можно, необходимо 500 боевых самолёто-вылетов. На уточняющий вопрос Кеннеди, а могут ли быть использованы в ответ ракеты, военные вполне профессионально ответили: через несколько минут после первого налёта, ещё до подавления объектов, ракеты, безусловно, могут стартовать. Вопрос о нанесении США ракетного удара был снят.

Ответ генералов как-то прояснил проблему для президента, но не для ЦРУ и военных. Кеннеди (23 октября 1962 г.) в качестве паллиатива подписал указ о введении военно-морской блокады острова. При этом страны ОАГ и европейские союзники всё-таки не слишком активно поддерживали антикубинскую политику США.

Осенью 1962 г. постоянно шли советско-американские переговоры. Было даже обращение Генерального секретаря ООН У Тана к главам СССР и США. В результате переговоров было достигнуто соглашение: США получили возможность наблюдать за выводом с Кубы ракет и бом-

бардировщиков, а взамен должны снять блокаду, а также вывести свои ракеты из Турции.

А. Шлезингер в своей книге о Кеннеди приводит такое его признание: «Республиканцы будут нападать на нас за то, что мы имели возможность разделаться с Кастро, вместо этого дали ему гарантию против вторжения. Я попросил Макнамару дать мне примерный подсчёт потерь в случае вторжения (оказалось 40–50 тыс. человек)... вторжение было бы ошибкой. Военные рассвирепели. Им так хотелось вторжения» [15].

Р. Кеннеди, которому пришлось непосредственно объясняться с военными, вспоминал: «Один из членов комитета начальников штабов как-то заметил мне, что он считает необходимым пойти на превентивную войну против Советского Союза... В другом случае, когда русские сообщили, что они выведут свои ракеты, некий высокопоставленный военный советник заявил мне, что нам нужно в любом случае напасть (на Кубу)...» [16].

Всё это – и Куба, и Берлин, и Прага – острые проявления холодной войны, к которым с полным правом надо отнести и Корейскую и Вьетнамскую войны, Суэцкий и Панамский кризисы, события в Никарагуа, Чили, Анголе, Мозамбике, Конго, Гане и во многих других точках планеты. А в латентной форме по законам жанра «плаща и кинжала» она шла и идёт постоянно.

¹⁵ Schlesinger A. 1000 Days. John F. Kennedy in White House. Boston, 1965. P. 541.

¹⁶ Kennedy R. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N. Y., 1969. P. 33.

* В 1961 г. США разместили в Турции (стране – члене НАТО) свои ракеты средней дальности «Юпитер», которые могли достигать городов в западной части СССР, включая Москву и другие промышленные центры страны. В качестве ответной меры СССР разместил свои баллистические и тактические ракеты на Кубе, в непосредственной близости от США.

Si vis pacem, para bellum

Для страны под названием СССР её конечной точкой была встреча М. Горбачёва и Дж. Буша-ст. на Мальте (2–3 декабря 1989 г.).

Эта встреча зафиксировала то, что готовилось несколько десятилетий. Конечно, у Горбачёва была «перестроечная бригада», которую в основном готовил и формировал Запад, а цель её работы заключалась в том, как проговорился в одном своём интервью главный идеолог перестройки член Политбюро ЦК КПСС и участник встречи на Мальте А. Н. Яковлев, чтобы ликвидировать не только СССР и коммунизм, а тысячелетнюю модель русской истории, т. е. он признал (как и Бжезинский), что «перестройщики» боролись не с коммунизмом и СССР, а с Россией и русским духом.

А дальше была сдача Германии, вывод Западной группы Советских войск и т. д.

А. И. Фурсов, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, утверждает: «Послемальтийская история показала: США, Великобритания, североатлантическая верхушка в целом ведут борьбу не против какой-то конкретной структуры русской истории, идеологии, а против исторической России, как бы она ни называлась, против России как культурно-исторического типа...» [17].

Итак, всё было предельно ясно. Советский Союз, как раньше Российская империя, а сейчас Россий-

ская Федерация, стремились и стремятся защитить свой государственный суверенитет. А вот это Запад определённо не устраивает.

В Ялте и Потсдаме советская делегация, делегации США и Великобритании выработали на условиях компромисса принципы послевоенного устройства мира. СССР, освободив Восточную Европу от власти Третьего рейха, создал кордон для защиты своих западных рубежей. Советский Союз действительно освободил восточноевропейские территории от фашизма, но большинство этих стран воевали на стороне Германии вполне добровольно за обещания Гитлера поделиться с ними плодами своей победы. Можно вспомнить и Л. Толстого, который писал в «Войне и мире», что и в 1812 г. вся Европа воевала на стороне Наполеона против Российской империи [18].

Конечно, продавали и предавали народы своих стран элиты, но великодушные победителя тоже надо уметь принять, а то в памяти остаётся неприятный осадок. К этому добавляются исторические обиды, мнимые или реальные. Всё это используется манипуляторами человеческих душ – политиками, церковью, СМИ. И вот уже комплекс ущербности готов, нужно только направить его в соответствующее русло. Что и было сделано весьма успешно в конце 80-х – начале 90-х годов. Как следствие – прежние союзники в Восточной

¹⁷ <http://www.rifinfo.ru/news/38676>

¹⁸ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 14 томах. М.: Художественная литература, 1951. Т. 6. Война и мир. С. 5.

Европе превратились в заклятых врагов, а Запад ещё использовал и приманку, утверждая, что наконец-то они вернулись в лоно своей цивилизации и уже почти «настоящие европейцы». Против этого аргумента не могла устоять никакая «братская» дружба народов.

И лагерь открытых русофобов пополнился. Но в целом западная тотальная антирусская политика никогда не прекращалась: то это были разнообразные ландскнехты и рыцарские ордена, направляемые Ватиканом, то интервенция, то изоляция, то диссидентствующая интеллигенция и «шестидесятники», а теперь ещё и Болотная площадь вместе с санкциями и упреками в нарушении «прав человека». Да и антидопинговая кампания в преддверии и ходе Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро не выпадает из общей картины.

И всё из-за того, что кроме ментальной несовместимости СССР (Россия), обладатель почти одной шестой части суши, представлял для современных неокolonизаторов огромный интерес в части ресурсов. Поэтому была разработана схема для ликвидации СССР: сначала надо было разложить власть (*удалось*), затем разделить страну (*удалось*) и уже по частям разбираться с тем, что получилось (*почти удалось*). Дальше пошла борьба за важнейшие ресурсы XXI в. – плодородные земли (Украина, южная часть России), недра (Россия, Украина, среднеазиатские республики, в том числе Туркмения и Казахстан), геополитические преимущества (весь периметр СССР), питьевая вода (Россия).

Таким образом, поводов много, а цель всегда одна – любым способом

уничтожить страну или заставить её забыть свои корни, забыть, что ты русский, отречься от своей веры, своих традиций, и прибрать себе все богатства её территории.

В 90-х годах вопрос холодной войны – в контексте кончилась ли она с ликвидацией социалистического лагеря или нет – обсуждался достаточно широко в среде политиков и учёных.

Ельцинско-козыревская линия как продолжение пораженческой дипломатии Горбачёва – Шеварднадзе считала, что противостояние СССР и его правопреемницы Российской Федерации с Западом себя исчерпало, наступает эра «общеевропейского дома», куда Россию примут «тепло и нежно». Это было не так, и это не могло произойти просто по определению. Россия как государство, как самобытная независимая страна Западу не нужна, и при этом он испытывает перед её потенциальной мощью хронический, на уровне подсознания, страх.

Дальнейшие события во взаимоотношениях России и Запада только ещё раз подтвердили, что противостояние как было, так и есть и конца ему в обозримом будущем не видно.

Ещё в 40-е годы XX в. русский религиозный философ И. А. Ильин утверждал, что войну против России ведут её хорошо всем известные враги. По его убеждению, у нашего народа есть «давние религиозные недруги, не находящие себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей „схизме“, или „ереси“, не приемлет „истины“ и „покорности“ и не поддаётся церковному поглощению.

А так как крестовые походы против него невозможны и на костёр

его не поведёшь, то остаётся одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые будут для него или „спасительным чистилищем“ или же „железной метлой“, выметающей Православие в мусорную яму истории».

При этом у России есть и такие враги, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом „терпимости“ – безбожие, под видом „республики“ – покорность закулисным манованиям и под видом „федерации“ – национальное обезличение. Это зложелатели – закулисные, идущие „тихой сапой“» [19].

В иных терминах, но о той же самой угрозе для самого существования России как самостоятельного государства и её народа говорил и историк церкви митрополит Иоанн (Иван Матвеевич Снычёв): «Оглянемся вокруг: какие ещё доказательства нужны нам, чтобы понять, что против России, против русского народа ведётся подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная.

Борьба эта – не на жизнь, а на смерть, ибо по замыслу её дьявольских вдохновителей уничтожению подлежит страна целиком, народ как таковой – за верность своему историческому призванию и религиозному служению, за то, что через века, исполненные смут, мятежей и войн, он пронёс и сохранил святы-

ни религиозной нравственности, сокровенное во Христе понимание Божественного смысла мироздания, твёрдую веру в конечное торжество добра» [20, с. 73].

После ликвидации социалистической системы в лице СССР и восточноевропейских стран народной демократии во взаимоотношениях новой либеральной России и Запада, особенно в эпоху Ельцина, появилась новая лексика. Она наполнилась либеральными терминами-поучениями о том, как жить, как приватизировать, что делать с социальной сферой, что есть, пить и смотреть, каким богам молиться и как забыть своё прошлое; в последнее время это особенно коснулось итогов Второй мировой войны и той роли, которую сыграл Советский Союз в достижении Победы.

Запад, используя временную слабость России в 90-е годы, не только подчинил её своим экономическим интересам, укрепив союз с новой российской олигархией, но и придвинул свой военный альянс вплотную к нашей границе: сначала были поглощены бывшие союзники СССР по Организации Варшавского договора, затем республики Прибалтики, входившие в состав Советского Союза. Потом начались манёвры вокруг Грузии и Украины, завершившиеся «цветными революциями». Конечной целью было вовлечение в НАТО и этих республик, но жёсткая позиция, занятая Россией, примером которой может служить знаменитая мюнхенская речь президента

¹⁹ Ильин И. А. О грядущем России. М.: Воениздат, 1993. С. 169.

²⁰ Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб.: Изд. «Царское дело», 1995.

В. В. Путина (февраль 2007 г.)^{*}, посеяла у европейских союзников США сомнения в целесообразности дальнейших шагов в этом направлении.

В результате на Бухарестском саммите НАТО (апрель 2008 г.) Грузия и Украина приглашения пока не получили. А после саммита в Варшаве (июль 2016 г.) вопрос о приёме Украины повис в воздухе на неопределённое время, а сам Североатлантический альянс будет продолжать «дружить» с Россией, увеличивая контингент своих войск и их потенциал в Прибалтике и Польше.

Североатлантический альянс на наших границах – это не единственная военная угроза национальной безопасности страны. Не без прямой поддержки Запада были организованы конфликты в постсоветских республиках, непосредственно затрагивающие российские интересы.

Примерами последних 25 лет являются и приднестровский конфликт, и военная агрессия Грузии против Южной Осетии (2008 г.), и Абхазия, и современные непрекращающиеся провокации на юго-востоке Украины, несмотря на все инициированные Россией Минские договорённости, формально поддерживаемые также руководством Германии и Франции.

При этом за современным кризисом на Украине стоит, как всегда, политика США и НАТО, и их стремление реализовать старую как мир

«стратегию анаконды», изобретённую ещё адмиралом А. Мэханом: окружить Россию, выдавив её из Европы на северо-восток, и тем самым создать условия для её полного распада [21]. Об этом мечтали все американские и западные стратеги – от советника президента США В. Вильсона полковника Хауса, который ещё в 1918 г. сказал: «...остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделённая европейская часть страны», до Гитлера и Бжезинского.

Вот эта неизменность целей и задач, рассчитанных на уничтожение нашей страны, и есть главное, что определяет внутреннюю логику поведения Запада: Россия должна прекратить существование. Сегодня киевским властям отводится в этом проекте роль внешнего тарана, а российской «болотной оппозиции» – внутреннего. Расчёт на то, что Россия завязнет в украинском кризисе, конечно же, присутствует. Но не только.

Более важным представляется стремление напугать Европу российской угрозой, укрепив над ней уже существующий с 40-х годов американский контроль, прежде всего в сфере военной безопасности с помощью Североатлантического блока. Конечно, НАТО, принимая новых партнёров, порою весьма проблемных, может превратиться

²¹ Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Cambridge University Press, 2010.

* Ужесточение позиций России по отношению к Западу произошло после визита правящего князя Монако Альбера II в Москву (2006 г.) и озвученных им предложений о расчленении России для её последующей интеграции с Европой.

в малоуправляемую организацию. Но даже признавая сложности кооптации новых членов, американцы не отступают, придумывая всё новые и новые формы и расширяя географические границы, на которые распространяется сфера ответственности альянса. За счёт новых членов американцы решают целый комплекс задач.

Так, бывший глава Пентагона Д. Рамсфелд утверждал, что есть «старая» Европа, а есть «новая». И «новая» Европа нужна для того, чтобы не допустить сближения и координации между Россией, Германией и Францией. Или по крайней мере, чтобы управлять этим процессом из «вашингтонского обкома», опираясь на амбиции новоиспечённых сателлитов, вроде Польши, которые, как любые неопиты, готовы за одобрение Вашингтона буквально рвать землю.

Самое главное: в евро-атлантических отношениях на первом месте стоит военно-политическая зависимость Европы от США, причём абсолютная. Это касается отношений в рамках НАТО и целого ряда международных институтов так называемого «интегрированного Запада». Тем не менее ограничения у НАТО существуют и сегодня, их создаёт объективная реальность. США сильнее всех и могут, условно говоря, уничтожить любого оппонента, скажем, десять раз. Или двадцать. А конкурент, например, может сделать это только два раза. Но ведь и Америке этого достаточно, и будет рассматриваться как «неприемлемый ущерб». (В своё время именно к такому же выводу пришёл президент Дж. Кеннеди, удержавшись от открытого вмешательства США на

Кубе.) Так что вероятность многократного уничтожения не гарантирует безопасности.

В этих условиях и начинает действовать другая логика, в частности логика холодной войны, подкреплённая диверсиями в идеологической сфере. Ещё в конце 40-х годов А. Даллесом были сформулированы принципы, взятые впоследствии на вооружение западными спецслужбами и не утратившие своей актуальности и спустя много десятилетий, а именно разрушать страну изнутри, формируя управляемую «пятую колонну». Даллес так определил цель и результат: «И мы бросим всё, что имеем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Будем... опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем» [20, с. 72–73].

И как во все исторические времена, Россия сначала глухо сопротивлялась агрессии Запада, а затем стала постепенно, хотя и очень медленно, возвращать себе позиции на международной арене. На Западе это было расценено в том смысле, что она вновь вспомнила о своём прошлом, прочно связанном с традиционными имперскими инстинктами, с которыми в настоящее время невозможно справиться якобы из-за авторитарной трансформации современной политической системы.

Отсюда следует вывод, что какой бы Россия ни была – самодержавной, социалистической, либерально-капиталистической, «с человеческим лицом» или без – Запад будет недоумен.

Поэтому холодная война не может ни начаться заново, ни пережить некую «вторую волну» по той причине, что она никогда не прекращалась, в том числе и в последние почти четверть века, которые прошли после распада Советского Союза. Прекращались разговоры о ней и то в основном со стороны наших либералов.

Ведь задача, которую ставил перед собой Запад, начав очередной этап векового противостояния в виде холодной войны против нашей страны в XX в., с разрушением СССР не была решена: преемницей Советского Союза стала Российская Федерация.

Поэтому задача, стоящая перед современной Россией, всё та же: выстоять и сохранить себя. При

этом помнить и понимать, что «ни одна страна в мире за свою историю не перенесла столько тяжелейших испытаний, как Россия. Русские одолели девять наиболее крупных нашествий: хазар, половцев, монголо-татар, поляков, шведов, осман, французов, дважды – немцев. Но в 90-е годы объединённый Запад в сговоре с предателями, захватившими в стране власть, разгромил Советский Союз, уничтожил социалистический строй и, перегруппировав силы, приготовился к решающему броску против русского государства.

Смертельная схватка с врагом уже идёт. Россия стоит перед дилеммой: либо отстоять свободу, либо быть порабощённой агрессивными силами Запада и Востока, намеревающимися расширить своё „жизненное пространство“ за счёт нашей страны. Свобода или несвобода – другой альтернативы у русских и других народов России нет» [22].

Итак, холодная война против Московского государства – Российской империи – Советского Союза – Российской Федерации не прекращалась ни на одно мгновение, она была многовариантна.

Но если рассматривать в ретроспективе те решения, которые благодаря твёрдой и последовательной позиции руководства СССР были приняты и образовали Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, то можно с уверенностью сказать, что они обеспечили мир в Европе на протяжении 50 лет (до югославской трагедии 90-х годов).

Для Российского государства в лице СССР Ялтинско-Потсдамское соглашение представляет собой не только итог Второй мировой войны, но и продолжение российской политики на протяжении всей истории существования Руси/России как самостоятельного государства. Основная её цель – это обезопасить свои границы, в первую очередь на западе. Так что СССР в данном случае был абсолютным политическим правопреемником Российской империи.

²² Шутлов А. Д. Последнее испытание России. М.: Onebook.ru, 2014. С. 354.

Развивая идеи традиционной внешней российской политики, следует идти по пути дальнейшего укрепления России, нашей национальной, в том числе и военной, безопасности, чему будет способствовать выстраивание глобальной альтернативы – мировой системы, объединяющей ведущие не-западные страны. ОДКБ, ШОС, БРИКС – это зарождающиеся элементы данной системы.

Самое опасное сегодня – отстать от жизни, динамики её развития и застыть на неизменном уровне кругозора, оценки и анализа. Распад СССР – результат именно такого отставания, вызванного неспособностью советской политической элиты выйти за рамки устаревшей и потерявшей актуальность идеологической догматики.

Библиография • References

- Ильин И. А.* О грядущем России. М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
[*Ilin I. A.* O grjadushhem Rossii. M.: Voenizdat, 1993. – 368 s.]
- История Польши М.: Изд. АН СССР, 1958. Т. III. – 668 с.
[*Istorija Pol'shi* M.: Izd. AN SSSR, 1958. T. III. – 668 s.]
- Макнамара Р.* От ошибок к катастрофе: как выжить в первый век ядерной эры. М.: Прогресс, 1987. – 154 с.
[*Maknamara R.* Ot oshibok k katastrofe: kak vyzhit' v pervyj vek jadernoj jery. M.: Progress, 1987. – 154 s.]
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Политиздат, 1935. Т. XXVI. – 536 с.
[*Marks K., Jengel's F.* Sochinenija. M.: Politizdat, 1935. T. XXVI. – 536 s.]
- Митрополит Иоанн.* Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб.: Изд. «Царское дело», 1995. – 349 с.
[*Mitropolit Ioann.* Odolenie smuty. Slovo k russkomu narodu. Spb.: Izd. «Carskoe delo», 1995. – 349 s.]
- Туннельскирх К.* История Второй мировой войны. М.: ИЛ, 1956. – 608 с.
[*Tippel'skirh K.* Istorija Vtoroj mirovoj vojny. M.: IL, 1956. – 608 s.]
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 14 томах. Т. 6. Война и мир. М.: Художественная литература, 1951. – 406 с.
[*Tolstoj L. N.* Sobranie sochinenij v 14 tomah. T. 6. Vojna i mir. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1951. – 406 s.]
- Червов Н. Ф.* Провокации против России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 637 с.
[*Chervov N. F.* Provokacii protiv Rossii. M.: OLMA-PRESS, 2003. – 637 s.]
- Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. VI. Триумф и трагедия. М.: Воениздат, 1955. – 742 с.
[*Cherchill' U.* Vtoraja mirovaja vojna. T. VI. Triumf i tragedija. M.: Voenizdat, 1955. – 742 s.]
- Черчилль У.* Речь в Вестминстерском колледже I // Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2006. – 528 с.
[*Cherchill' U.* Rech' v Vestminsterskom kolledzhe I // Muskuly mira. M.: JeKSMO, 2006. – 528 s.]
- Штоль В. В.* Цена Второй мировой войны // Обозреватель–Observer. 2014. № 6. С. 6–27.
[*Shtol' V. V.* Cena Vtoroj mirovoj vojny // Obozrevatel'–Observer. 2014. № 6. S. 6–27]

- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: ЭКСМО, 2003. – 480 с.
[*Shubart V.* Evropa i dusha Vostoka. M.: JeKSMO, 2003. – 480 s.]
- Шутов А. Д.* Последнее испытание России. М.: Onebook.ru, 2014. – 372 с.
[*Shutov A. D.* Poslednee ispytanie Rossii. M.: Onebook.ru, 2014. – 372 s.]
- Kennedy R.* Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N. Y., 1969. P. 33.
- Mahan A. T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Cambridge University Press, 2010. – 640 p.
- Schlesinger A.* 1000 Days. John F. Kennedy in White House. Boston, 1965. – 1087 p.
Schlesinger A. The Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 22.
- Sidney H. J.* Kennedy: a Portrait of a President. N. Y., 1964. P. 276.
- Sorensen T.* Kennedy. N. Y., 1966. P. 293.
- The Private Papers of Senator Vandenberg. L., 1953. P. 479–480.
<http://www.rifinfo.ru/news/38676>
<http://www.iarex.ru/articles/45094.html>
<https://www.youtube.com/watch?v=jzp1llwcJcY>

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[*Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g.* «O merakh po realizatsii vneshnepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[*Ponomareva E.G., Rudov G.A.* «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvol'y, tekhnologii // Obozrevatel'–Observer. 2012. № 3. С. 36–48]

Трудный путь Армении к Евразийскому экономическому союзу

Владимир ЕВСЕЕВ
Дарья ХАРИТОНОВА

Президент Армении С. Саргсян 10 октября 2014 г. подписал «Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года», и со 2 января 2015 г. Армения стала полноправным членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), определив тем самым евразийский вектор своего экономического развития.

Ранее, 4 декабря 2014 г., интеграцию в ЕАЭС поддержали 103 из 131 депутата Национального собрания Республики Армения. Однако в апреле 2016 г. Х. Кокобелян, депутат Национального собрания от оппозиционной партии «Свободные демократы», выступил с проектом «О начале процедуры прекращения членства Армении в Евразийском экономическом союзе». В июне 2016 г. постоянная комиссия по внешним связям Национального собрания Республики Армения отложила на год рассмотрение этого законопроекта. И это при том, что социологические опросы показывали положительное отношение большинства населения к вступлению Армении в ЕАЭС*.

Это лишь подтверждает сомнения в том, что Армения приняла окончательное решение о вступлении в ЕАЭС.

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института стран СНГ. *E-mail:* vlad.evseev@gmail.com; *SPIN-код:* 3792-0060.

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна – научный сотрудник отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. *E-mail:* dariahar09@gmail.com; *SPIN-код:* 7555-4681.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, природный газ, Соглашение об ассоциации с ЕС, транспортный коридор «Север – Юг».

* По результатам опросов «Интеграционного барометра», проведённых Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития в апреле-мае 2014 г., уровень поддержки евразийских интеграционных процессов в Армении составил 64%. При этом поддержка гражданами Армении вступления в ЕАЭС несколько снизилась по сравнению с 2013 г. Причина состоит в том, что население воспринимает членство в ЕАЭС через призму отношений с Российской Федерацией.

Краткая история создания ЕАЭС

Евразийский экономический союз был создан на базе другой международной организации – Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в состав которого изначально входили Россия, Белоруссия и Казахстан. Далее к этой организации присоединились Киргизия и Таджикистан. В мае 2002 г. статус наблюдателей при ЕврАзЭС получили Украина и Молдавия, а в апреле 2003 г. аналогичный статус был присвоен Армении. В 2006 г. к рассматриваемому объединению присоединился Узбекистан, но уже спустя два года приостановил своё членство.

По мнению армянского эксперта Д. Меликяна, ввиду разных условий и уровней экономического развития, а также влияния геополитических (геоэкономических) факторов указанные страны не были готовы к интеграции на практике, поэтому ЕврАзЭС скорее был политическим объединением, а не экономическим [1, с. 5]. Как следствие, в 2000-е годы темпы формирования Таможенного союза (ТС), как первого этапа интеграции в ЕврАзЭС, замедлились, поэтому странам постсоветского пространства не удалось добиться серьёзной интеграции в транспортной и финансовой сфере, а также создания единого энергетического рынка.

Новое десятилетие открыло перед евразийской интеграцией дополнительные возможности. На основе предшествующего опыта ЕврАзЭС российская сторона инициировала создание Таможенного союза Рос-

сии, Белоруссии и Казахстана, т. е. экономически готовых к интеграции государств.

В рамках данного объединения в 2010 г. были приняты Единый таможенный тариф и Таможенный кодекс ТС, что способствовало либерализации таможенного контроля на российско-белорусской и российско-казахстанской границах. При этом Единый таможенный тариф ТС на импортируемые товары охватил более 11 тыс. единиц [1, с. 6].

Дальнейшей интеграции указанных государств способствовало утверждение их лидерами Плана действий на 2010–2011 годы и создание Единого экономического пространства (ЕЭП). А 18 ноября 2011 г. странами – участницами ТС была принята декларация «О евразийской экономической интеграции», в которой отмечалось намерение создать ЕАЭС к 1 января 2015 г.

Тогда предполагалось, что возможными кандидатами на присоединение к Союзу могут быть Украина, Киргизия и Таджикистан. Так, в 2012 г. на встрече глав государств – членов ТС был одобрен план работы по подготовке проекта Договора о ЕАЭС.

В течение 2013–2014 гг. были согласованы институциональная часть Договора, в которой определялись международно-правовой статус, цели, организационные рамки и механизмы функционирования ЕАЭС, а также была решена функциональная часть, которая заключа-

¹ Меликян Д. Армения и Евразийский союз: от сотрудничества до интеграции // Аналитические записки. Институт Кавказа. Ереван, 2015.

лась в кодификации договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, устранении изъятий из общего торгового и инвестиционного режима, обеспечении свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Институциональным органом, регулирующим деятельность ТС и ЕЭП, стала Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Отметим, что до создания Евразийского эконо-

мического союза ЕврАзЭС включало в свою компетенцию ТС и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана.

Российские эксперты А. Мигра- нян и М. Ткаченко считают, что Белоруссия, Казахстан и Россия, как учредители Союзного договора, в наибольшей степени приблизили собственное национальное законодательство к условиям и требованиям Договора о ЕАЭС [2].

Трудный для Армении евразийский выбор

Несмотря на экономическую зависимость от России, Республика Армения первоначально не стремилась присоединиться к обновлённому ТС и ЕЭП. Во многом этому способствовали динамичные контакты республики с Европейским союзом. В частности, в 2010 г. Армения наряду с другими странами Южного Кавказа присоединилась к программе ЕС «Восточное партнёрство», что предполагало подписание ассоциативных соглашений, нацеленных на дальнейшую интеграцию постсоветских стран в европейское социально-экономическое и политическое пространство. Указанная программа позволяла Еревану укреплять связи с европейскими государствами для, например, международного признания геноцида армян в Османской империи* и открытия границы с Турцией. Причём с момента запуска программы «Восточное партнёрство»

в отношениях между Арменией и Турцией наметились позитивные сдвиги. В частности, была разработана «дорожная карта» поэтапного урегулирования двусторонних отношений.

В последующие годы между Арменией и ЕС велись интенсивные переговоры «О глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли» в рамках Соглашения об ассоциации с ЕС. В рамках этой деятельности 19 сентября 2011 г. премьер-министр Армении Т. Саркисян во время визита в Брюссель представил комиссару ЕС по вопросам расширения и европейской политики Ш. Фюле повестку реформ в республике. Такие реформы поддержал президент Армении С. Саргсян.

Тогда премьер-министр Т. Саркисян (ныне председатель Коллегии ЕЭК) считал, что присоединение страны к ТС «в экономическом смыс-

² Мигра- нян А., Ткаченко М. Миграционное законодательство России и партнёров по ЕАЭС // Обозреватель–Observer. 2016. № 4. С. 39.

* Геноцид армян в Османской империи – это термин применимый к политике массового уничтожения и депортации армянского населения Западной Армении, Киликии и других провинций империи. Она осуществлялась правящими кругами Турции в период 1915–1923 гг. Тогда погибло 1,5 млн армян.

ле... нецелесообразно», поэтому Армения искала «формы сотрудничества без Таможенного союза» [3, с. 8].

Вместо этого в Ереване намеревались развивать сотрудничество со странами ТС в рамках существующего соглашения о зоне свободной торговли СНГ и заключать со странами ТС секторальные договорённости по различным отраслям экономики, что в том числе предполагало снижение технических барьеров в торговле.

Кульминацией развития сотрудничества между ЕС и Арменией стало введение с 1 января 2013 г. безвизового режима для краткосрочных визитов в республику граждан Шенгенской зоны и ЕС. Со стороны ЕС было подписано соглашение об упрощении визового режима для въезда граждан Армении в страны Шенгенской зоны [1, с. 9]. В июле 2013 г. Армения завершила технические переговоры о подписании ассоциативного соглашения и договора о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС. Они должны были быть парафированы на саммите ЕС в Вильнюсе в ноябре 2013 г., но неожиданно Ереван резко изменил свой курс в сторону России.

Следует обратить внимание, что Азербайджан также отказался от сближения с ЕС. Этим Баку и Ереван подтвердили свой курс на многовекторную внешнюю политику, в рамках которой они сохраняют взаимодействие как с ЕС, так и ЕАЭС, а также активно развивают сотрудничество по широкому спектру вопросов с другими региональными и внерегиональными

государствами и политическими (экономическими) объединениями.

Так, в июне 2016 г. министрами иностранных дел Республики Армения и Исламской Республики Иран (ИРИ) было подписано соглашение об отмене виз между странами. И уже 10 июля кабинет министров Ирана принял решение «Об отмене визового режима между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран».

Принятое решение должно стимулировать развитие торгово-экономических отношений как на двусторонней основе между Арменией и Ираном, так и между Ираном и ЕАЭС.

Изменение внешнеполитического вектора армянского руководства не было случайным. В июле 2013 г. Россия в ответ на сближение Армении с ЕС повысила для республики цену на природный газ до 270 долл. за 1 тыс. куб. м вместо прежних 180 долл. Это вызвало волну социального недовольства со стороны местного населения. Правительство страны было вынуждено субсидировать цены на газ на 30%, тем самым повышение тарифов для населения было ограничено 18,2%.

В августе 2013 г. во время рабочего визита руководства России в Азербайджанскую Республику между Москвой и Баку были достигнуты договорённости в топливно-энергетическом секторе и торгово-экономической сфере.

При этом российская компания «Роснефть» и азербайджанская нефтяная корпорация SOCAR подписа-

³ Сарাবেков Ж. Армения и Евразийский экономический союз: больше вопросов, чем ответов? // Доклад ИМЭП. Астана; Алматы. 2015.

ли соглашение о сотрудничестве и создании совместного предприятия для разведки шельфовых месторождений Каспийского моря и совместной добычи углеводородов.

В Ереване обратили внимание и на то, что в итоговом заявлении президента Азербайджана И. Алиева впервые была публично названа стоимость закупки вооружений у российской стороны в размере 4 млрд долл.

Поворотным моментом выбора Республики Армения в пользу евразийского вектора развития стала состоявшаяся в Москве (3 сентября 2013 г.) встреча президентов России В. Путина и Армении и С. Саргсяна. Тогда президент Армении сделал заявление о намерении вступления страны в ТС России, Белоруссии и Казахстана. Мотивами для подключения к такой интеграции стали экономическая зависимость от российского природного газа и инвестиций, рынка сбыта товаров, а также рынка труда для граждан Армении. При этом решающим фактором выступила необходимость в закупке российского оружия и военной техники для поддержания баланса сил и недопущения возобновления боевых действий в Нагорном Карабах [1, с. 10].

В Армении далеко не все поддержали такое решение.

Так, либеральная часть руководства страны и оппозиции были настроены на подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. Экс-министр национальной безопасности Армении Д. Шахназарян заявил, что отказ

от тесного сотрудничества с европейской стороной не является самостоятельным, а навязанным Россией решением [4]. Справедливости ради нужно заметить, что и Брюссель вёл себя подобным образом, навязывая другим странам Соглашение об ассоциации с Евросоюзом.

В декабре 2013 г. состоялся рабочий визит президента России В. Путина в Армению, который начался с посещения в Гюмри российской военной базы. При этом В. Путин заявил, что Россия не только не собирается уходить с Южного Кавказа, но намерена ещё более укреплять свои позиции.

По итогам состоявшихся в Армении встреч было подписано 12 совместных соглашений о взаимодействии в политической, экономической и военной сферах, в том числе соглашения о поставках российского природного газа и нефтепродуктов, порядке формирования цен при поставке природного газа и сотрудничестве в сфере ядерной безопасности.

В. Путин также сообщил, что Россия отменяет 35% пошлину на нефтепродукты для Армении и готова поставлять оружие в республику по российским ценам.

Во время этого визита был подписан контракт между ООО «Газпром экспорт» и «АрмРосгазпромом» о поставках газа Армении в 2014–2018 гг. до 2,5 млрд куб. м в год. Его стоимость вновь составила 189 долл. за 1 тыс. куб. м. При этом было отмечено, что «российский бюджет недополучит значительные средства,

⁴ Фомина Д. Д. Стратегический выбор Армении – вступление в Евразийский экономический союз // История и историческая память. 2015. № 11. С. 139.

но это необходимые условия для нормального функционирования экономики Армении, для плавного

и достаточно быстрого присоединения Армении к Таможенному союзу» [3, с. 10].

Проблема цены за природный газ

Согласно подписанному 7 сентября 2015 г. армяно-российскому протоколу базовая цена на поставляемый газ была снижена со 189 долл. до 165 долл. за 1 тыс. куб. м. В январе 2016 г. армянское руководство обратилось к России с просьбой вновь снизить цену поставляемого в республику природного газа.

По итогам встречи премьер-министра России Д. Медведева и глава армянского правительства О. Абрамяна цена была снижена ещё на 9% и составила 150 долл. за 1 тыс. куб. м.

Тем не менее для местного населения стоимость потребления газа остаётся неизменной в 320 долл. (156 тыс. драмов) за 1 тыс. куб. м.

Хотя согласно договору между правительством Армении и компанией «Газпром Армения» цена для потребителей в стране должна соответствовать цене российского внутреннего потребителя, который проживает в Оренбургской области РФ. Там цена за газ составляет 50–60 долл. за 1 тыс. куб. м.

Причинами такого ценового разброса являются следующие:

– во-первых, фактически отсутствует мировой газовый рынок, поэтому ценовой сегмент потребления газа значительно дифференцирован;

– во-вторых, «Газпром Армения» делает ставку на высокий уровень газификации в стране по традиционной схеме через трубо-

проводы. Данная политика ведёт к повышению себестоимости, удорожанию и усложнению обслуживания и, как следствие, значительному повышению тарифов для местного населения. Альтернативой этого может стать строительство газовых резервуаров, заполняемых газом раз в 2–3 месяца, особенно в сельской местности. Данная схема сократила бы себестоимость поставок и в итоге цены на природный газ.

По-видимому, существуют и другие причины столь высокой цены на газ для армянского населения, которые не исключают коррупционной составляющей.

Необходимо заметить, что Республика Армения стремится к диверсификации газовых поставок и источников электроэнергии. В частности, между Иранской национальной экспортной газовой компанией (NIGEC) и руководством республики было достигнуто соглашение о трёхкратном увеличении поставок газа (июль 2016 г.). Сейчас ИРИ поставляет в Армению ежедневно 3 млн куб. м природного газа (1,1 млрд куб. м газа в год). Готовится необходимая инфраструктура для увеличения поставок иранского природного газа. При этом иранская сторона подчёркивает, что не существует каких-либо ограничений для увеличения экспорта газа в Армению (кроме, конечно, его стоимости).

Ожидания при вступлении Армении в ЕАЭС

По итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета (24 декабря 2013 г.) была принята «дорожная карта» по присоединению Армении к ТС и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана. Через месяц правительство Республики Армения утвердило график соответствующих мероприятий по реализации «дорожной карты».

В начале марта 2014 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета президент России В. Путин подвёл итоги реализации плана мероприятий по адаптации Армении к нормам и требованиям ТС и ЕЭП и заявил, что страны-участницы готовы приступить к подготовке договора о присоединении республики к ЕАЭС.

Как полагал заместитель министра иностранных дел Армении Ш. Кочарян, процесс реализации указанной «дорожной карты» должен был завершиться к середине апреля 2014 г.

Считается, что вступление Армении в ТС стало естественным продолжением внешней политики Армении, которая ориентирована на тесное сотрудничество с Россией [5], а переговоры о заключении политической и экономической ассоциации с Европейским союзом в рамках программы «Восточное партнёрство» показали свою несостоятельность. Причина этого состоит в том, что основная

доля армянского экспорта в ЕС – это сырьевые товары. Ассоциация Армении с ним могла привести к развалу сельского хозяйства, а также малого и среднего бизнеса (например, в сфере текстильного производства).

В Европе отмечается, что внутренний рынок ЕС с 500 млн потребителей должен быть более интересен Армении, чем рынок стран ЕАЭС, где их только 165 млн [4, с. 140]. Помимо этого, ЕС, по примеру России, мог бы взять на себя соответствующие гарантии по обеспечению безопасности Республики Армения*. С российской точки зрения такая возможность представляется крайне сомнительной.

Тем не менее в начале ноября 2014 г. между комиссаром ЕС по вопросам расширения и европейской политике Й. Ханом и министром экономики Армении К. Чшмаритяном был подписан меморандум о взаимопонимании, который предусматривал программу стратегической помощи республике на 2014–2017 гг. в размере 140–170 млн евро. Такая политика позволяла Армении сохранить свои отношения с ЕС в рамках «Восточного партнёрства». Более того, Еревану предложили подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, которое не противоречило бы договору с ЕАЭС.

Как предполагалось, после присоединения к ТС и ЕЭП армянские предприятия получают дополнитель-

⁵ Арешев А. Г. Интеграция Армении в Таможенный союз и экономическое взаимодействие на Южном Кавказе // Постсоветский материк. 2014. № 3. С. 54.

* Республика Армения является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в рамках которого Российская Федерация берёт на себя обязательство по защите её территориальных границ.

ные заказы, произойдёт рост экспорта и производства высокотехнологичной продукции. Помимо этого, Ереван ожидал существенный экономический эффект за счёт отказа России от экспортной пошлины на газ, ликвидации 6,5% экспортной пошлины на необработанные алмазы и создание льготных условий в области трудовых мигрантов. Важную часть экономики Армении составляют и трансферты из России.

Так, по данным Центробанка Республики Армения, частные переводы из РФ равны 1,8 млрд долл., что примерно составляет 20% от ВВП страны [4, с. 141].

Армянские эксперты полагали, что с помощью партнёров по ТС республика сможет существенно увеличить рост ВВП, заработной платы и пенсий. Снижение же цен на импортируемое сырьё должно было способствовать росту экспорта, внутриэкономическому развитию, снижению безработицы и улучшению социального положения местного населения. И такие ожидания имели под собой некоторую базу. Так, согласно заявлению ЕЭК, Армения будет получать

1,13% от сумм таможенных пошлин при ввозе товаров на территорию ЕАЭС (ориентировочно до 250 млн долл. в год).

Для Армении важным является и свободное движение в рамках ЕАЭС товаров, услуг, капитала и труда. В республике это способствует:

- *во-первых*, увеличению темпов роста ВВП и, соответственно, росту доходов населения;

- *во-вторых*, доступу на евразийский рынок и притоку инвестиционных контрактов;

- *в-третьих*, решению проблемы изоляции Армении за счёт реализации транспортного коридора «Север – Юг» в виде соответствующей автотрассы и строительства железной дороги Иран – Армения (в перспективе возможен её выход в Россию через территорию Абхазии).

Российские эксперты помимо экономических стимулов сближения Армении с ЕАЭС выделяли и цивилизационный фактор. Однако руководство республики отрицало какую-либо цивилизационную составляющую в собственной мотивации [1, с. 10].

Предварительные итоги членства Армении в ЕАЭС

Для экономики Армении 2015 г. – первый год нахождения в составе ЕАЭС – оказался менее успешным, чем ожидалось. Это было связано с общеэкономическими и финансовыми процессами (изменением курса валют по отношению к доллару) не только на постсоветском пространстве, но и в глобальном масштабе. В результате по итогам 2015 г. рост

ВВП Армении составил 3,3%, а общий его объём достиг 10,6 млрд долл. В связи с этим в МВФ отмечают, что, хотя экономика Армении подвергается внешним шокам, она продолжает демонстрировать восходящую динамику по экономическим показателям с более умеренными темпами ввиду слабого экономического роста и проблем её основных

торговых партнёров – России, Китая и стран ЕС.

Факторами, которые способствуют замедлению развития армянской экономики, являются следующие:

– монополизм и протекционизм, который поддерживает узкую группу импортёров.

Яркий пример этого – действующая в республике монополия на сахар (как следствие, цена одного килограмма сахарного песка в Армении превышает стоимость на аналогичный товар в Москве);

– продолжение курса «сильный драм – слабый доллар».

По итогам 2015 г. армянский драм стал самой устойчивой валютой по отношению к доллару на постсоветском пространстве (он девальвировался всего на 1,6%). Из-за этого пострадали домохозяйства, которые получают трансферты из России. Такая политика выгодна прежде всего правящей администрации и приближённой к ней группе импортёров, которых мало интересуют возможности экспорта в Россию и страны ЕАЭС. Это привело к тому, что за десять лет из Армении было вывезено 10 млрд долл. [6];

– отсутствие государственной поддержки основных отраслей экономики республики (сельское хозяйство, энергетика и горнодобывающая промышленность и туризм), способных показать значительный рост ВВП;

– трудности преодоления государственного долга в среднесрочной

перспективе (в настоящее время его величина равна примерно 50% от ВВП и составляет 5 млрд 71 млн долл.).

Следует заметить, что при вступлении в ЕАЭС Армении были предоставлены значительные льготы на период 2018–2022 гг. В частности, Ереван получил отсрочки в форме изъятия на 750 наименований товаров. Только в 2020 г. республика перейдёт на ставки единого таможенного тарифа. Но это не позволит избежать роста цен и инфляции, что неизбежно вызовет волну общественного недовольства. При этом следует учитывать, что средневзвешенный импортный таможенный тариф Армении в 2014 г. составлял 2,7%, а в ТС оценивался на уровне 6,9% [7, с. 11].

Однако в настоящее время экономика Армении развивается достаточно медленно, поэтому в рамках ЕАЭС необходимо подписать соглашения, нацеленные на получение прямых инвестиций, в том числе на модернизацию национальной экономики. Они позволят сохранить профессиональные кадры, так как облегчение миграции вследствие участия Армении в ЕАЭС создаёт проблему депопуляции населения республики.

Более того, пребывание Армении в ЕАЭС не привело к ключевым переменам в экономике страны, так как Союз всё ещё находится на стадии формирования, а отношения в рамках ЕАЭС пока не отрегулированы, поэтому хозяйствующим

⁶ *Мартirosян С.* Армения: первый год в семье Евразийского союза // URL: <http://www.riftmeurasia.org/news-2016-01-11-armenija-pervyj-god-v-seme-evrazijskogo-sojuza-21297>

⁷ *Хейфец Б. А.* Евразийский экономический союз: новые вызовы для бизнеса // *Общество и экономика.* 2015. № 6.

субъектам не удаётся осуществлять свои интересы законным путём.

Кроме того, считается, что вступление Армении в ЕАЭС создало для экспортёров дополнительные проблемы: излишний бюрократизм и искусственные пробки на таможенных пунктах [7, с. 19]. Действительно, по сравнению с 2014 г. российско-армянский товарооборот в первом квартале 2015 г. упал на 40% и составил всего 49,7 млн долл. вместо прежних 90,8 млн долл. Однако Национальная статистическая служба республики констатирует, что показатель 2016 г. превысил данные 2014 г. и составил 97,4 млн долл.

Таким образом, несмотря на переходный период экономики Армении в ЕАЭС, экспорт армянской продукции в Россию вырос на 95,8%, а излишний бюрократизм и таможенные барьеры оказались преодолимыми в достаточно короткие сроки.

Транспортный коридор «Север – Юг»

Вступление Армении в ЕАЭС расширяет возможности армяно-иранского сотрудничества, так как, с одной стороны, Иран заинтересован в углублении кооперации с ЕАЭС вплоть до создания зоны свободной торговли, а с другой – Армения имеет с ИРИ общую границу. А по мнению председателя Союза промышленников и предпринимателей Армении А. Казаряна, республика должна стать для Ирана промышленной платформой для создания и переработки продукции, которая в конечном виде будет экспортироваться в страны ЕАЭС.

В качестве позитива необходимо заметить и то, что в 2016 г. началась реализация пятилетнего проекта «Модернизация оросительных систем», который заключается в реконструкции мелиоративных каналов всей системы орошения Армении и перехода на естественное орошение. Этот проект позволит производить конкурентоспособную сельскохозяйственную продукцию, которую можно экспортировать в том числе и на рынок России.

Необходимый объём финансирования составляет 50 млн долл. Из них 40 млн долл. в качестве льготного кредита предоставляет Евразийский фонд стабилизации и развития, а 10 млн долл. – софинансирование со стороны Армении. Более того, Евразийский фонд стабилизации и развития предоставил республике льготный кредит размером 300 млн долл. для стабилизации экономической ситуации в Армении.

Следует учитывать и то, что Армения в рамках транспортного коридора «Север – Юг» может предложить путь для выхода Ирана на рынок ЕАЭС через Грузию с привлечением как грузинских, так и иранских инвесторов. Следовательно, у республики открываются транспортно-логистические перспективы.

Транспортный коридор «Север – Юг» включает автотрассу, соединяющую черноморские порты Грузии (Батуми, Поти) с иранским побережьем Персидского залива (её протяжённость 556 км) и железную дорогу Иран – Армения, которая в некоторой перспективе может соединить Иран,

Армению, Грузию, Абхазию и Россию. Как следствие, ещё в 2013 г. ОАО «РЖД» заявило об инвестициях в развитие армянских железных дорог в размере 15 млрд руб. Однако в силу региональных проблем и неурегулированности политического статуса Республики Абхазия Грузия не пойдёт на компромисс по вопросу воссоединения железных дорог с Россией. В связи с этим дополнительным маршрутом могло бы стать Кахетинское направление с дальнейшим выходом в Дагестан [8].

После завершения строительства автодороги «Север – Юг» можно будет в кратчайшие сроки доставлять грузы через территорию Армении в Грузию, Россию и на весь евразийский рынок. Для этого между правительством Республики Армения и Азиатским банком развития было заключено рамочное соглашение на

общую сумму 500 млн долл. Причём свои финансовые ресурсы готова предоставить Япония.

Для реализации этого важного для ЕАЭС проекта необходимо 1,5 млрд долл. Поэтому 14 апреля 2015 г. между правительством Армении и Евразийским банком развития был подписан договор о предоставлении армянской стороне инвестиционного кредита на сумму 150 млн долл. сроком на 20 лет. Он предназначен для строительства автотранспортного коридора «Север – Юг». При этом Азиатский банк развития финансирует в основном те участки, которые находятся в северном направлении и имеют относительно удобный профиль местности, тогда как кредит от Евразийского банка развития предназначен для более сложных южных участков этой автотрассы.

В целом Армения в условиях давления и со стороны Москвы, и со стороны Брюсселя смогла сделать трудный выбор в пользу членства в Евразийском экономическом союзе. Ситуация усугублялась тем, что на правящую элиту и экспертное сообщество Армении оказывали мощное влияние и многочисленные армянские диаспоры, проживающие на Западе (в первую очередь в США и Франции).

Тем не менее, вступив в ЕАЭС, Ереван приобрёл следующие преимущества:

– *во-первых*, он сохранил гарантии безопасности со стороны России и смог получать вооружения по внутрироссийским ценам. В условиях враждебного окружения (Азербайджан и Турция) это имеет принципиально важное значение, так как исключает крупномасштабную войну в зоне Нагорного Карабаха;

– *во-вторых*, Армения обеспечила свою энергетическую безопасность как за счёт поставок в страну дешёвого российского природного газа, так и модернизации Мецаморской АЭС, у которой в 2016 г. истек срок эксплуатации. Именно поэтому Российская Федерация предоставила Республике Армения льготный кредит на 270 млн долл. и дополнительно 30 млн долл. в ви-

⁸ Иран и ЕАЭС: что должна и что может предложить Армения? // URL: <http://baltnews.lv/news/20160628/1016829752.html>

де безвозмездного гранта для продления срока эксплуатации Мецаморской АЭС до 2027 г.;

– *в-третьих*, в рамках ЕАЭС Ереван получил доступ к рынку товаров, услуг, капитала и труда. Конечно, этот рынок значительно меньше европейского, но, даже подписав Соглашение об ассоциации, Армения не стала бы членом ЕС. Более вероятно, что республика превратилась бы в место сбыта европейских товаров, что ещё больше осложнило бы её социально-экономическое положение;

– *в-четвёртых*, Армения получит в дальнейшем положительные перспективы для своего экономического развития. Антироссийские санкции постепенно будут сняты, а мировые цены на нефть не могут быть бесконечно долго низкими (как и для любого товара, им свойственна определённая цикличность). Следовательно, экономика России обязательно начнёт развиваться и повлияет на подобные процессы в армянской экономике. А соглашения о зоне свободной торговли ЕАЭС с различными государствами (в частности, с Китаем, Ираном, Израилем, Египтом, странами АСЕАН и, возможно, Индией и Пакистаном) приведут к возникновению «Большой Евразии», в которой республика сможет занять своё достойное место.

Конечно, вступление в любую экономическую организацию приводит и к появлению дополнительных проблем. Для Армении это выражается, например, в депопуляции населения, замедлении темпов экономического развития, трудности в получении на Западе дешёвых кредитов и необходимости повышения таможенных пошлин, которые в ЕАЭС, как правило, оказались выше, а также необходимости введения новых технических стандартов и регламентов. Но всё это не носит фатального характера. В реальности, вступив в ЕАЭС, Армения намного больше получает, чем теряет. Причём эти преимущества только усилятся, если республика сможет стать своеобразным мостом между ЕАЭС и ЕС. Следовательно, присоединившись к Евразийскому экономическому союзу, Армения сделала правильный выбор, что должно получить своё подтверждение уже в среднесрочной перспективе.

Библиография • References

- Арешев А. Г.* Интеграция Армении в Таможенный союз и экономическое взаимодействие на Южном Кавказе // Постсоветский материк. 2014. № 3. С. 53–59.
[Areshev A. G. Integracija Armenii v Tamozhennyj sojuz i jekonomicheskoe vzaimodejstvie na Juzhnom Kavkaze // Postsovetskij materik. 2014. № 3. S. 53–59]
- Иран и ЕАЭС: что должна и что может предложить Армения? // URL: <http://baltnews.lv/news/20160628/1016829752.html>
- [Iran i EAJeS: chto dolzhna i chto mozhet predlozhit' Armenija? // URL: <http://baltnews.lv/news/20160628/1016829752.html>]
- Мартirosян С.* Армения: первый год в семье Евразийского союза // URL: <http://www.ritmeurasia.org/news-2016-01-11-armenija-pervyj-god-v-seme-evrazijskogo-sojuza-21297>
- [Martirosjan S. Armenija: pervyj god v sem'e Evrazijskogo sojuza // URL: <http://www.ritmeurasia.org/news-2016-01-11-armenija-pervyj-god-v-seme-evrazijskogo-sojuza-21297>]

- Мелікян Д. Армения и Евразийский союз: от сотрудничества до интеграции // Аналитические записки. Институт Кавказа. Ереван, 2015. С. 1–16.
[Melikjan D. Armenija i Evrazijskij sojuz: ot sotrudnichestva do integracii // Analiticheskie zapiski. Institut Kavkaza. Erevan, 2015. S. 1–16]
- Мигранян А., Ткаченко М. Миграционное законодательство России и партнёров по ЕАЭС // Обозреватель–Observer. 2016. № 4. С. 38–49.
[Migranjan A., Tkachenko M. Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossii i partnjorov po EAJeS // Obozrevatel'-Observer. 2016. № 4. S. 38–49]
- Сарабеков Ж. Армения и Евразийский экономический союз: больше вопросов, чем ответов? // Доклад ИМЭП. Астана; Алматы. 2015. С. 1–52.
[Sarabekov Zh. Armenija i Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: bol'she voprosov, chem otvetov? // Doklad IMJeP. Astana; Almaty. 2015. S. 1–52]
- Фомина Д. Д. Стратегический выбор Армении – вступление в Евразийский экономический союз // История и историческая память. 2015. № 11. С. 138–143.
[Fomina D. D. Strategicheskij vybor Armenii – vstuplenie v Evrazijskij jekonomicheskij sojuz // Istorija i istoricheskaja pamjat'. 2015. № 11. S. 138–143]
- Хейфец В. А. Евразийский экономический союз: новые вызовы для бизнеса // Общество и экономика. 2015. № 6. С. 5–21.
[Hejfec V. A. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: novye vyzovy dlja biznesa // Obshhestvo i jekonomika. 2015. № 6. S. 5–21]

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

Американская политика в отношении Украины

Олег ПРИХОДЬКО

Предпосылки и причины возникновения украинского кризиса в российско-американских отношениях

Кризис на Украине, приведший к неконституционной смене власти (февраль 2014 г.), последовавший вооружённый конфликт на юго-востоке и переход Крыма под российский суверенитет привели к резкому ухудшению отношений между Россией и Западом. Москва увидела в действиях США и европейских держав по поддержке евромайдана осуществление стратегического курса Запада на отдаление Украины от России, продолжение политики реформирования европейского геополитического пространства, но уже в ближайшей зоне своих жизненно важных стратегических интересов. В свою очередь Вашингтон воспринял российскую реакцию на украинские события как её стремление сохранить своё влия-

ние в соседней стране с помощью силы. Для него оказались неожиданными решительные меры, на которые пошла Россия для отстаивания своих интересов. США недооценили её готовность пойти на риск возможной эскалации силового противоборства, хотя, по мнению представителей реалистской школы американской политологии, таких как Дж. Миершаймер и С. Серфати, реакция Москвы на украинский кризис была прогнозируемой с точки зрения законов геополитики и императивов национальной безопасности.

Россия и США кардинально разошлись в интерпретации украинских событий. В Соединённых Штатах господствуют политически предвзятые, тенденциозные трактовки тех мотивов, которыми руководствова-

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований ИСКРАН. *E-mail:* olegvladim@yandex.ru; *SPIN-код:* 3877-8361.

Ключевые слова: Россия, Украина, США, кризис, конфликт, администрация Б. Обамы.

лась Москва в отношении конфликта на Украине. В этих оценках осуждение российских действий базируется на одномерном, дихотомическом восприятии украинского кризиса. Приверженцы подобного подхода ограничиваются рамками формальной логики, демонстрируя неготовность к более сложному пониманию ситуации. Вместе с тем было бы упрощением сводить смену власти на Украине исключительно к западным технологиям «цветных революций».

Корень кризиса, возникшего в отношениях между Россией и Западом из-за Украины, некоторые западные политологи видят в недоверии между сторонами, которое искажает их восприятие намерений друг друга и подпитывает возникшие разногласия. Этот фактор, несомненно, играет свою роль. Однако первопричиной являются всё же объективные противоречия между геополитическими и экономическими интересами России и США в украинском конфликте и применительно к Европе в целом.

Предпосылки для конфликта между Россией и Западом из-за Украины формировались многие годы. Возникновению кризиса способствовало ошибочное прочтение Западом российской политики после завершения холодной войны. Москва вынужденно соглашалась с тем миропорядком, который формировался в Европе западными структурами безопасности в последнюю четверть века без учёта её интересов. Запад

продолжает рассматривать интеграционные процессы на постсоветском пространстве, включая создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), исключительно в терминах геополитического соперничества с Россией и стремится активно противодействовать этим тенденциям, полностью игнорируя то, что региональная интеграция является общемировой тенденцией. Свою роль сыграл и политический кризис в российско-американских отношениях, который нарастал с крахом политики «перезагрузки»: попытки стран выстроить новую основу для сотрудничества провалились ещё в первый срок президентства Б. Обамы [1].

Одной из причин, приведших к украинскому кризису, является недооценка Западом значения Украины для России.

Это признал, в частности, патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер в интервью интернет-изданию немецкого журнала *Spiegel*: «Украина всегда имела особое значение для России. Было ошибкой не понимать этого» [2].

Он полагает, что предкризисная ситуация вокруг Украины, когда шли переговоры о будущем экономических отношений этой страны с ЕС, должна была быть предметом диалога Запада с Россией. Однако этого не произошло. Изменение государственной принадлежности Крыма (март 2014 г.), по его мнению, является симптомом, а не причиной ухудшения отношений между Россией и Западом: «Более того, Крым – это особый случай... Если Запад был бы честен сам с собой, он должен признать, что были ошибки и с его стороны» [2].

¹ Приходько О. В. Россия – Запад: «Перезагрузка» и несбывшиеся ожидания // Обозреватель-Observer. 2012. № 5.

² Kissinger H. *Do We Achieve World Order Through Chaos or Insight?* // URL: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-henry-kissinger-on-state-of-global-politics-a-1002073.html>

Не оправдывая действий России, ветеран американской дипломатии всё же признаёт, что западные державы несут часть ответственности за эскалацию конфликта вокруг Украины.

Разбирая логику реагирования России на украинский кризис, американский политолог Дж. Миершаймер отмечает, что Запад, продвигая НАТО на Восток, формировал у России соответствующее восприятие угрозы западной экспансии.

По его мнению, «корень проблемы – это расширение НАТО, центральный элемент более общей стратегии выведения Украины из сферы притяжения России и её интеграции в Запад» [3, р. 77].

Он подчёркивает, что великие державы всегда очень чувствительно воспринимали появление по-

тенциальных угроз вблизи своей территории: «В конце концов, Соединённые Штаты не стали бы терпеть, как далёкие заморские державы развёртывают военные силы где-нибудь в Западном полушарии, и уж тем более у их границ. Представьте возмущение Вашингтона, если бы Китай выстроил внушительный военный альянс и попытался бы включить в него Канаду и Мексику» [3, р. 83].

Дж. Миершаймер отмечает, что американские официальные лица, находясь в плену либеральной идеологии, игнорируют законы геополитики, которые говорят, что «ни один российский лидер не смирился бы с тем, как военный альянс, до последнего времени являвшийся смертельным врагом Москвы, перемещается на Украину. Ни один российский лидер не наблюдал бы безучастно за тем, как Запад помогает утвердиться правительству, решительно настроенному на интеграцию Украины с Западом» [3, р. 83].

Преимственность и новые акценты в подходе администрации Б. Обамы

Политика США в отношении Украины с февраля 2014 г., когда власть в стране сменилась в результате евромайдана, в своей принципиальной основе остаётся неизменной. Несмотря на провозглашённое стратегическое партнёрство двух стран и американские декларации в поддержку Украины, США тщательно очертили границы своих действий. Администрация Б. Обамы, невзирая на обвинения со стороны американских консервативных политических сил в вялой реакции и нерешительности, ясно дала понять, что США не будут вступать

в военный конфликт с Россией из-за Украины, так как эта страна не является членом НАТО. Подобную позицию разделяет подавляющее большинство американцев.

Согласно результатам опроса общественного мнения, проведённого Советом по глобальным проблемам (Чикаго), лишь 30% американцев поддержали идею «военной интервенции на Украину в случае российского вторжения» [4].

Вашингтон не намерен брать на себя юридические обязательства по безопасности Украины, исходя из того, что она является частью пери-

³ *Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. // Foreign Affairs. 2014. September-October. Vol. 93. №. 5.*

⁴ *Foreign Policy in the Age of Retrenchment. The Chicago Council on Global Affairs // URL: [http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/Task% 20Force% 20Reports/2014_CCS_Report.pdf](http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/Task%20Force%20Reports/2014_CCS_Report.pdf)*

ферии Европы, а не европейского ядра и не затрагивает базисные интересы США. Президент Б. Обама демонстрирует в этом вопросе преемственность с позицией предыдущих администраций. Более 20 лет назад при заключении в декабре 1994 г. Будапештского меморандума о безъядерном статусе Украины США воздержались от предоставления ей гарантий безопасности, несмотря на просьбы тогдашних украинских властей. Они уклонились от использования в упомянутом документе термина «гарантии», чтобы из меморандума не вытекали военные обязательства для США по защите Украины.

В то же время за последние два года в американской позиции появились новые акценты. Это, в частности, более трезвый взгляд на перспективы урегулирования конфликта на юго-востоке Украины. Весьма показательной в этой связи стала речь вице-президента США в Верховной раде (7 декабря 2015 г.), в которой Дж. Байден прозрачно намекнул на целесообразность использования Украиной опыта американского федерализма, несмотря на то что киевские власти по-прежнему не хотят даже слышать это слово применительно к своей стране. Апеллировав к истории США и не обращая прямых призывов к Украине, он говорил о «федерализме» и об «автономных, независимых штатах», которые обладают широкими властными полномочиями для решения важных проблем на своей территории и формируют своё правительство в рамках объединённой конституции страны.

Столь прозрачные намёки в устах американского вице-президента в присутствии высшего руководства

Украины, расценивающего любые призывы к федерализации как государственную измену, ещё недавно было трудно представить.

Другой новый элемент в американской позиции – это растущее разочарование в связи с неспособностью украинских властей провести реформы и эффективно бороться с коррупцией. Подобные настроения отчётливо прозвучали во время того же визита в Киев вице-президента США Дж. Байдена, который подверг критике работу украинских правоохранительных ведомств. То, что США привыкли видеть в демократических странах баланс сдержек и противовесов в системе власти, на Украине предстаёт в виде сговора между соперничающими олигархическими группировками. Укоренившаяся система неформального распределения власти позволяет украинским олигархам, играя на противоречиях между ключевыми политическими силами, удерживать под своим контролем основные институты государственного управления.

По данным американского журнала *Forbes*, личное состояние украинского президента увеличилось на 100 млн долл. за последний год и составляет 858 млн долл. Обнародованные в апреле 2016 г. документы панамской юридической фирмы *Mossack Fonseca* содержат сведения об укрывании украинским президентом значительной части своих активов в офшорах.

США всё больше убеждаются в том, что украинские власти либо превращают в фикцию меры, формально направленные на противодействие коррупции, либо оправдывают своё бездействие под предлогом «борьбы с российской агрессией». Многие политики и госчиновники на

Украине используют обвинения в коррупции в качестве инструмента борьбы со своими политическими противниками, а разоблачения, появляющиеся в зарубежной прессе, в том числе американской, называют актами «гибридной войны». Вашингтон посулил Киеву новую помощь в размере 190 млн долл. на борьбу с коррупцией, сопровождая обещания почти открытыми «рекомендациями» по персональному составу тех или иных украинских ведомств. Несмотря на все призывы американской администрации, антикоррупционные меры на Украине по-прежнему носят в основном декларативный или показной характер. Для США становится всё более очевидной неспособность украинских властей изжить укоренившуюся систему олигархата, которая неизбежно порождает коррупцию. На слушаниях в конгрессе (середина марта 2016 г.) заместитель госсекретаря В. Нуланд признала, что украинское правительство находится под грузом «грязных денег и грязной политики» и что «олигархи и клептократы» блокирует проведение реформ в стране.

Коррупция выхолащивает усилия Запада по реформированию Украины и подрывает доверие к самим перспективам реформ. Во время визита в США (конец марта 2016 г.) президент П. Порошенко получил чёткие сигналы, что администрация Б. Обамы весьма разочарована результатами его двухлетнего правления: она видит, как вместо формирования демократической системы в стране возрождается режим кор-

рупции, мздоимства и кумовства. Вашингтон избегает критиковать украинские власти публично, но редакционная статья «Непобедимая коррупция на Украине» в газете *The New York Times*, приуроченная к визиту П. Порошенко, не оставляет сомнений в характере претензий американской стороны [5].

В условиях глубокого финансово-экономического кризиса и масштабной коррупции, пронизывающей весь механизм государственного управления на Украине, понятно стремление США минимизировать свою финансовую помощь и переложить на международные структуры, прежде всего МВФ и ЕС, основное бремя финансирования Киева. На словах Вашингтон оказывает нажим на него с требованием обеспечить реальную борьбу с коррупцией, но на деле американцы очень осторожно и крайне избирательно подходят к использованию своих рычагов давления, чтобы не спровоцировать правительственный кризис и не расшатать устои нынешней прозападной власти, учитывая рост социального недовольства в стране.

В 2015 г. украинский ВВП сократился на 10,5%, инфляция выросла до 43% – самый высокий показатель со времени гиперинфляции начала 90-х годов, промышленное производство сократилось на 15%; внешнеторговый оборот упал почти на треть, прежде всего в результате свёртывания экономических связей с Россией.

От финансового краха Украину удерживает принятая в 2015 г. программа помощи МВФ в размере 17,5 млрд долл., рассчитанная на четыре года.

⁵ Ukraine's Unyielding Corruption // New York Times. 2016. March 31 // URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/01/opinion/ukraines-unyielding-corruption.html>

Составным элементом американского подхода к кризису вокруг Украины является политика санкций против России. Вводя в июле 2014 г. ограничения против финансового, энергетического и оборонного секторов российской экономики, президент Б. Обама уточнил, что эти действия Вашингтона не означают наступления новой холодной войны. США координируют меры воздействия на Москву с западными партнёрами в формате «Большой семёрки» и в ходе двусторонних консультаций с ЕС. Однако в рамках общей согласованной стратегии давления на Россию они оставляют за собой свободу выбора ограничительных мер. Администрация Б. Обамы не намерена ставить свои решения в зависимость от того, к какому консенсусу придут европейские государства, входящие в Евросоюз, или какие действия согласны предпринять партнёры по форуму G7.

В результате США и Евросоюз приняли отдельные, но частично совпадающие списки санкций. Американский список составлен так, чтобы нанести основной удар по президенту В. В. Путину и его окружению, по деловым кругам, которым приписывают близость к Кремлю, и внести раскол в правящую элиту. Европейский перечень санкций в большей мере продиктован стремлением сдержать расширение российского вмешательства в украинский конфликт. Общим драйвером санкционной политики США и ЕС является стремление перекрыть поступление зарубежных (не только

западных) кредитов в российскую экономику и затормозить модернизацию её вооружённых сил.

Администрация Б. Обамы исходит из того, что финансово-экономические санкции являются для России более чувствительными мерами, чем демонстрация силы по линии НАТО, хотя и этому фактору придаётся серьёзное значение.

С началом конфликта на Украине более чем в три раза увеличилось количество боевых самолётов НАТО в странах Балтии. Заметно участились заходы в Чёрное море их военных кораблей и других западных держав под предлогом укрепления защиты юго-восточного фланга Североатлантического альянса.

В качестве рычага давления на Россию США приняли решение о замораживании двустороннего военного сотрудничества.

Закон о военных расходах на 2016 фин. г. вводит запрет на любые виды сотрудничества между военными двух стран по официальным каналам до тех пор, пока Россия «не прекратит оккупацию украинской территории и агрессивную деятельность, которая угрожает суверенитету и территориальной целостности Украины и государств НАТО» и пока она не будет соблюдать условия Минского соглашения [6]. Документ содержит ряд исключений: упомянутый запрет не распространяется, во-первых, на деятельность, связанную с выполнением США своих обязательств по соглашениям о контроле над вооружениями и реализацией своих прав по любым дру-

⁶ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016 // URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-114s1356enr/pdf/BILLS-114s1356enr.pdf>

гим договорам; во-вторых, на мероприятия, касающиеся логистической и иной поддержки военных операций США или НАТО в Афганистане или вывода войск из этой страны. Закон содержит важное условие: действие запрета на военное сотрудничество с Россией может приостановить министр обороны США, если вместе с госсекретарём определит, что такое решение отвечает интересам национальной безопасности США, и представит соответствующее уведомление комитетам по делам вооружённых сил и международным отношениям конгресса*.

Последующие события показали, что прагматические интересы США

взяли вверх над рядом ограничений по двустороннему сотрудничеству, которые были введены против России из-за Украины. Пентагон вынужден взаимодействовать с Минобороны России, пусть и в ограниченном масштабе, для координации действий сторон в связи с военной кампанией российских ВКС в Сирии и реализацией российско-американской договорённости о перемирии в этой стране, которая была достигнута в конце февраля. Кроме того, весной 2016 г. он уведомил конгресс, что в ближайшие 5–6 лет США необходимо продолжать закупать у России ракетные двигатели РД-180 для запуска американских военных спутников.

США и нормандский процесс

За прошедшее после евромайдана время в политическом истеблишменте США сформировалась устойчивая позиция по осуждению политики России в отношении Украины. Однако одной лишь критикой действий Москвы американская позиция не исчерпывается, ведь ясно, что без нахождения компромисса кризис на Украине не удастся разрешить. США активизировали обсуждение с Россией вопроса о путях урегулирования украинского конфликта. Эта тема стала практически постоянно присутствовать в регулярном диалоге министра иностранных дел С. Лаврова и госсекретаря Дж. Керри, а также на переговорах других официальных лиц двух стран.

15 января 2016 г. под Калининградом состоялась неанонсированная встреча помощника президента России В. Суркова с В. Нуланд, заместителем госсекретаря США, которую российский представитель назвал «мозговым штурмом». Встреча свидетельствовала о желании Вашингтона нащупать точки соприкосновения с Москвой, чтобы попытаться подстегнуть конфликтующие стороны к нахождению развязок по некоторым аспектам урегулирования.

Однако активизация двусторонних дипломатических дискуссий по украинской проблематике не выявила признаков того, что США готовы усилить давление на Киев, побуждая его к выполнению своих обязательств по соглашению «Минск-2».

* Согласно закону, оккупацией не считается функционирование в Крыму тех российских военных баз, которые были определены российско-украинским соглашением 1997 г. о статусе пребывания Черноморского флота на территории Украины.

Администрация Б. Обамы опасается, что такой нажим может спровоцировать ещё большие трения или даже привести к расколу между ключевыми группировками в украинской власти, которую США всячески стремятся консолидировать. Вашингтон едва ли ненамеренно тормозит переговоры по примирению на юго-востоке Украины, хотя фактор времени не играет для него столь большой роли, как для Европы. Для Европы эта ситуация гораздо менее приемлема из-за сложностей в поддержании единой позиции европейских государств, входящих в Евросоюз, с их собственными, не всегда совпадающими интересами, а также ввиду перегруженности европейской повестки безопасности в связи с миграционным кризисом и натиском на западноевропейские государства исламистского терроризма с Ближнего Востока. Сохранение очага напряжённости в виде замороженного конфликта вблизи границ ЕС влечёт серьёзные негативные издержки для Европы, начиная с проблем безопасности до деградации торгово-экономических связей и политического сотрудничества с Россией.

Важный элемент американской позиции состоит в том, что США избегают брать на себя обязательства по урегулированию конфликта на Украине. Они воздерживаются от присоединения к переговорам, в которых участвуют Россия, Германия, Франция и Украина, предпочитая больше влиять на ситуацию из-за кулис и поддерживать самостоятельный переговорный трек отдельно с каждым из участников «нормандской четвёрки». Они уклоняются от участия в многосторонних переговорных механизмах, ког-

да это предоставляет им больше пространства для манёвра в использовании рычагов влияния и возможность игры на интересах партнёров.

Отстранённость от основного формата переговоров по урегулированию на Украине позволяет США избегать бремени ответственности за возможный провал нормандского процесса, дистанцироваться от дипломатических неудач на этом направлении и сохранять уникальность своего положения в роли арбитра над схваткой. Подобный подход отражает сомнения Вашингтона в конечном успехе усилий «нормандской четвёрки» выработать жизнеспособный компромисс. К тому же у США и Германии/Франции нет полной идентичности взглядов на то, как должны исполняться те или иные пункты соглашения «Минск-2».

Париж и Берлин добиваются, чтобы специальный статус был предоставлен Донбассу на постоянной основе, а не ограничивался тремя годами, как это предусматривает нынешний проект украинского законодательства. Они, как и Россия, полагают возможным урегулирование украинского конфликта на основе предоставления особого статуса и некоторой формы автономии для ряда территорий на востоке Украины в рамках обновлённой конституции страны. Однако Киев срывает выполнение пункта соглашений «Минск-2» о проведении выборов в «отдельных районах Донецкой и Луганской областей». На весенней сессии Верховной рады, которая должна была принять изменения в основной закон, касающиеся статуса этих районов, необходимое решение не получило поддержки большинства депутатов. По завершении

встречи министров иностранных дел «нормандской четвёрки» (Париж, 3 марта) глава французской дипломатии Ж.-М. Эйро сообщил, что стороны предварительно договорились о проведении выборов в Донбассе до 30 июня. Однако уже через две недели заместитель главы Центризбиркома Украины А. Магера в интервью Пятому каналу Украинского телевидения заявил, что более вероятным сроком голосования является июнь 2017 г.

Эти противоречивые заявления отражают тот факт, что нормандский процесс, по существу, зашёл в тупик. Франция и Германия дали понять, что не будут бесконечно мириться с тем, что украинские власти уклоняются от выполнения Минских соглашений. В отличие от США они не готовы поддерживать требование Киева о демилитаризации Донбасса до проведения там выборов, признавая утопичность подобного условия в сложившихся реалиях.

Место Украины в бюджетных приоритетах США

На политическом уровне раздаётся немало американских деклараций в поддержку украинских властей. Однако на деле объём выделяемой помощи США явно расходится с заявленными амбициями. В отличие от «горячих голов» в конгрессе администрация Б. Обамы, несмотря на различия во мнениях между разными государственными ведомствами и структурами, в итоге склонилась к более осторожному подходу в предоставлении финансовой и военной помощи Киеву.

О том, что Украина стоит в иерархии американских приоритетов далеко не на первом месте и что никакие существенные интересы США в этой стране не поставлены под угрозу, кроме чисто геополитических амбиций сдерживания России, свидетельствует американское бюджетное законодательство. На первый взгляд заметен значительный рост

ассигнований по различным направлениям предоставления помощи Украине. Однако эта динамика не отражает всей полноты картины, и она может создать неверное представление, если не обратиться к сравнению её абсолютных величин с аналогичными показателями других получателей американской помощи.

Администрация Б. Обамы запросила у конгресса 513,5 млн долл. на поддержку Украины в рамках бюджета Госдепартамента на 2016 фин. г., что составляет почти трёхкратное увеличение ассигнований по сравнению с предыдущим годом. Как следует из текста закона, столь существенный рост объясняется необходимостью противодействовать «российской агрессии и давлению», содействовать «укреплению американской поддержки суверенитета Украины» и её евроинтеграционным устремлениям*. Од-

* В эту статью не входят административные расходы, а также затраты на гуманитарную и продовольственную помощь Украине // FY 2016 Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236395.pdf>

нако даже при таком увеличении Украина занимает всего лишь 10-ю позицию в списке 15 крупнейших реципиентов американской помощи.

Её намного опережают Израиль (3,1 млрд долл.), Афганистан (1,5 млрд долл.), Египет (1,5 млрд долл.), Иордания (1 млрд долл.), Пакистан (804 млн долл.), а также такие страны, как Кения (630 млн долл.), Нигерия (608 млн долл.) и Танзания (591 млн долл.).

Распределение географических приоритетов финансовой помощи показывает, что для США на первом месте стоят государства Ближнего Востока. Это подтверждает вывод о том, что основные угрозы для интересов национальной безопасности администрация Б. Обамы видит именно в этом регионе.

Опережение Украины в упомянутом списке тремя африканскими государствами также не случайно: это ведущие государства Африки, региональные лидеры, крупнейшие на континенте производители нефти, и для них, особенно для Нигерии, весьма актуальной проблемой является борьба с вооружёнными группировками радикальных исламистов, часть из которых присягнула на верность «Исламскому государству»^{*}.

Значительная доля американского финансирования Украины приходится на Фонд экономической поддержки (ФЭП), который является статьёй бюджета Госдепартамента.

Украине выделяется из этих средств 154,1 млн долл. (в целом на Европу и Евразию – 435,2 млн

долл.), что в три раза превышает аналогичные расходы предыдущего года, когда было ассигновано 54 млн долл.

Эти средства направляются на:

- помощь в проведении экономических реформ;
- развитие демократии;
- борьбу с коррупцией, на интеграцию в евроатлантические институты.

В законопроекте об ассигнованиях Госдепартаменту на 2016 г. записано, что «финансирование из ФЭП будет идти на поддержку инициатив по противодействию давлению и агрессивным действиям России» [7]. Среди заявленных целей финансирования фигурируют, в частности, такие:

- подготовка Украины к интеграции с Европой;
- укрепление её энергетической безопасности путём реформы национальной нефтегазовой компании;
- поддержка мониторинговой миссии ОБСЕ для содействия безопасности на границе с Россией.

Помимо упомянутого базового финансирования по линии ФЭП планируется выделить ещё 275 млн долл. на удовлетворение чрезвычайных потребностей, экстренные расходы по макроэкономической поддержке Украины и стабилизации ситуации, а также 1 млрд долл. в виде кредитных гарантий при условии прогресса в осуществлении реформ, согласованных с МВФ, и созревании необходимых предпосылок.

Весной 2016 г. администрация запросила у конгресса дополнительную финансовую помощь в размере 1 млрд долл. кредитных гарантий для поддержки нового украинского правительства В. Гройсмана в проведении реформ.

⁷ FY 2016 Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236395.pdf>

* Деятельность «Исламского государства» запрещена на территории Российской Федерации.

Американским законодательством предусматривается продолжение финансирования Украины из средств Программы оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам (*Foreign Military Financing – FMF*) на покрытие её потребностей в военной технике и улучшение оперативной совместимости с вооружёнными силами НАТО. Как следует из обоснования бюджета Госдепартамента на 2016 фин. г., средства из этой статьи призваны «помочь Украине, Грузии и Молдове противостоять агрессивным действиям и давлению России» [7]. Программа призвана финансировать создание и поддержание военных альянсов и коалиций США с зарубежными государствами, укрепление их возможностей действовать совместно с американскими войсками.

Суммарные расходы по этой бюджетной статье предусматриваются в размере 5,8 млрд долл., в том числе 5,16 млрд долл. на финансирование союзников, партнёров и дружественных государств из числа участников коалиций, чтобы они «могли действовать в интересах общих задач по безопасности и нести бремя в рамках совместных миссий».

Планируется семикратное увеличение расходов на Украину в рамках этой статьи бюджета по сравнению с прошлым финансовым годом – с 6,1 млн долл. до 42,2 млн долл.

Кроме того, в рамках программы оказания финансовой военной помощи (*FMF*) отдельной строкой прописаны расходы по особым операциям в размере 640 млн долл., которые предусмотрены только для шести государств, в число которых включена Украина. Однако она в этом списке значительно уступает основным реципиентам: Пакистану (ему выделяется 265 млн долл.), Ираку

(250 млн долл.) и Иордании (50 млн долл.). На 2016 г. ей выделяется 42,3 млн долл. на расходы по восполнению нехватки наиболее важных видов военной техники и оборудования, «чтобы помочь вооружённым силам Украины в поддержании украинского суверенитета и отражении российской агрессии» [7]. Средства из этой статьи предназначены как на покрытие текущих потребностей украинских вооружённых сил в военной технике, так и для долгосрочного инвестирования в их модернизацию, а также для «поддержки политической переориентации Украины в сторону трансатлантического альянса, улучшения оперативной совместимости с войсками НАТО и других западных структур, укрепления её способности к самообороне» [7].

Из средств, предусмотренных по статье «Операции за рубежом в особой обстановке» – а это суммарно около 7 млрд долл. – планируется финансировать экстренные расходы на мероприятия и оказание помощи Украине наряду с такими странами, как Афганистан, Пакистан, Сирия, Ирак и Иордания. Деньги из этого фонда предусмотрены для финансирования действий в интересах национальной безопасности, которые продиктованы особыми обстоятельствами в упомянутых государствах. Помимо борьбы с международным терроризмом, в частности с «Исламским государством», и резервирования средств для возможного участия стран-получателей в новых миротворческих операциях одна из целей этой статьи расходов определена как «поддержка усилий по противодействию давлению и агрессивным действиям России» [7].

В рамках Программы обучения и подготовки военнослужащих зарубежных стран (*International Military Education and Training – IMET*) администрация Б. Обамы запросила 31,3 млн долл. для Европы на 2016 г. Украина включена в число главных получателей этой помощи наряду с Турцией, Грузией, Болгарией, Польшей и Чехией. Одна из прикладных целей программы состоит в том, чтобы научить офицеров вооружённых сил государств, действующих совместно с США, разбираться в американской военной доктрине и оперативной тактике. Другая важная задача – формирование понимания общих угроз и вызовов в соответствии с тем, как они видятся Вашингтону.

Если в 2014 г. Украина получила по этой статье Госдепа 1,9 млн долл., то на 2016 фин. г. для неё зарезервировано 2,9 млн долл. Киев должен также получить 4 млн долл. в рамках бюджетной статьи Госдепартамента «Международная деятельность по контролю за наркотиками и укрепление правопорядка». Основная цель – реформа украинской правоохранительной системы, включая МВД, чтобы проблемы в этой сфере перестали быть барьером на пути евроинтеграции Украины.

Во время визита президента П. Порошенко в Вашингтон (конец марта 2016 г.) администрация Б. Обамы объявила о решении выделить Украине дополнительно более 300 млн долл. на реформу в сфере безопасности.

Американская финансовая поддержка Украины осуществляется не только через федеральный бюджет, но и в весьма значительных объёмах через различные частные фонды. Однако выделение ресурсов именно по государственной линии является одним из ключевых индикаторов, указывающим на реальную значимость того или иного государства для США.

Анализ американских бюджетных приоритетов показывает, что администрация Б. Обамы достаточно осмотрительно подходит к вопросу о выделении средств Украине. Осторожный подход продиктован как стремлением переложить на Европу основное бремя финансовой поддержки киевского режима, так и опасениями из-за возможного «нецелевого использования» и разворывания помощи украинскими получателями.

Американская военная помощь Украине: политические, законодательные и финансовые аспекты

Оказание военной помощи Украине, в том числе в реформировании, обучении и оснащении её вооружённых сил, является важной составной частью американской политики по поддержке нынешних властей этой страны. В 2014 г. США поставили ей военной техники и экипировки на 120 млн долл. – это в основном бронезилеты, шле-

мы, приборы ночного видения, радиостанции, машины, противобатарейные радары. В дальнейшем размеры помощи неуклонно возрастали, хотя в абсолютных цифрах они могут выглядеть не столь впечатляющими, особенно на фоне традиционных получателей американских вооружений, таких как Израиль или Египет.

Закон о военных расходах на 2016 фин. г. предусматривает выделение 300 млн долл. на военную помощь и разведывательную поддержку Украине, включая обучение, оснащение, логистическую поддержку, поставки и оказание услуг украинским вооружённым силам и структурам безопасности. В своём бюджетном запросе администрация запрашивала на эти цели 118 млн долл., законопроект палаты представителей предусматривал выделение 200 млн долл., а аналогичный документ сената – 300 млн долл. В окончательном варианте закона о военных расходах была утверждена сумма, на которой настаивала верхняя палата, но она оказалась меньше той, что была рекомендована экспертной группой высокого уровня на слушаниях в конгрессе. Эти эксперты предложили направлять ежегодно 1 млрд долл. на военную помощь Украине в течение трёх лет, в том числе на поставки «летального оборонительного оружия» [8], чтобы усилить способность украинской армии к нанесению максимального урона противнику и повысить для России издержки оказания военной помощи «сепаратистам» на юго-востоке.

Из одобренной суммы 300 млн долл., прописанной в бюджетной статье «Инициатива в поддержку безопасности Украины», 50 млн долл. специально предназначены для поставок американских противоракетных радаров и летального оружия [6]. Решение по ис-

пользованию этих средств правомочен принимать министр обороны по согласованию с госсекретарём. Закон о расходах на национальную оборону США в 2016 фин. г. предусматривает предоставление Украине американских разведанных в реальном масштабе времени, включая данные, получаемые от американских коммерческих организаций [6]. Он санкционирует поставки для украинской армии таких видов летального оружия, как противотанковые системы, миномёты, гранатомёты, стрелковое вооружение и боеприпасы к ним: контрбатареи радары, способные обнаруживать и определять координаты артиллерийских установок большой дальности; тактические беспилотные системы воздушного наблюдения; кибернетические средства; оборудование защищённой связи и другие системы электронной защиты и ведения войны.

Выделяются средства на обучение украинских военнослужащих навыкам использования упомянутых вооружений и военной техники, умению вести планирование и управление операциями, тактике ведения боевых действий в составе небольших подразделений, приёмам контрбатареиной борьбы, методам тылового обеспечения, противодействия использованию самодельных взрывных устройств, оказания первой медицинской помощи на поле боя и последующему лечению.

Закон разрешает американские поставки «боеприпасов и вооруже-

⁸ Pifer S. Russian Aggression against Ukraine and the West's Policy Response. The Senate Foreign Relations Committee. Subcommittee on Europe and Regional Security Cooperation. 2015. March 4 // URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/030415_Pifer_Testimony.pdf

ний, обслуживаемых экипажами». Под эту расплывчатую формулировку можно подвести много видов вооружений – от танков и БТР до зенитно-ракетных систем. Фактически речь идёт о легализации поставок, способных спровоцировать эскалацию военного конфликта в Донбассе. Чтобы отвести подобные претензии, американские законодатели ограничили сумму расходов по этим поставкам в 50 млн долл. Однако закон содержит положение о том, что США могут предоставить Украине оружие, другие виды военного снабжения и военные услуги из своего арсенала и иных источников в таких количествах, которые министр обороны посчитает необходимыми для того, чтобы украинские вооружённые силы могли «защищаться от дальнейшей агрессии» [6]. Вместе с тем в документе особо оговаривается, что никакие положения, содержащиеся в этой статье закона, не могут быть истолкованы как санкционирование участия вооружённых сил США в боевых действиях и ситуациях, в которых недвусмысленно подразумевается возможность военных столкновений. Против отправки боевых частей регулярной армии США на Украину и против поставок современного наступательного вооружения во избежание риска прямого вооружённого российско-американского столкновения на слушаниях в конгрессе высказался бывший американский посол на Украине С. Пайфер, представляя выводы экспертной группы, в которую входили бывшие высокопоставленные сотрудники администрации президента, Пентагона и Госдепартамента [8].

Закон о расходах на национальную оборону в 2016 фин. г. предусматривает, что средства, предназначенные для финансирования поставок американского «летального оборонительного оружия» Украине, могут быть направлены на другие цели, если министр обороны в согласии с госсекретарём подтвердит в комитетах по обороне конгресса, что их использование по первоначальному предназначению не отвечает интересам национальной безопасности США. Он запрещает Пентагону направлять какие-либо средства на деятельность, которая означала бы признание российского суверенитета над Крымом. Запрет устанавливается также и на выделение средств для контрактов с Россией или финансирования мероприятий с её участием по ядерному нераспространению, если министр энергетики не приостановит его действие в интересах национальной безопасности США.

Сопоставление параметров американского бюджета на 2016 г. по статьям о предоставлении помощи зарубежным странам по линии Пентагона свидетельствует о явной приоритетности для США финансирования расходов, связанных с ситуациями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где идёт война с «Исламским государством» и другими террористическими группировками.

Важным аспектом американской военной помощи Украине является вопрос об объёме и номенклатуре поставляемого оружия. Острота дискуссий по этой теме в США и НАТО пришлась на 2015 г., когда Запад опасался наступления «сепаратистов» при военной поддержке

России на новые районы юго-востока Украины и особенно захвата Мариуполя. Администрация Б. Обамы признаёт, что американские поставки не смогут кардинально изменить баланс сил в зоне конфликта в пользу украинской стороны, так как Россия дала ясно понять, что не допустит этого. Хотя такое понимание присутствует в экспертных кругах и у здравомыслящей части политической элиты США, тем не менее многие американские политики и законодатели выступили в поддержку этой меры, чтобы «поднять для России цену её действий на Украине», если уж невозможно обеспечить военную победу киевскому режиму в конфликте на юго-востоке.

Из интервью министра обороны США Э. Картера журналу *Foreign Affairs* следует, что администрация Б. Обамы решила не форсировать вопрос о поставках летального оружия Украине в ожидании реализации минских договорённостей [9]. Рекомендация такой линии поведения прозвучала, в частности, на слушаниях в конгрессе, в том числе в выступлениях тех американских экспертов, которые прежде ратовали за вооружение Украины, но скорректировали свою позицию после подписания соглашения «Минск-2»*.

Администрация Б. Обамы не может сбрасывать со счетов риск американской вовлечённости в украинский конфликт в случае массированных поставок оружия Киеву. Подобное развитие событий способно заметно трансформировать конфликт, переведя его в плоскость заочного российско-американского вооружённого противостояния, заблокировать возможность сотрудничества Вашингтона с Москвой по важным вопросам международной безопасности, а также вызвать серьёзные трения с европейскими державами, которые не желают ещё больше втягиваться в конфронтацию с Москвой. США не могут отмахнуться от мнения своих европейских партнёров, особенно Германии и Франции, непосредственно вовлечённых в нормандский переговорный процесс. Поставки оружия Украине противоречили бы смыслу Минских договорённостей, посредничеству Парижа и Берлина по поиску путей урегулирования кризиса и создавали бы угрозу разрастания конфликта с непредсказуемыми последствиями.

Продемонстрированная Россией готовность идти на силовую эскалацию для защиты своих интересов оказала сдерживающее влияние на планы западных держав по вооружению украинской армии.

⁹ The Scholar as Secretary // *Foreign Affairs*. 2015. September-October. Vol. 94. №. 5. P. 77.

* Эти эксперты представляют такие «мозговые центры», как Атлантический совет, Институт Брукингса, Центр за новую американскую безопасность, Чикагский совет по глобальным проблемам. После подписания в феврале 2015 г. соглашения «Минск-2» они рекомендовали отложить отправку летальных видов оружия украинской армии в ожидании исполнения этого соглашения, но одновременно завершить всю законодательную подготовку, процедурные и межведомственные согласования, чтобы в случае необходимости США могли быстро начать военные поставки на Украину.

Украинский конфликт: смогут ли Россия, Украина и Запад договориться?

Кризис вокруг Украины высветил фундаментальные разногласия во взглядах России и США на правила функционирования европейского порядка, существенные различия в их понимании таких важнейших принципов, как неделимость безопасности и невмешательство во внутренние дела. Российская Федерация подразумевает под этими правилами своё право на то, чтобы США и ЕС считались с её интересами на постсоветском пространстве, а Запад – право на поддержку там внутренних сил, выступающих за смену власти.

Противостояние России и США (Запада) по Украине приобрело черты «ограниченной холодной войны». Однако последовавшие после февраля 2014 г. события на Ближнем Востоке убедили администрацию Б. Обамы в том, что это противостояние не должно заполнять собой всю повестку российско-американских отношений. Несмотря на давление различных сил, США решили воздержаться от массированных поставок оружия Украине, признавая, что эта помощь не сможет принести военную победу Киеву на юго-востоке. США приходится считаться с тем, что Россия способна дать эффективный ответ, адекватно увеличив свою поддержку Донбассу. Впрочем, нельзя исключать поставок американского оружия по тайным каналам или обходными путями, особенно в случае обострения ситуации в зоне конфликта. Однако это

задача российских спецслужб выявлять подобные операции.

Поведение вовлечённых сторон показывает, что фактическое замораживание конфликта на юго-востоке Украины является в сложившихся условиях более приемлемым для них вариантом, чем альтернатива в виде возобновления боевых действий. Однако сохранение статус-кво означало бы консервацию противоречий, которые в любой момент могут выплеснуться в виде новой вспышки насилия на линии соприкосновения конфликтующих сторон с непредсказуемыми последствиями. Возобновление после многолетней паузы крупных вооружённых столкновений в зоне карабахского конфликта (апрель 2016 г.) является зримым напоминанием о тех больших рисках, которые таит неурегулированность любого конфликта.

Одним из таких рисков является перспектива превращения Украины в плацдарм опасной военной конфронтации между Россией и Западом.

Американский политолог С. Серфати замечает, что «история по-прежнему определяет судьбу Украины – два народа в одной стране, которой нужна новая конституционная формула для сохранения того, что осталось от её целостности. Однако география, которая делает это государство открытым для семи соседей, наделяет Украину исключительно важной ролью для России и Запада. Попытки каждой из сторон превратить Украину в свой стратегический форпост друг против друга не останутся без ответа и ещё больше углубит становящийся всё более опасным геополитический раскол в центре Европы» [10].

¹⁰ Serfaty S. Don't Let Russia Be Russia: Neither Provoke Nor Indulge // Geopolitics, History and International Relations. 2015. Vol. 7. №. 1. P. 58.

Возможный путь урегулирования украинского конфликта С. Серфати видит в опыте Австрии, которая в 1955 г. приняла закон о государственном нейтралитете и в последующие 40 лет не входила в западные структуры (до вступления в ЕС в 1995 г.), хотя всё это время была составной частью Запада.

Американский политолог Дж. Миершаймер видит выход из кризиса в том, чтобы Запад отказался от планов вестернизации Украины и признал за ней статус нейтрального, буферного государства между Россией и НАТО (аналог Австрии); чтобы Украина оставалась суверенной страной, не принадлежащей ни к российскому, ни к западному лагерю.

Схожие идеи были высказаны рядом европейских политиков и экспертов, в том числе бывшим главой ВТО П. Лами, которые предлагают договориться о нейтральном статусе для Украины по крайней мере на ближайшие 10–20 лет по примеру Финляндии периода холодной войны.

Конфликт на юго-востоке Украины перечеркнул надежды киевской власти на скорейшее вступление

страны в НАТО. Несмотря на провозглашённый принцип «открытых дверей», союзники по атлантическому альянсу не готовы взять на себя ответственность за безопасность Украины. По мнению многих политиков и экспертов из западных стран, реализуемость ст. 5 о коллективной обороне НАТО подошла к максимальному своему пределу с принятием стран Балтии, а вхождение таких стран, как Украина, сразу же подорвало бы доверие к этим обязательствам.

Г. Киссинджер полагает, что «НАТО никогда единогласно не проголосует за вступление Украины» [2].

Формулируя возоблававшую на Западе точку зрения, американский политолог Д. Йост резюмирует: «Принятие Украины в организацию коллективной обороны означало бы риск вооружённого конфликта с Россией, и, несмотря на желание предоставить некоторые виды помощи Украине, союзники по НАТО не готовы взять на себя риск войны с Россией ради Украины» [11].

НАТО чётко определила границы своей поддержки Украины. Союзники договорились о наращивании политического и военного сотрудничества с Киевом, оказании помощи в реформировании украинских вооружённых сил, чтобы они могли самостоятельно, без привлечения сил альянса, противостоять внешним угрозам. Программа помощи предусматривает повышение способности украинской армии тесно взаимодействовать с войсками альянса и увеличение масштаба её участия в военных учениях НАТО. Однако улучшение оперативной совместимости вооружённых сил Украины с требованиями альянса касается только тех совместных операций по урегулированию кризисов, которые не подпадают под ст. 5 о коллективной обороне. НАТО дала ясно понять, что Украина не может рассчитывать на защиту в соответствии с упомянутой статьёй натовского договора.

«Война санкций» между Россией и Западом, спровоцированная украинским конфликтом, подпитывает логику конфронтационного поведения противостоящих сторон, сужая политическое пространство для переговоров

¹¹ Yost D. The Budapest Memorandum and Russia's intervention in Ukraine // International Affairs. 2015. Vol. 91. № 3. P. 520.

и осложняя выход из кризиса. История с поправкой Джексона – Вэника показывает, что американское санкционное законодательство может оставаться в силе ещё долгое время после того, как исчезло основание для его принятия. Многие западные эксперты констатируют, что санкции в отношении России не достигли поставленной цели: введённые ограничения не привели к изменениям в её политике. Они признают, что давление Запада едва ли сможет заставить Москву пересмотреть своё решение по Крыму.

США обладают широким набором инструментов и рычагов воздействия на украинские события. Конфликт на Украине предоставляет им дополнительные возможности для игры на российско-европейских противоречиях. Вашингтон заинтересован в том, чтобы подольше сохранять конфликт в Донбассе в качестве рычага давления на Москву, используя его для консолидации Европы вокруг американской политики.

Украинский кризис привёл к усилению влияния США на политику ЕС в сфере безопасности. Вместе с тем, по мере приближения президентских выборов в США, у администрации Б. Обамы могут появиться мотивы, чтобы предпринять шаги, направленные на достижение прогресса в урегулировании кризиса на Украине и тем самым пополнить предвыборный багаж внешнеполитических успехов демократов, где уже есть соглашение с Ираном по ограничению ядерной программы и нормализация отношений с Кубой.

Хотя нормандский процесс явно буксует, у конфликтующих сторон сохраняются стимулы, чтобы воздерживаться от возобновления полномасштабных боевых действий. Украина значит для России значительно больше, чем для США, а следовательно, она готова пожертвовать большим, чем Запад, для достижения здесь своих целей. Однако это не исключает поиска возможных компромиссов с Соединёнными Штатами и Евросоюзом по урегулированию кризиса в этой стране.

Главное – переломить логику конфронтационности, которая разделяет Москву и Вашингтон и мешает выработать взаимоприемлемую формулу на основе баланса интересов сторон. Необходимо прекратить оглядываться назад, а начать смотреть вперёд, не питая непомерных ожиданий в отношении того, что можно достичь совместными усилиями, и лучше понимать, чего нельзя добиться, действуя друг против друга.

Библиография • References

Приходько О. В. Россия – Запад: «Перезагрузка» и несбывшиеся ожидания // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 5. С. 56–71.

[*Prikhod'ko O. V.* Rossiya – Zapad: «Perezagruzka» i nesbyvshiesya ozhidaniya // *Obozrevatel'–Observer*. 2012. № 5. S. 56–71]

Kissinger H. Do We Achieve World Order Through Chaos or Insight? // URL: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-henry-kissinger-on-state-of-global-politics-a-1002073.html>

Foreign Policy in the Age of Retrenchment. – The Chicago Council on Global Affairs | | URL: [http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/Task% 20Force% 20Reports/2014_CCS_Report.pdf](http://www.thechicagocouncil.org/UserFiles/File/Task%20Force%20Reports/2014_CCS_Report.pdf)

- FY 2016 Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236395.pdf>
- Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. // *Foreign Affairs*. 2014. September-October. Vol. 93. №. 5.
- National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016 // URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-114s1356enr/pdf/BILLS-114s1356enr.pdf>
- Pifer S.* Russian Aggression against Ukraine and the West's Policy Response. The Senate Foreign Relations Committee. Subcommittee on Europe and Regional Security Cooperation. 2015. March 4 // URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/030415_Pifer_Testimony.pdf
- Serfaty S.* Don't Let Russia Be Russia: Neither Provoke Nor Indulge // *Geopolitics, History and International Relations*. 2015. Vol. 7. №. 1.
- The Scholar as Secretary // *Foreign Affairs*. 2015. September-October. Vol. 94. №. 5.
- Ukraine's Unyielding Corruption. // *New York Times*. 2016. March 31 // URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/01/opinion/ukraines-unyielding-corruption.html>
- Yost D.* The Budapest Memorandum and Russia's intervention in Ukraine // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. №. 3.

Историческая политика на Украине в президентство В. А. Ющенко*

Олег ЯХШИЯН

Исторической политикой (политикой памяти, символической политикой и т. п.) в научной литературе последнего десятилетия принято называть действия политических акторов по утверждению и воспроизводству в массовом общественном сознании определённого исторического нарратива, задающего основу более или менее единому пониманию и эмоционально-образному восприятию национального прошлого.

«О политике памяти мы говорим тогда, – говорит А. И. Миллер, – когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идёт о коммеморации (т. е. о сооружении памятников и музеев, об установлении на государственном или местном уровне особо значимых событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других» [1].

Историческая политика понимается как составная часть, «одно из слагаемых» [2, с. 130] более масштабной и многоаспектной политики национальной

ЯХШИЯН Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий ФГБОУ ВО «ГУУ». E-mail: yakhshiy@yandex.ru

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, В. А. Ющенко, идентичность, юго-восточные регионы Украины, Донецк, Луганск, голодомор, бандеровцы, ОУН, УПА.

¹ Миллер А. Россия: власть и история // ПОЛИТ.РУ // URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>

² Козлов С. В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10147).

идентичности, которая так или иначе вырабатывается и проводится во всех современных государствах и включает в себя языковую политику, политику в сфере образования, культуры и средств массовой информации и т. д.

Такая политика осознаётся как необходимое условие и средство обеспечения долговременной общественной консолидации, национального единства. В этом отношении историческая политика отвечает фундаментальным интересам всего общества, а не только конъюнктурным устремлениям политической элиты, поскольку не только власть имущие, но и «простые» граждане, и даже профессиональные историки, как правило, заинтересованы в воспроизводстве национальной общности и своей страны в их целостности и единстве. Утверждение, что забота об общественных интересах служит лишь прикрытием сугубо партийных целей исторической политики, представляется чересчур категоричным [3, с. 23].

Историческая политика независимой Украины формировалась в начале 90-х годов в ответ на очевидную и объективную для всех постсоветских государств (для России – в меньшей степени) потребность в такой политике как инструменте их легитимации, обоснования претензий на суверенитет и конструирования национальной идентичности [2, с. 124]. Потребность объективна, а сама политика, её контент и технологии реализации субъективны. И во многом определяются историческими, геополитическими, демографическими, этнокультурными и религиозными особенностями, а также конкретными политическими обстоятельствами, характерными для каждого из обретших самостоятельность государств.

По мнению Г. В. Касьянова, уже в первой половине 90-х годов сложился определённый канон национального нарратива истории Украины. Его методологическую основу

историк охарактеризовал следующим образом: «Главным субъектом истории является народ (украинский), который отождествляется с одним или группой генетически родственных этносов и субэтносов. Содержание „национализированной“ истории в научном варианте – превращение этого народа (этносов) в нацию...» и движение к национальному государству. При этом априорно принимается идея естественности, природности, органичности нации и национального государства: «Последние не могут не возникнуть, посему задача историка – обосновать не факт их присутствия в общей истории человечества, а правильно объяснить факт их отсутствия в определённые периоды этой истории» [4, с. 219–220].

Принципиальной установкой кано́на является этнокультурная эксклюзивность с обязательной акцентацией изначальной и непрерывной чуждости всему русскому и цивили-

³ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

⁴ Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

зационной «прописки» в Европе (принадлежности к «западной цивилизации»). С такой трактовкой канона согласен и российский исследователь А. В. Марчуков: сложилась и устоялась самостоятельная, стройная в своей внутренней логике концепция, излагающая и оценивающая историю с точки зрения украинской нации и Украины, которые существовали «изначально», и по происхождению, культуре и истории не имеют ничего общего с русскими и с Россией [5]. Этот канон заложил основу стандартной схемы истории Украины как «отечественной истории» и для научных исследований, и для системы образования. Базовый национальный нарратив вошёл в школьные и вузовские курсы по истории Украины.

В школах был введён предмет «История Украины» (с 4-го по 10-й классы, а с 2005 г. – с 5-го по 12-й классы).

Во всех вузах, независимо от профиля, был введён обязательный семестровый курс «История Украины» (в Российской Федерации аналогичный курс в цикле гуманитарных дисциплин называется просто «История» и имеет устойчивую тенденцию к сокращению аудиторных часов).

Очень показательны замечания Г. В. Касьянова насчёт стандартной программы, предполагавшей индоктринацию по «стандартным идеологическим формам», и насчёт ксенофобских (а точнее – русофобских) мотивов, которыми оказались на-

полнены учебники по истории [4, с. 234].

В. С. Черномырдин, Посол России на Украине (2001–2009 гг.), с сожалением отмечал: «Ещё при Кравчуке первые учебники истории Украины из Канады прислали, и уже в четвёртом (по-теперешнему в пятом) классе на первых страницах той канадской „Истории Украины“ картинка жуткая: страшные, бородатые раскосые мужики тащат за косы белобрысых дев, руины, развалины, раненых добивают, всё огнём пылают... Для непонятливых подпись: „Москалі руйнують Київ“.

Слово „руйнують“ – тоже без перевода понятно: разрушают, превращают в руины.

Если людей с трёхлетнего возраста убеждают в песнях, стихах, байках, рассказях, в „музеях голодомора“, что русские и Россия – главный и чуть ли не генетический враг Украины и украинцев, то что тут доказывать? В этом к четырнадцати годам украинский подросток почти не сомневается! На Украине выросло молодое поколение, которое начинало изучать историю с картинки „Москалі руйнують Київ“, продолжало темой „О борьбе свободолюбивого Мазепы за независимость против гегемонизма Москвы“ и заканчивало – „Россия – автор голодомора и массового геноцида украинцев“ и „Сегодняшняя имперская Россия – угроза независимости и территориальной целостности Украины“. И ведь понимаю, многие на Украине скажут, что это правда» [6].

⁵ Марчуков А. О «национальной концепции истории Украины» и фальсификациях // Фонд исторической перспективы // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=69066>

⁶ Виктор Черномырдин об Украине, которую мы не знаем // Российская газета. 2014. 18 апреля.

Известный историк и археолог, академик НАН Украины П. П. Толочко, выступая на Втором Всеукраинском съезде депутатов советов всех уровней (Северодонецк, 1 марта 2008 г.), с болью рассказывал, что Владимир Мономах – великий князь Киевский XII в. проводится в учебниках как украинец, а его сын – Юрий Долгорукий – как «москаль, который нападал на нашу землю».

Или, например, про Переяславскую раду: «Не вся Украина присягла на верность царю, не присягла Западная Украина, не присягла Южная Украина, не присягали другие регионы Украины. И это иезуитство, маленький ребёнок не знает, что Западная Украина была тогда в составе Польши, и заведомо не могла принимать в этом участие, а Южная Украина – это было татарское поле, Украины там вообще не было» [7].

Исследователи едины в вопросе о том, что стало основной проблемой выработки и реализации политики памяти на Украине при президентах Л. М. Кравчуке и Л. Д. Кучме [2, с. 131]. Даже и в наши дни (2016 г.) американский эксперт, говоря о «навязывании всей стране националистической версии истории», признаёт, что для этого «потребуется вырвать с корнем убеждения и идентичность многих других украинцев» [8].

Основная проблема исторической политики на Украине – идентичность

«других» украинцев, дуализм идентичностей на Украине, причём дуализм конфликтный. Речь идёт о так называемой «западноукраинской» и «восточноукраинской» идентичностях: «в стране существовали и существуют до сих пор две украинские идентичности, которые отличаются не только по языковым предпочтениям, но и по тому образу прошлого, который лежит в их основании» [9, с. 77].

А. И. Миллеру принадлежит заслуга и выявления конкретно-исторических обстоятельств формирования двух украинских идентичностей и обоснования высокой степени их политико-культурной несовместимости.

Главное в этой несовместимости – разная историческая память.

Канадский исследователь Дж.-П. Химка конкретизирует концепцию двух идентичностей применительно к исторической памяти: «В Украине существуют две разные памяти и в отношении Голодомора, и в отношении ОУН – УПА. Коротко говоря, для Западной Украины в центре героической истории Второй мировой войны находятся ОУН и УПА, а для Востока и Юга Украины (причём война там акцентируется как Великая Отечественная. – *Авт.*) – Красная армия. Западная Украина также в большей мере, чем остальная часть страны, убеждена, что голод 1932–1933 гг. был геноцидом (хо-

⁷ Выступление директора Института археологии, академика Петра Толочко на Втором Всеукраинском съезде депутатов советов всех уровней (г. Северодонецк, 1 марта 2008 г.) // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbeefd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>

⁸ Коэн Дж. Историк, обеляющий прошлое Украины // InoPressa // URL: <http://www.inopressa.ru/article/04May2016/foreignpolicy/viatrovych.html>

⁹ Миллер А. И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1.

тя сама Западная Украина в то время не входила в состав Советского Союза)» [10, с. 431].

Президенты Л. М. Кравчук и Л. Д. Кучма проводили осторожную, более или менее компромиссную, умеренную национализирующую политику, лавировали, балансируя между двумя версиями украинской идентичности: «Политика памяти в период их правления пыталась включить в конструируемый общий национальный нарратив знаковые фигуры из обеих версий с упором на те персонажи, которые не отторгались общественным сознанием ни на западе страны, ни на востоке» [9, с. 81].

С. В. Козлов также характеризует проводившуюся тогда политику памяти как амбивалентную: власть адресовала разные коммеморативные мероприятия разным целевым группам [2, с. 131].

А. И. Миллер очень доходчиво объяснял: «Как себя чувствовал восточный украинец при Кравчуке и Кучме? Да, нам немножко неудобно. Да, вот – украинизация. Но умеренная и терпимая. А наши дети пойдут в украинскую школу, научатся языку, и всё будет нормально. А Ющенко „сорвал резьбу“ и в языковой политике, и в политике памяти, и во всех других вещах. Он создал ситуацию, в которой восточным украинцам стало некомфортно» (2014 г.). И далее (в одесской лекции 2011 г.): «Он качнул маятник таким образом, что люди, которые полагали, что на их жизнь такой тихонькой ползучей ук-

раинизации хватит в том смысле, что они-то уж своё нормально доживут, разочаровались в своих надеждах».

«Сорвал резьбу» и «качнул маятник»... Эти слова довольно точно характеризуют историческую политику президента В. А. Ющенко, пришедшего к власти на волне «оранжевой революции» (конец декабря 2004 г.). Ющенко полностью принял идентификацию, которую Дж.-П. Химка условно, но точно обозначил как «ОУН – УПА – Голодомор» [10, с. 431]. И насаждение такой идентичности, прежде всего на юго-востоке страны, судя по всему, он понимал как сверхзадачу своего президентства. В нашу задачу не входит выяснение причин резкой интенсификации, радикализации исторической политики, равно как и выявление взаимосвязи такой радикализации с внутривнутриполитическими кризисами, в частности с кризисом 2007 г. Нас интересует отношение юго-восточных регионов Украины к политике агрессивного подавления базовых элементов исторической памяти, определяющих так называемую восточноукраинскую и русскую идентичности на Украине. Конечно, в какой-то мере об этом отношении свидетельствует провал Ющенко в первом туре президентских выборов 17 января 2010 г., когда он получил рекордно низкий процент голосов – 5,45.

Показатели Ющенко по юго-восточным областям (без Крыма и Севастополя) беспощадны: Харьковская область – 1,5%; Луганская

¹⁰ Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Жильцов С. Государственное устройство Украины: проблемы современного развития // Обозреватель–Observer. 2015. № 5.

область – 0,7%; Донецкая область – 0,7%; Днепропетровская область – 1,2%; Кировоградская область – 1,6%; Запорожская область – 1,1%; Николаевская область – 1,5%; Херсонская область – 1,9%; Одесская область – 1,5%.

Ющенко инициировал беспрецедентную идеологическую и политическую кампанию по превращению голода 1932–1933 гг. в голодомор – центральный мобилизующий символ национальной исторической мифологии [4, с. 228]. В ноябре 2006 г. Верховная рада Украины приняла президентский закон «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине».

В законе утверждалось, что голод 1932–1933 гг. является геноцидом украинского народа, а публичное отрицание голодомора – надругательством над памятью его жертв и унижением достоинства украинского народа. Коммеморативные мероприятия по поводу трагедии 1932–1933 гг. проводились и раньше (уроки памяти в школах, экспозиции в музеях, установка памятных знаков и посадка калиновых гаев, создание мемориальных комплексов), но именно при Ющенко они приобрели общенациональный масштаб (создание национальной «Книги памяти», акция «Негасимая свеча» и т. п.), получили мощную поддержку президентской вертикали власти (губернаторы, городские и районные государственные администрации).

В. А. Ющенко лично возглавил международный комитет по комме-

морации 75-й годовщины голодомора, проводил уроки памяти в школах Киева, во всех своих публичных выступлениях акцентируя версию масштабного, сопоставимого с холокостом, геноцида украинцев. Есть одно существенное обстоятельство, которое имеет непосредственное отношение к значительной части населения юго-восточных областей: «...дискурс голодомора как геноцида сопровождается рассуждениями о том, что место истребленных голодом украинцев заняли переселенцы из России. Такие фразы содержатся в украинских учебниках истории. Президент Ющенко, неоднократно заявлявший, что винит в голодоморе не Россию, но только сталинский режим, ни разу не выступил с осуждением многочисленных заявлений, в том числе и со стороны официальных лиц, в которых ответственность возлагается именно на русских и Россию» [9, с. 88].

Разные социологические опросы зафиксировали «особое мнение» юго-востока по поводу официальной версии голода 1932–1933 гг.

По данным опроса Киевского международного института социологии – КМИС (ноябрь 2007 г.), доля поддерживающих признание голодомора геноцидом по всей стране достигла 63,2%. Среди жителей регионов юга – 55%, востока – 35%.

Среди сторонников партий, чью электоральную базу традиционно связывали с юго-востоком, Партии регионов и Компартии Украины, уровень поддержки версии голодомора как геноцида превысил 40% [11].

¹¹ Голодомор – геноцид: подмена понятий // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>

Конечно, 55% юга и 35% востока – это существенно меньше, чем 85% запада и 76% центра.

Цифры поддержки КМИС 2007 г. выглядят несколько завышенными.

Данные социологического исследования, проведённого в августе 2008 г. компанией *R&B Group*, представляют более умеренную картину в плане поддержки мифа «Голодомор как геноцид» [12]. И это с учётом приближавшегося 75-летия голодомора и апогея коммеморативных усилий государства.

По Украине в целом 41% опрошенных соглашались с утверждением, что голодомор был направлен на уничтожение украинского народа. 29% полагали, что голод был связан с некомпетентностью тогдашних властей, а 15% считали, что он был вызван естественными причинами.

В исследовании 2008 г. не было разбивки регионов отдельно на юг и на восток, и в этом смысле цифра по юго-востоку более внятная.

Среди жителей юго-востока с утверждением «Голодомор был направлен на уничтожение украинского народа» согласились 20%, на западе Украины – 69%.

С утверждением, что голодомор был связан с некомпетентностью тогдашних властей, соответственно 39% и 16%. Голодомор был вызван естественными причинами – 24% на юго-востоке и 5% западе. Затруднились с ответом соответственно 17% и 10%.

Вполне определённое несогласие юго-востока с трактовкой голодомо-

ра как геноцида украинского народа подтверждают и данные того же исследования по национальным и языковым срезам.

Другим важнейшим направлением исторической политики В. А. Ющенко стали настойчивые усилия по реабилитации и героизации Украинской повстанческой армии (УПА), её главнокомандующего Р. Шухевича и лидера Организации украинских националистов С. Бандеры.

Ющенко 14 октября 2007 г. санкционировал коммеморативные мероприятия, приуроченные к 65-летию годовщины создания УПА (с 2014 г. отмечается как День защитника Украины).

Празднованию круглой даты был придан общегосударственный характер, а накануне, 12 октября, Ющенко издал Указ о присвоении Р. Шухевичу звания «Герой Украины» (посмертно).

Уже 19 октября Луганский областной совет обратился к президенту с просьбой об отмене этого указа. 23 октября Луганский городской совет принял аналогичное обращение. А 2 ноября городской совет Донецка принял обращение с предложением создать международную комиссию по расследованию деятельности Украинской повстанческой армии. До обнародования выводов такой комиссии донецкие депутаты призвали отменить указы президента о праздновании годовщины создания УПА и о присвоении звания «Герой Ук-

¹² Денисов Д. Восприятие голода 1932–33 годов жителями Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2009. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/f26/f26a99854d00fa11aff9c041c0599e8f.pdf>

раины» Р. Шухевичу. 29 ноября того же года Харьковский областной совет постановил считать, что «на территории Харьковской области» ОУН и УПА – «это формирования, которые подчинялись командованию фашистской Германии и использовались им во время Второй мировой войны против Советского Союза и государств антигитлеровской коалиции», а воины УПА – «участники боевых действий на стороне фашистской Германии». Депутаты обвинили Ющенко в том, что он инициирует процесс героизации фашистских пособников [13].

Социологические опросы показывали, что большинство населения по всей Украине выступает против реабилитации ОУН – УПА.

Так, по данным исследования КМИС 2006 г., идею реабилитации УПА поддержал 21% опрошенных, против неё высказалось 52% при 27% затруднившихся ответить или безразличных.

Инициативу Ющенко праздновать годовщину создания УПА в октябре 2007 г. не поддержала почти половина (49%), а одобрила четверть (25%) населения страны.

К празднованию годовщины УПА на государственном уровне в юго-восточных регионах отнеслись отри-

цательно 48%, скорее отрицательно – 23%, нейтрально – 20%, скорее положительно и положительно – 9% населения.

Почти 60% населения юго-востока сочли, что такое решение будет способствовать расколу украинского общества [14].

Меры по героизации УПА и Бандеры, в числе других акций гуманитарной политики президента Ющенко, подтолкнули политическую элиту юго-востока к действиям, которые убедительно продемонстрировали бы неприятие и отторжение этой политики. Так возникла идея провести в городе Северодонецке Луганской области Второй Всеукраинский съезд депутатов советов всех уровней (первый такой съезд состоялся в Северодонецке 28 ноября 2004 г. в разгар «оранжевой революции» [15, с. 218]).

Один из инициаторов этой идеи, председатель Луганского областного совета В. Н. Голенко, объяснил её возникновение именно перегибами в проводимой гуманитарной политике и прямо указал на необходимость считаться с мнением юго-востока: «Мы уверены, что жители юго-востока страны имеют право быть услышанными, так же как и жители других регионов» [16].

¹³ УПА признана воюющей стороной. На стороне фашистов // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>

¹⁴ Героизация бандеровцев не поддерживается народом // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>

¹⁵ Яхшиян О. Ю. «Оранжевая революция» 2004 г. и регионы Юго-Востока Украины // Проблемы истории Новороссии. Сб. статей / отв. ред. В. Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2015.

¹⁶ Украинские власти испугались Северодонецка-2 // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>

По мысли организаторов, съезд должен был рассмотреть прежде всего вопросы языковой политики, а также вопросы пересмотра истории, реабилитации бандеровцев, навязывания идеологии, чуждой юго-востоку Украины. Показательно, что съезд готовился и проводился как Всеукраинский, а не как мероприятие только юго-востока.

Открывая съезд, В. Н. Голенко заявил: «Общество не может жить и развиваться нормально с такими перегибами в гуманитарной политике. С такими ужасающими, воистину раскалывающими страну деяниями, как обеление гитлеровских пособников, героизация военных преступников, очернение Красной армии, принёсшей Украине свободу от нацистской чумы». И предупредил, что «подобные гуманитарные, но антигуманные эксперименты являются опасным катализатором народного возмущения, в том числе этнического характера» [17].

100-летие Бандеры в 2009 г. юго-восток проигнорировал. Только западные области оказались в этом отношении адекватны исторической политике президента Ющенко.

Очень характерное суждение насчёт символического эффекта и консолидирующего потенциала исторического образа Бандеры – причём суждение галичанина, «западнца» – опубликовал в феврале 2009 г. информационный ресурс ВЛАСТИ. НЕТ: «К Бандере я отношусь со сдержанной симпатией, к бандеровско-

му движению – со сдержанным сочувствием. А вот к авторам лозунга „Символ нации“ сдержанности мне не хватает. Я просто неудержимо хотел бы встретиться с автором этого лозунга... и задать ему один вопрос: какой именно нации символом является Бандера?.. Исходя из собственного, почти десятилетнего опыта сосуществования со „східняками“ (одно из „западенских“ названий жителей восточных регионов Украины. – Авт.) на их территории, а также из того, что подобные билборды я и все опрошенные мною знакомые видели только на Западной Украине, делаю вывод, что речь идёт о какой-то нации, которая сосредоточена в основном на запад от Збруча. Конечно, я допускаю, что плакатов о „символе нации“ я недосмотрел где-то на Киевщине, но твёрдо знаю, что их не может быть на востоке и юго-востоке нашего государства, потому что там даже забетонированные металлические таблички с упоминанием о героях УПА не приживаются и дня. Кроме того, я убеждён, что отдельные представители этой загадочной нации живут и в Киеве, и в Донецке, и в Харькове, и в Одессе, и даже в Севастополе, но их численность балансирует на грани статистической погрешности... Бандера был радикальным националистом-революционером, который применял террористические методы в своей борьбе. Где есть нация националистов-революционеров? Выдвигая лозунг „Бандера – символ на-

¹⁷ Выступление председателя Луганского областного совета, члена Партии регионов Валерия Голенко на Втором Всеукраинском съезде депутатов советов всех уровней (г. Северодонецк, 1 марта 2008 г.) // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbeefd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>

ции“, Ющенко отсекает от такой виртуальной „нации“ подавляющее большинство жителей этой страны. Ну назови ты Бандеру символом эпохи, символом борьбы, но не нации, потому что в ответ услышишь – нет такой нации, символом которой был бы Бандера» [18].

Раскручиваемый в рамках исторической политики Ющенко героический миф УПА означал для юго-

востока следующий послыл: «Вот эти люди – идеальные украинцы. Вот это стандарт. Это то, что правильно, то, чем надо гордиться». Героический миф УПА бил в самую болевую точку конфликта памяти двух идентичностей: «А мы тогда кто?» – спрашивали те люди, которые считали, что они на правильной стороне воевали под красным флагом.

Как только стали известны неутешительные для Ющенко результаты первого тура президентских выборов, 20 января 2010 г. уходящий президент своим указом присвоил С. Бандере звание «Герой Украины» (посмертно). Разъясняя своё решение, Ющенко сказал: «Для меня был вопрос, как нацию привести к пониманию этого... Речь идёт о том, как и на этом примере сплотить страну... На высоком политическом уровне, кроме меня, такой работы никто не проводил» [19].

Прошёл ровно год. В январе 2011 г. на сайте Президента Украины пресс-служба В. Ф. Януковича разместила сообщение о том, что Донецкий окружной административный суд признал незаконным и отменил указ президента Ющенко о присвоении С. Бандере звания «Герой Украины». И Донецкий апелляционный административный суд оставил это решение без изменений. Таким образом, говорилось в сообщении президентской пресс-службы, указ отменён. Символично: не Янукович даже, а Донецк, юго-восток дегероизировал С. Бандеру. Такая же судьба постигла и указ Ющенко о Шухевиче.

В мае 2010 г. в центре Луганска был открыт памятник жертвам ОУН – УПА. Надпись на памятнике гласит: «Правда забвению не подлежит». У постамента установлена мемориальная стела с высеченными на ней именами откомандированных на Западную Украину жителей Луганска, которые были там убиты бандеровцами. Почти миллион гривен на сооружение памятника в короткие сроки собрали жители Луганской области.

¹⁸ Тема: украинский национализм. Бандера – символ нации? // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2009. № 4 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/28e/28e25f077504fb0f0a39c73cfda26004.pdf>

¹⁹ Ющенко присвоил звание «Герой Украины» Степану Бандере // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2010. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/3cf/3cf8d828d96ef1bd5da64a05d499c38f.pdf>

Библиография • References

- Виктор Черномырдин об Украине, которую мы не знаем // Российская газета. 2014. 18 апреля.
[Viktor Chernomyrdin ob Ukrainе, ktoruju my ne znam // Rossijskaja gazeta. 2014. 18 aprelja]
- Выступление директора Института археологии, академика Петра Толочко на Втором Всеукраинском съезде депутатов советов всех уровней (г. Северодонецк, 1 марта 2008 г.) // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbebfd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>
- [Vystuplenie direktora Instituta arheologii, akademika Petra Tolochko na Vtorom Vseukrainskom s#ezde deputatov sovetov vseh urovnej (g. Severodoneck, 1 marta 2008 g.) // Informacionno-analitcheskij monitoring «Ukraina». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbebfd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>]
- Выступление председателя Луганского областного совета, члена Партии регионов Валерия Голенко на Втором Всеукраинском съезде депутатов советов всех уровней (г. Северодонецк, 1 марта 2008 г.) // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbebfd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>
- [Vystuplenie predsedatelya Luganskogo oblastnogo sojeta, chlena Partii regionov Valerija Golenko na Vtorom Vseukrainskom s#ezde deputatov sovetov vseh urovnej (g. Severodoneck, 1 marta 2008 g.) // Informacionno-analitcheskij monitoring «Ukraina». 2008. № 3 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cad/cad4f46bbebfd6eed7b56fb3d6c3998c.pdf>]
- Героизация бандеровцев не поддерживается народом // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>
- [Geroizacija banderovcev ne podderzhivaetsja narodom // Informacionno-analitcheskij monitoring «Ukraina». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>]
- Голодомор – геноцид: подмена понятий // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>
- [Golodomor – genocid: podmena ponjatij // Informacionno-analitcheskij monitoring «Ukraina». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>]
- Денисов Д. Восприятие голода 1932–33 годов жителями Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2009. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/f26/f26a99854d00fa11aff9c041c0599e8f.pdf>
- [Denisov D. Vosprijatie goloda 1932–33 godov zhiteljami Ukrainy // Informacionno-analitcheskij monitoring «Ukraina». 2009. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/f26/f26a99854d00fa11aff9c041c0599e8f.pdf>]
- Жильцов С. Государственное устройство Украины: проблемы современного развития // Обозреватель–Observer. 2015. № 5. С. 5–14.
[Zhil'cov S. Gosudarstvennoe ustrojstvo Ukrainy: problemy sovremennogo razvittija // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 5. S. 5–14]
- Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
[Kas'janov G. «Nacionalizacija» istorii v Ukraine // Istoricheskaja politika v XXI veke. Sb. statej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s.]
- Козлов С. В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 122–132.
[Kozlov S. V. Politika pamjati kak instrument legitimacii postsovetskoj ukrainskoj gosudarstvennosti // Vestnik Rossijskoj nacii. 2014. № 1. S. 122–132]
- Кожэн Дж. Историк, обеляющий прошлое Украины // InoPressa // URL: <http://www.inopressa.ru/article/04May2016/foreignpolicy/viatrovych.html>
- [Kojen Dzh. Istorik, obeljaxushhij proshloe Ukrainy // InoPressa // URL: <http://www.inopressa.ru/article/04May2016/foreignpolicy/viatrovych.html>]

- Марчуков А. О «национальной концепции истории Украины» и фальсификациях // Фонд исторической перспективы // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=69066>
- [Marchukov A. O «nacional'noj koncepcii istorii Ukrainy» i fal'sifikacijah // Fond istoricheskoy perspektivy // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=69066>]
- Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
- [Miller A. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Istoricheskaja politika v XXI veke. Sb. statej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s.]
- Миллер А. Россия: власть и история // ПОЛИТ. РУ // URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>
- [Miller A. Rossija: vlast' i istorija // POLIT.RU // URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>]
- Миллер А. И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76–99.
- [Miller A. I. Politika stroitel'stva nacii-gosudarstva na Ukraine // Politicheskaja nauka. 2010. № 1. S. 76–99]
- Тема: украинский национализм. Бандера – символ нации? // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2009. № 4 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/28e/28e25f077504fb0f0a39c73cfda26004.pdf>
- [Tema: ukrainskij nacionalizm. Bandera – simbol nacii? // Informacionno-analiticheskij monitoring «Ukraina». 2009. № 4 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/28e/28e25f077504fb0f0a39c73cfda26004.pdf>]
- Украинские власти испугались Северодонецка-2 // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>
- [Ukrainskie vlasti ispagulis' Severodonecka-2 // Informacionno-analiticheskij monitoring «Ukraina». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>]
- УПА признана воюющей стороной. На стороне фашистов // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>
- [UPA priznana vojushhej storonoj. Na storone fashistov // Informacionno-analiticheskij monitoring «Ukraina». 2007. № 5 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/18f/18f5e2b49edd8334f454c6e9a9fd1db2.pdf>]
- Химка Дж. – П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
- [Himka Dzh. - P. Druzhestvennye vmeshatel'stva: bor'ba s mifami v ukrainskoj istorii XX v. // Istoricheskaja politika v XXI veke. Sb. statej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s.]
- Ющенко присвоил звание «Герой Украины» Степану Бандере // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». 2010. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/3cf/3cf8d828d96ef1bd5da64a05d499c38f.pdf>
- [JUSHchenko prisvoil zvanie «Geroy Ukrainy» Stepanu Bandere // Informacionno-analiticheskij monitoring «Ukraina». 2010. № 2 // URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/3cf/3cf8d828d96ef1bd5da64a05d499c38f.pdf>]
- Яхшиян О. Ю. «Оранжевая революция» 2004 г. и регионы Юго-Востока Украины // Проблемы истории Новороссии. Сб. статей / отв. ред. В. Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2015. – 232 с.
- [Jahshijan O. JU. «Oranzhevaja revoljucija» 2004 g. i regiony JUgo-Vostoka Ukrainy // Problemy istorii Novorossii. Sb. statej / otv. red. V. N. Zaharov. M.: IRI RAN, 2015. – 232 s.]

Политический идеал США и демократия

Алексей НИКАНДРОВ

Политический идеал Америки

Фундаментом политической идеологии (как, впрочем, и политического учения, теории, доктрины) является политический идеал. Идеал в данном случае можно определить как центральную, основополагающую идею, вокруг которой выстраивается тот идейный комплекс, который составляет идеологию.

Так, в основе платоновского идеального полиса лежит идея единого (*hen*), или блага (*agathon*); её политическим инвариантом является справедливость (*dikaïosunē*), а антропологическим – счастье (*eudaimonia*).

В самом деле, как говорит Е. Н. Трубецкой, «нет большего зла для государства, чем раздвоение, и нет большего блага, чем внутрен-

нее объединение. Преимущество идеального государства перед всеми существующими в том и заключается, что это – *государство единое*, тогда как прочие государства заключают в себе начало раздора-раздвоения. Оттого-то оно, несмотря на свои незначительные размеры, должно обладать могуществом, неслыханным у варваров и греков, и быть непобедимым» [1].

Понятие политического идеала обычно применяется по отношению к теориям конкретных политических мыслителей, идеологиям, направлениям политической мысли и т. п., что же касается страны, нации – по большей части говорят о национальной идее и национальном идеале.

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *E-mail*: bobbio71@mail.ru; *SPIN-код*: 8954–4220.

Ключевые слова: идеология, политический идеал, демократия, неоконсерватизм, кризис демократии.

¹ Трубецкой Е. Н. Социальная утопия Платона. М.: Кушнерёв и К^о, 1908. С. 59.

«**Национальная идея**, – пишет Е. Н. Моцелков, – это „единичная“ сущность данной нации и данного национального государства на конкретном историческом этапе развития, а точнее – в данном историческом контексте развития. Национальных идей не может быть много, их не может быть даже две. Она всегда одна, отражающая главную характеристику, сущностную черту данного национального бытия. По большому счёту – это **общепринятая идея единого, целостного существования национального государства**. Отсюда только и формулируется национальный идеал как совершенный образ будущего данной нации, данного национального государства, образ, в котором кристаллизуются как общечеловеческие, так и специфические национальные характеристики...» [2].

Политический идеал должен иметь философское обоснование, и у Платона это показано необычайно ярко.

Так, и П. И. Новгородцев, рассматривая понятие абсолютного идеала в качестве исходного и руководящего начала общественной философии, утверждает: «Необходимо иметь перед собой такой идеал для того, чтобы в свете его созерцать прогресс общественных форм, чтобы иметь критерий для различения вечных святынь от временных идолов и кумиров, чтобы знать направление, в котором следует идти. Необходимо иметь уверенность, что этот идеал есть не отвлечённая норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью...» [3, с. 60–61].

Политический идеал Америки – это сама Америка, в единстве своего

устройства и всех атрибутов, в единстве саморазвития, включающего будущее состояние; величие Америки – в ней самой: по сути, она – платоновское государство, являющееся одновременно идеалом и целью саморазвития. Географическое положение прежде всего, а также и некоторые другие факторы (в том числе политическое устройство), пусть и с определёнными оговорками, но защищали США от распада и внешней угрозы, предоставляя Америке чувство почти абсолютной уверенности в нерушимости своего единства (чего никак не скажешь о других странах) и в возможности создавать и осуществлять амбициозные и рассчитанные на долгое время планы, т. е. уверенность в вечности «града на холме» (*perpetual state* отцов-основателей). В этом состоит «американская исключительность» – во многом обоснованный исторический оптимизм, «счастливая судьба Соединённых Штатов, их уверенность в завтрашнем дне (пришедшая, правда, лишь со временем, но затем уже никогда не покидавшая их), мало побуждавшие к размышлениям о превратностях истории...» [4, с. 13].

О специфическом «американском везении» говорит А. С. Манькин: «В отличие от европейских стран „взросление“ США как государства протекало в более благоприятной

² Моцелков Е. Н. Государственная идеология в России: конфликт прошлого и настоящего // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / под общ. ред. Е. Н. Моцелкова, О. Ю. Бойцовой, В. Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьёв А. В., 2015. С. 131–132.

³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.

⁴ Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005.

внешней обстановке. Америка вплоть до Второй мировой войны практически не испытывала какой-либо реальной угрозы своему суверенитету, а те войны, в которых она участвовала, не только не подрывали её экономику, но даже обрачивались солидными дивидендами» [5]. Всё это благоприятствовало появлению уверенности в высоком предначертании, миссии и т. п., но, конечно, само по себе не являлось причиной установления и развития особого политического идеала. Отцам-основателям Америки, пишет Х. Арндт, было присуще «настойчивое желание гарантировать стабильность и долговечность новому творению, придать каждому фактору политической жизни статус „прочного института“, «озабоченность *perpetual state*, „долговечным государством“». За всем этом «стояло глубоко прочувствованное желание Вечного Града на земле и плюс к нему убеждение, что „правильно организованная республика... может при всех её внутренних условиях быть столь же бессмертной и долговечной, как Мир“» [6].

Вера, чувство, преображение, величие, оптимизм и счастье при *novus ordo seclorum* – как тут не вспомнить слова П. И. Новгородцева: «Вдумываясь в понятие *абсолютно осуществлённого идеала*, мы должны сказать, что оно становится ясным лишь тогда, когда сочетается с верой в чудо всеобщего преображения. Поскольку речь идёт о целостном осуществле-

нии идеала, очевидно имеется в виду выход из естественных условий в сверхъестественные, когда действительно открываются „новое небо и новая земля“» [3, с. 57]. Ясно, что такого рода идеал может находить своё выражение не в какой-либо отдельной (или в каких-либо отдельных) концепции, теории, трактате, направлении мысли и т. п., но представлен во всей магистральной доктринально-идеологической линии американской мысли. Это не тренд отдельного исторического периода, а общая позиция всей политической мысли этой страны в контексте её исторического развития, генеральная линия всего философско-политического и доктринально-идеологического комплекса.

Идеал – единое, если следовать этим взглядам, – также является и целью: мир движется к единству, и в перспективе американским будет весь мир (или весь мир будет Америкой).

«США как государство, – утверждают авторы доклада „Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование“, – уже в самом себе есть прообраз либерального человечества – Соединённых Штатов Мира. Штаты в США не воюют между собой, поэтому мир должен воцариться и в масштабе всей планеты, где государства станут Штатами, тем более что в английском языке это одно и то же слово – *State* (означает и государство, и штат). В этой исторической оптике США больше, чем государство – это прообраз будущего устройства всемирного гражданского общества. Значит, США – не просто силовой, но смысловой,

⁵ Манькин А. С. Наследие американской революции: консервативная интерпретация // Проблемы американистики. Вып. 8. Консерватизм в США: прошлое и настоящее / под ред. Е. Ф. Языкова. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 139.

⁶ Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. С. 318–319.

идейный авангард Запада, это будущее Запада, где исполнение высшей цели развития уже достигнуто» [7].

Это будущее «мировое государство» («всемирная федерация», «атлантический союз», «сверхгосударство» и т. п.), как финальная цель усилий, является в платоновском смысле не меньшей реальностью, чем текущее положение (причём ни практико-политические моменты реализации цели, ни даже понимание её недостижимости не имеют значения). Исходя из этого, будущее мироустройство, согласно идеям всех апологетов и «жрецов» американского величия, гегемония и (или) доминирование США в мире – законна, закономерна и неизбежна, так как ведёт к будущему мировому единству. И в этом плане идеал, безусловно, предшествует целям и интересам и определяет их. Во всяком случае, полагали идеологи и политики Америки, если какая-либо страна и может в перспективе быть мировым гегемоном (или ещё лучше – стать мировой империей), то это – Америка, и это потому, что прежде всего сама является идеалом политического развития и вследствие этого воплощает все политические и иные идеалы в наибольшей степени; распространение же своей власти на весь мир будет гарантировать защиту и развитие самой совершенной, гуманной, благородной и т. п. страны, как говорится,

magnus ab integro saeculorum nascitur ordo.

В работе «Америка» Ж. Бодрийяр так описывает чувство любования американцами своей «воплощённой утопией», выражая вполне серьёзное отношение к этой вере: «Идиллическая убежденность в том, что они – центр мира, высшая сила и безусловный образец для подражания – не такое уж заблуждение. Она основана не столько на технологических ресурсах и вооружённых силах, сколько на чудесной вере в существование воплотившейся утопии – общества, которое с невыносимым, как это может показаться, простодушием жидется на той идее, что оно достигло всего, о чём другие только мечтали: справедливости, изобилия, права, богатства, свободы; Америка это знает, она этому верит и, в конце концов, другие тоже верят этому» [4, с. 12].

В. Вильсон, положивший начало практическому воплощению мечты о мировом господстве Америки и уверенный в том, что «миром правят идеалы», нисколько не сомневался и в том, что «только Америка является идеальной страной» [8, с. 265]. Смысл этого в том, что Америка не *обладает* идеалом, а скорее *является* им, и эта мысль в разных вариациях и ракурсах озвучивалась американскими мыслителями: так, к примеру, пишет В. Л. Иноземцев, Р. Хофштадтер утверждал, что предназначение Америки – «не обладать идеологией, а быть таковой», а англичанин Г. Честертон называл американцев «нацией с душой церкви» [9].

⁷ Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование. Совместный доклад аналитического центра *Katehon* и РИСИ // URL: katehon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii-ssha-na-globalnoe-dominirovanie

⁸ Гершов З. М. Вудро Вильсон. М.: Мысль, 1983.

⁹ Иноземцев В. Л. Книгочей. М.: Ладомир, 2005. С. 108.

Под эту центральную *философскую идею* в качестве необходимого разъяснения (прежде всего в отношении *законности*) подвёрстываются религиозные обоснования. На самом деле громкие фразы о «богоизбранности», «особой миссии», «судьбе», «граде на холме», «явном предначертании» и пр. (специфическая «политическая религиозность») – всё это не более чем дополнения и толкования изначального принципа. Вся эта религиозно-фаталистическая трескотня не должна смущать, даже если и представляется фарисейской и лицемерной. Здесь проявляется, с одной стороны, стремление государства к самоэкспансии при отсутствии препятствий, а с другой – то религиозное значение, которое приписывается совершенному (или считающемуся таковым) обществу.

Говоря словами П. И. Новгородцева, «совершенному обществу приписывается значение высшей нравственной основы, которая даёт человеку и полноту бытия, и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозное стремление, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний» [3, с. 42].

Идеи и мифы об особой миссии и исключительности начали своё «хождение» в Америке едва ли не с XVII в., а миф о «явном предначертании» как «политическая транскрипция американской исключительности» (Э. Я. Баталов) обрёл свою силу в первой половине XIX в., но практическая реализация «мис-

сии» началась лишь тогда, когда внутренние силы и международная обстановка позволили начать, а именно во время президентства В. Вильсона. Безусловно, к этому времени американские элиты настолько прониклись *верой* в исключительность и *уверенностью* в превосходстве, что никаких сомнений в правомерности крестового похода во имя распространения своих (но понимаемых как общезначимые) ценностей и передела мира по американским планам в большинстве своём не испытывали. (Конечно, в плане продвижения американских планов «гегемонии» мало кто может быть поставлен рядом с 28-м президентом США, тем не менее нельзя забывать и о роли Теодора Рузвельта, с именем которого связывают тот поворот во внешней политике Америки, который явил миру «новую глобальную вовлечённость США» [10].)

Это *состояние* веры в превосходстве и неизбежное торжество идеала прочитывается в работе Г. Киссинджера, описывающего вильсоновский переход от изоляции к принципам интервенционизма.

«Заявив о себе на международной арене, Америка не желала довольствоваться ролью лишь одного из многих государств, преследующих свои национальные интересы. Доктрина Вильсона отвергала такое моральное равенство, которое ставило бы Соединённые Штаты в один ряд с другими государствами. По Вильсону, у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образцу и подобию». И далее Киссинджер говорит о том, что дело не в превосходстве

¹⁰ Уткин А. И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск: Издательство Уральского государственного университета, 1989. С. 115.

идеала (в этом сомнений не было уже задолго до Вильсона), а в появившейся возможности этот идеал начать продвигать в мире: «...Вопрос о применимости американской модели к остальному миру занимал Америку и прежде – со времён основания республики. Вильсон же прямо заявил о возможности крестового похода во имя распространения американских идей и ценностей, который предполагалось осуществить с помощью активной внешней политики» [11, с. 274].

Удивительно при этом, что у Вильсона нашлись оппоненты, которые, по словам Киссинджера, «верили, что глобальную миссию Америка лучше всего осуществит, совершенствуя (государственные и общественные) институты у себя дома» [11, с. 274], – и это в то время, когда исторические условия, силы и финансы впервые позволили приступить к строительству нового миропорядка!

«Вильсон, – пишет В. В. Романов, – неоднократно подчёркивал своё убеждение в том, что никто, кроме Соединённых Штатов, не сможет добиться окончательной победы над авторитаризмом и „сделать мир безопасным для демократии“».

Таким образом, новый миропорядок задумывался Вильсоном «исключительно как миропорядок по-американски, миропорядок, который стал бы воплощением „американской мечты“» [12, с. 100]. При этом Вильсон «выступал за экономическую и идеологическую экспансию США. По мнению Вильсона, она являлась наиболее верным средством обеспечения доминирующего положения США в мире» [8, с. 202].

С особой силой и даже некоторым фанатизмом догма Америки как идеала в концептуально-политическом, и особенно идеологическом, плане, развитая В. Вильсоном, проводится американскими неоконсерваторами, продолжателями «активной наступательной политики *à la* Рональд Рейган» [4, с. 66], которые «видели в США не только государство, но и идеал социально-политического устройства, а в американской идеологии – основу для организации миропорядка в целом» [13]. В. Вильсон – при всей ясности гегемонистских интенций своей внешнеполитической линии – всё же апеллировал к морали и религии, этике долга и альтруизму (пусть даже этот альтруизм был *несколько навязчивым*).

«Американские интересы Вильсон видел не столько в экономической экспансии, сколько в том, чтобы продемонстрировать всему миру альтруизм США. Главной обязанностью американцев он считал сохранение чистоты своих идеалов, демонстрацию эффективности демократии не только у себя дома, но и по всему миру» [12, с. 37].

Что же касается неоконсерваторов, то им свойственна особого рода бесцеремонность, ничем не прикрытая агрессия, злобная трескучая риторика, фанатичная уверенность в «колоссальной силе США» и примитивность аргументов в защиту «глобальной гегемонии», «нового

¹¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002. С. 274.

¹² Романов В. В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.: Тамбов: ТГУ, 2005. С. 100.

¹³ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьёв. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 151.

американского века» и т. д. При этом вся их «лихая трескотня» и несдержанность представляется скорее маскировкой растерянности, нервозности, неспособности выстроить линию дальнейшего продвижения интересов Америки. Так что «победа в холодной войне» для Америки в итоге представляется не такой уж и блестящей.

Если предпринять попытку анализа отношения политического идеала и идеологии, используя «американский подход», т. е. прагматизируя идеальное в политике, то легко увидеть, что идеи, в которых отражён идеал, как бы растворяются в политической практике, лишаясь самооценности и превращаясь в набор установок в рамках целостной программы достижения идеала (при этом что идеал считается безусловно и однозначно определённым заранее и никаких споров и полемики по этому вопросу не предполагается). Так, американский учёный Дж. Янг определяет идеологию как «чёткий набор пригодных для действительных идей, отражающих взгляды на мир, каков он есть, каким он должен быть, и программу для достижения идеалов на практике» [14].

В этом определении хорошо просматривается отличие западноевропейского и американского взглядов на сущность политической идеологии, заострённость американского подхода на практику, понимание идеологии скорее как алгоритма действий, как программы политической активности или модели для конструирования «политических

объектов», а не предмет созерцания или образец для умного построения политической реальности; не как реальность высокого порядка, предшествующую политической обыденности. Превращаясь в алгоритмы и модели, идеалы и идеи отходят на задний план, переставая быть постоянными образцами для сверки проектов, выстроенных по ним: можно сказать, что подрядчикам этих проектов конечные цели безразличны (если вообще известны).

Из этого, с одной стороны, следует невозможность принципиальной критики идеологических конструкций (модели же, проекты и алгоритмы и не могут быть подвержены критике), а с другой – изначальные идеалы остаются неизменными, и это важная положительная, сильная сторона американского идейно-политического проектирования. Итак, антиплатонизм (вытеснение идейной составляющей из практической политики, замена идей лозунгами и формулами) превращается в скрытый платонизм (платоновская неизменность и самоотжественность идеала). В самом деле, если для Западной Европы, да и вообще для континентальной мысли, в высшей степени характерны конфликты идеалов (тем более идеологические конфликты), то американский политический идеал, будучи выработан, достигнут, изменениям уже не подвергался, изменялась только идеология, да и то сохраняя кардинально важные черты идентичности и не теряя связи с изначальным идеалом.

¹⁴ Петров Д. Б. «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60-70-е годы). М.: Мысль, 1980. С. 16.

Демократия и политический идеал США

Зачастую политический идеал Америки отождествляется с демократией. Соответственно, в распространении демократии (или либерально-демократических ценностей) на весь мир и заключается цель мировой самоэкспансии США. Казалось бы, сложно совместить идеалы демократии и либеральные ценности с принципами доминирования и мирового диктата. При этом довольно сложно найти обоснование стремлению к господству над миром, используя одновременно демократический и имперский лексикон идеи *Pax Americana*. Вообще, концепт «глобальной демократизации» содержит в себе имперские черты, интенции и главное – императивы. Тем не менее США долгое время достаточно успешно позиционировали себя в качестве «гаранта мировой демократии» (Э. Я. Баталов), и здесь следует отдать дань идеологическому противостоянию эпохи холодной войны: «Успешную борьбу с мировым коммунизмом можно было вести лишь при наличии эффективного идейного оружия. Таким оружием, способным противостоять социалистическому идеалу, мог быть только демократический идеал» [15].

Вообще, политический идеал – как центральная идея идеологий, доктрин, политических теорий – не может быть сведён к политическим формам, моделям политического устройства и т. д.

Здесь следует согласиться с апофатикой П. И. Новгородцева: «Ни наилучшее устройство

власти, ни справедливое распределение богатств, ни всеобщее довольство и счастье, ничто не соответствует безусловному содержанию той нормы, определения которой мы ищем. И власть, и богатство, и счастье, всё это внешние и относительные блага, имеющие значение средств для достижения высших целей» [3, с. 110].

Также учёный отмечал: «Столь же незаконным является этот приём абсолютизации исторических начал и в применении к каким-либо отдельным элементам общественной жизни. Когда, например, единospасающим идеалом общественного устройства объявляются народовластие, парламентаризм, социализм и т. п., то очевидно, что и в этих случаях временные и конкретные средства осуществления абсолютного идеала, подсказанные теми или другими затруднениями и нуждами общественной жизни, принимаются за существо самого идеала» [3, с. 119–120].

С одной стороны, продвижение демократии увязывается с безопасностью Америки в управляемом ею же мире, выстроенном по «демократическим принципам» (в реальности, по американскому политическому «образу и подобию», в качестве «образца демократии» весьма сомнительному).

Так, в своей работе «Нужна ли Америке внешняя политика?» Г. Киссинджер цитирует статью 1996 г. одного политика: «В мире, который становится всё более взаимозависимым, Америку всё больше волнует то, как, хорошо или плохо, управляют своими делами другие страны. Чем больше появляется стран, избравших демократическую модель развития, и чем теснее они связаны друг с другом, тем в большей безопасности будет чувствовать себя Америка...» [11, с. 284].

¹⁵ Баталов Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 12.

Таким образом, под предлогом распространения ценностей и исполнения особой миссии (при этом распространению подлежат только те феномены, над которыми Америка, по определению, сможет в дальнейшем сохранить контроль) происходит расширение влияния и усиление контроля.

Как замечает Э. Я. Баталов, «выполнение Соединёнными Штатами „предначертанной“ им Миссии есть политико-культурное предприятие, которое должно обернуться для Америки успехом – политическим, коммерческим, военным». И далее в продолжение мысли о демократии как гарантии безопасности Америки: «Как объяснял, например... Энтони Лэйк, „чем большее развитие получают демократия и рыночная экономика в других странах, тем более защищённой, процветающей и влиятельной будет наша нация“» [16].

Конечно, для распространения демократии важно также то обстоятельство, что демократия как «предмет экспорта» США должна была выглядеть респектабельно, т. е. быть представлена как идеал, собственный идеал Америки, а иначе получается, что экспортируется нечто недостаточно ценное, непригодное «для собственного употребления».

С другой стороны, при всей своей притягательности и, если угодно, респектабельности, идея демократии – как она бытует в американской политической мысли и истории – при ближайшем рассмотрении представляется скорее штампом со стёршимся изображением, узнаваемым лишь по контурам и названию. Именно такая «демократия» (как

бренд или товар) и подлежит «распространению», так как при необходимости этот концепт можно преобразовать как угодно, соответственно любой политической ситуации. Такой конструкт может удачно вписываться в изменяющиеся идеологические системы и «каскады», но едва ли может быть политическим идеалом.

Один из известнейших неоконсерваторов, публицист Ирвинг Кристал, обратившись к изучению исторической картины развития демократической идеи в Америке, с удивлением обнаруживает, «во-первых, насколько невнятной эта идея оставалась на протяжении большей части американской истории, и во-вторых, насколько сами американские историки пребывают в замешательстве по поводу этой идеи».

Он приходит к выводу: «...Мы имеем здесь дело с идеологией, причём настолько истовой, что она представляет своего рода религиозную веру. И действительно, эту идеологию можно с полным основанием назвать „демократической верой“... Будучи подлинной верой, этот феномен очень сложен и многолик. Но всё же о нём можно сказать две простые истины. Во-первых, эта вера сосредоточена более всего на источниках и происхождении политической власти, а не на практических последствиях этой власти. Другими словами, она, подобно всем верам, делает наибольший упор скорее на „добрые“ намерения человека (в данном случае – демократические), чем на то, что может получиться из этих намерений. ...Второе, неизбежно вытекающее из первого: мы имеем здесь дело совсем не с политической философией. ...Разница между демократической верой и демократической философией состоит в следующем: в то время как вера может отметить отдельные проблемы демократии, она лишена способности распознать или оценить проблематичность демократии» [17, с. 131–132].

¹⁶ Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 267.

¹⁷ Кристал И. К итогам XX века. М.: ИНИОН РАН, 2014.

Главная же причина того, что демократия, как бы мы её ни понимали, не может быть ни представлена обоснованно в качестве политического идеала Америки, ни тем более являться им, состоит в том, что с середины 70-х годов XX в. был инициирован процесс демонтажа демократии. (Конечно, тут дело не столько в факте такого демонтажа, сколько в том, что он стал возможен.) Вообще, надо сказать, американская демократия как политическая реальность и как феномен идеолого-теоретический львиной своей частью погружена в риторику и демагогию, которые следует (но, как правило, крайне сложно) отличать от идеологии.

Так, И. Кристал вынужден признать, что американцы «приняли демократическую демагогию в качестве единственно приемлемого способа риторического общения между правительством и народом республики» [17, с. 115].

В политических терминах суть трансформации, согласно программе преобразований, активно внедряемой начиная с середины 70-х годов, – «развод демократии и либерализма».

По выражению С. С. Сулакшина и В. Э. Багдасаряна, «вместо демократической модели устанавливается новый иерархизм. Доминирующей стала тенденция к корпоративизации. ...Либерализм, по сути, окончательно разрывает с демократией и уже открыто позиционируется как элитаризм» [18].

О «раздемократизации» пишет А. И. Фурсов: «В 1975 г. увидел свет доклад „Кризис демократии“, написанный по заказу Трёхсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки*. В докладе чётко фиксируются угрозы положения правящему слою – прежде всего против него начинают работать демократия и *welfare state* (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведёт к уменьшению власти правительства, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти „эксцессы демократии“ являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, её источник – „внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью (политического. – А. Ф.) участия“.

Вывод: необходимо способствовать росту невовлечённости (*noninvolvement*) масс в политику, развитию определённой апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный... Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути – их демонтаж» [19].

Совершенно ясно, что для правящего класса Америки (и всего Запада) не демократия находилась в кризисе, но наоборот – кризис власти заключался в чрезмерном развитии демократии.

¹⁸ Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. Россия: вызовы дня. Сб. докладов. М.: Наука и политика, 2015. С. 94–95.

¹⁹ Фурсов А. Вперёд, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. С. 240.

* Речь идёт о работе: The Crisis of Democracy. Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N. Y.: New York University Press, 1975.

Итак, не то, чтобы рассматривать демократию как идеал, но и вообще придавать ей универсальный смысл, будет явным образом нелепо.

В другой работе А. И. Фурсов утверждает, что доклад 1975 г. «на несколько десятилетий становится идеологическим обоснованием раз демократизации Запада и своеобразным руководством к действию. ... „Кризис демократии“ подвёл черту под тридцатилетием демократии и открыл новую эпоху в истории Запада – противоположную „славному тридцатилетию“ (Ж. Фурастье), означавшую возвращение капитализма, буржуазного общества ядра капиталистической системы к состоянию рубежа XIX–XX вв., к состоянию „железной пяты“ (Дж. Лондон)» [20].

Сам по себе факт объявления идеологами и стратегами программы глубокого преобразования всей системы общества в виде научно-аналитического, экспертного заключения, почти «трактата», написанного известными, увенчанными лаврами мужами, удивлять не должен – но всё же удивляет.

По словам Б. Ю. Кагарлицкого, «показательно, что идеологическое наступление правых приняло форму экспертной работы, иными словами, излагаемая политическая позиция демонстративно представлялась публике как взвешенная, надпартийная, нейтральная и объективная в противовес идеологически нагруженным выступлениям радикальных мыслителей и публицистов» [21].

²⁰ Фурсов А. И. Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 46.

²¹ Кагарлицкий Б. Неолиберализм и революция. СПб.: Полиграф, 2013. С. 28.

Библиография • References

- Arendt H.* О революции. М.: Европа, 2011. – 464 с.
[*Arendt H.* O revoliutsii. M.: Evropa, 2011. – 464 s.]
- Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование. Совместный доклад аналитического центра *Katehon* и РИСИ // URL: katehon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii-ssha-na-globalnoe-dominirovanie
[*Amerikanskaja ideologija i pretenzii USA na global'noe dominirovanie. Sovmestnij doklad analiticheskogo tsentra Katehon i RISI* // URL: katehon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii-ssha-na-globalnoe-dominirovanie]
- Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э.* Россия: вызовы дня. Сб. докладов. М.: Наука и политика, 2015. С. 87–104.
[*Sulakshin S. S., Bagdasarjan V. E.* Possija: vyzovy dnja / Sb. dokladov. M.: Nauka i politika, 2015. S. 87–104]
- Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. – 376 с.
[*Batalov E. Ja.* Mirovoje razvitije i mirovoi porjadok (analiz sovremennyh amerikanskich kontseptsij. M.: ROSSPEN, 2005. – 376 s.)]
- Баталов Э. Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
[*Batalov E. Ja.* Problema demoktatii v amerikanskoj politicheskoj mysli XX veka. M.: Progress-Traditsija, 2010. – 376 s.]

- Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 384 с.
 [Batalov E. Ja. Russkaja ideja i amerikanskaja mechta. M.: Progress-Traditsija, 2009. – 384 s.]
- Гершов З. М. Вудро Вильсон. М.: Мысль, 1983. – 335 с.
 [Gerschov Z. M. Vudro Vilson. M.: Mysl', 1983. – 335 s.]
- Иноземцев В. Л. Книгочей. М.: Ладомир, 2005. – 464 с.
 [Inozemtsev V. L. Knigochej. M.: Ladomir, 2005. – 464 s.]
- Кагарлицкий Б. Неoliberalизм и революция. СПб.: Полиграф, 2013. – 256 с.
 [Kagarlitskij B. Neoliberalizm i revolutsija. SPb.: Poligraf, 2013. – 256 s.]
- Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
 [Kissindger G. Nuzhna li Amerike vneshnjaja politila? K diplomatii dlja XXI veka. M.: Ladomir, 2002. – 352 s.]
- Кристал И. К итогам XX века. М.: ИНИОН РАН, 2014. – 188 с.
 [Kristol I. K itogam XX veka. M.: INION RAN, 2014. – 188 s.]
- Манькин А. С. Наследие американской революции: консервативная интерпретация // Проблемы американистики. Вып. 8. Консерватизм в США: прошлое и настоящее / под ред. Е. Ф. Языкова. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 130–157.
 [Manjkin A. S. Nasledije amerikanskoj revoljutsii: konservativnaja inrterpretatsija // Problemy amerikanistiki. Vyp. 8. Konservatizm v USA: proshloje i nastojashee / pod red. E. F. Jazykova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1990. S. 130–157]
- Мошелков Е. Н. Государственная идеология в России: конфликт прошлого и настоящего // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / под общ. ред. Е. Н. Мошелкова, О. Ю. Бойцовой, В. Н. Рассторгуева. М.: Издатель Воробьев А. В., 2015. С. 128–142.
 [Moschelkov E. N. Gosudarstvennaja ideologija v Rossii: konflikt proshlogo i nastojaschego // Filosofija politiki i prava. Ezhegodnik nauchnyh работ. Vypusk 6. Tsvivilizatsii v epochu globalizma. K 75-letiju so dn'ja rozhdenija A. S. Panarina / pod obschej red. E. N. Moschelkova, O. Ju. Boitsovoi, V. N. Rastorgueva. M.: Izdatel' Vorob'jov A. V., 2015. S. 128–142]
- Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. – 640 с.
 [Novgorodtsev P. I. Ob obschestvennom ideale. M.: Pressa, 1991. – 640 s.]
- От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьёв. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.
 [Ot miroporjadka imperij k imperskomu miroporjadku / otv. red. F. G. Voitolvskij, P. A. Gudev, E. G. Solov'jov. M.: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2005. – 204 s.]
- Петров Д. Б. «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60-70-е годы). М.: Мысль, 1980. – 165 с.
 [Petrov D. B. «Amerikanizm»: ideologicheskij rakurs. Issledovanija klassovyh funktsij ileologicheskoi strategii USA (60-70-e gody). M.: Mysl', 1980. – 165 s.]
- Романов В. В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.: Тамбов: ТГУ, 2005. – 515 с.
 [Romanov V. V. V poiskach novogo miroporjadka: vneshnepoliticheskaja mysl' USA (1913–1921 gg.). M.: Tambov: TGU, 2005. – 515 s.]

- Трубецкой Е. Н.* Социальная утопия Платона. М.: Кушнерёв и К°, 1908. – 110 с.
 [Трубецкой Е. Н. Sotsial'naja utopija Platona. М.: Kushnerjov & Co, 1908. – 110 s.]
- Уткин А. И.* Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск: Издательство Уральского государственного университета, 1989. – 192 с.
 [Utkin A. I. Teodor Ruzvelt: Politicheskij portret. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Uralskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. – 192 s.]
- Фурсов А.* Вперёд, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. – 384 с.
 [Fursov A. Vperjod, k pobede! Russkij uspech v retrospective i perspective. М.: Izborskij klub, Knizhnyi mir, 2015. – 384 s.]
- Фурсов А. И.* Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 42–48.
 [Fursov A. I. Demokratija v sisteme kapitalizma: syt', fasad, montazh // Znaniye, Ponimaniye, Umenije. 2013. № 4. S. 42–48]
- The Crisis of Democracy. Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N. Y.: New York University Press, 1975. – 227 p.

**Начата подписка на 2017 г.
 на журнал «Обозреватель–Observer»
 в каталоге «Газеты и журналы»
 агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

«Дело „Амеразии“» – на пороге маккартизма*

Ярослав ЛЕВИН

Вторая мировая война стала поворотным моментом в истории Федерального бюро расследований. ФБР стало одной из основ внутренней безопасности Соединённых Штатов, упрочив свои полномочия как контрразведывательной организации и приобретя некоторые функции внешней разведки [1].

Тем не менее после войны, несмотря на усиление противоречий между США и СССР, администрация Гарри Трумэна снимает с ФБР полномочия разведки и игнорирует амбициозный план директора бюро Джона Эдгара Гувера о присоединении к его ведомству главного органа внешней разведки США – Управления стратегических служб (УСС)**. Причиной этого стала появившаяся у президента почти с первых дней своего вступления в должность уверенность в необходимости ограничить вседозволенность бюро. Морально не готовый к своему посту, Трумэн был шокирован, когда спустя десять дней после его инаугурации Гувер явился к нему с пространством докладом о деятельности коммунистов и разведки СССР в США, а также с информацией о всех явных и неявных противниках нового президента, полученной в большинстве случаев незаконными методами и содержащей откровенно компрометирующие сведения. «Это должно закончиться», – го-

ЛЕВИН Ярослав Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории права и методики обучения (Самарский государственный социально-педагогический университет). *E-mail*: yaroslavlevin1992@mail.ru

Ключевые слова: антикоммунизм, маккартизм, США, ФБР, Гувер, «Амеразия».

¹ The FBI: A Comprehensive Reference Guide / Ed. by Theoharis A. G., N. Y.: Greenwood, 2000. P. 240.

* Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект 16-01-00048).

** Первые варианты этого плана включали также передачу ФБР функций Секретной службы по борьбе с фальшивомонетничеством и охране президента.

ворил президент своему военному советнику Гарри Вону, которому поручил вместо себя принимать доклады Гувера и передавать самую суть без подробностей и информации о методах [2]. Следующим шагом президента было назначение нового генерального прокурора Томаса Кларка, который, по мысли главы государства, должен был вернуть ФБР под контроль Министерства юстиции. Однако Кларк после нескольких бесед с Гувером, который объяснил генпрокурору, какую ответственность ему придётся взять на себя, устраивая слежку и контролируя её результаты, предпочёл отстраниться и сохранить независимость бюро.

Хотя Белый дом не оспаривал полномочия ФБР в области контрразведки и даже в какой-то момент пошёл навстречу ведомству Эдгара Гувера, администрация Трумэна не хотела давать этой службе карт-бланш на работу внутри страны, подобный тому, что дал директору ФБР президент Рузвельт в преддверии Второй мировой войны*. Неудачные шаги Г. Трумэна ограничить деятельность ФБР вызвали лишь раздражение Гувера, никак не повлияв на использование федеральными агентами незаконных методов слежки и сбора информации.

Особенно ярко эти противоречия между президентом и директором проявились при расследовании дела о шпионаже в журнале «Амеразия» и последующем возвращении к этому делу уже на заре эпохи маккартизма.

Расследование «дела „Амеразии“»

Первым крупным послевоенным расследованием ФБР в области противодействия шпионам стало «дело „Амеразии“». Суть его состояла в следующем: в январском номере журнала «Амеразия», специализирующемся на проблемах Дальнего Востока, была опубликована статья «Политика Британской империи в Азии».

Данный журнал был основан в 1937 г. Фредериком Вандербильтом Филдом, праправнуком знаменитого магната Корнелиуса Вандербильта,

общественным активистом, придерживающимся «левых» взглядов. Филд также возглавлял редакционную коллегия журнала. Один из редакторов журнала, Филипп Джейф, был известен как хороший друг Эрла Браудера, генерального секретаря Коммунистической партии США. Прокоммунистический характер журнала и связи его руководства с американскими коммунистами почти сразу привлекли к нему внимание ФБР.

Заключения о журнале, составленные в 1943 г. и 1944 г., показывают, что ФБР было почти уверено, что он связан с советской разведкой,

² Demaris O. The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover. N. Y.: Harper's Magazine Press, 1975. P. 109.

* Имеется в виду принятая в марте 1947 г. «Программа проверки лояльности федеральных служащих», согласно которой ФБР занималось проверкой всех, кто устраивался на работу в государственные учреждения, и могло инициировать увольнение без права занимать государственную должность в случае подозрений в «неблагонадёжности».

однако прямых доказательств не имело [3].

Статья о политике Британии в Азии была подготовлена на основе данных из отчёта аналитика южно-азиатского отдела Управления стратегических служб Кеннета Уэллса и критично оценивала политику США и Великобритании в Азии. В частности, отмечалось отсутствие поддержки режима Чан Кайши среди населения, жестокость его режима, многочисленные факты разворовывания помощи, оказываемой ему американцами и англичанами. Уэллс выявил факт использования своего отчёта в статье «Амеразии». В результате УСС установило слежку за журналом, и 11 марта 1945 г. агенты Управления проникли в редакцию издания в Нью-Йорке [4].

В редакции агентами были обнаружены десятки фотокопий в основном секретных документов УСС, Разведывательного управления ВМС и Госдепартамента. Руководство УСС немедленно уведомило Госдепартамент и РУ ВМС о вскрытых фактах утечки секретных документов.

Учитывая прокоммунистический характер журнала «Амеразия», Госдепартамент потребовал от УСС передать расследование в бюро, «поскольку борьба со шпионажем является прямой обязанностью ФБР» [3].

Как показывают ранние материалы ФБР по «делу „Амеразии“»,

ещё до официального обращения Эдгар Гувер и его ведомство располагали некоторыми сведениями об утечке секретной информации в УСС [3].

Вероятнее всего, Гувер, всё ещё желавший, чтобы его ведомству были приданы полномочия внешней разведки, планировал собрать более полные данные и представить их президенту как факт несостоятельности УСС [5].

В результате расследования по запросу УСС агенты ФБР установили имена подозреваемых в передаче документов.

Ими стали сотрудники азиатского отдела Госдепартамента Джон Сёрвис, Эммануэль Ларсен и Эндрю Рот.

6 июня 1945 г. подозреваемые были арестованы вместе с двумя редакторами «Амеразии», Филиппом Джейфом и Кейт Митчелл, а также внештатным журналистом этого издания Марком Гэйном. Всем им было предъявлено обвинение в незаконном получении и хранении секретных документов.

Несмотря на «левый» характер журнала, ФБР не удалось установить факт связи похищения документов с деятельностью разведки иностранного государства.

Однако жюри присяжных утвердило обвинительный акт лишь в отношении Джейфа, Ларсена и Рота, заявив о недостаточности улик против остальных обвиняемых. Но и против обвиняемых дело вскоре

³ National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100-267360 (Amerasia Case).

⁴ Klehr H., Radosh R. The Amerasia Spy Case: Prelude to McCarthyism. Chapel Hill (North Carolina). The University of North Carolina Press, 1996. P. 22.

⁵ Troy T. F. Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick: Praeger, 1984. P. 251.

развалилось, так как во время расследования агенты ФБР несколько раз незаконно проникали в редакцию «Амеразии» и жилища подозреваемых [3].

Этот факт был установлен Эммануэлем Ларсеном, который обратил внимание на то, что во время официального обыска агенты передвигались по его дому так, как будто уже были в нём. Ларсен сообщил об этом своему адвокату, который сумел получить показания от консьержа дома, подтвер-

дившего, что видел агентов до обыска и ареста подозреваемого.

Таким образом, улики, собранные ФБР в результате незаконной слежки, не могли быть приобщены к делу. Адвокаты двух других фигурантов дела взяли на вооружение ту же тактику, и в итоге 28 сентября в результате досудебного соглашения все обвиняемые были освобождены, выплатив незначительный штраф [3].

Перемены в политике ФБР

Провал «дела „Амеразии“» стал отправной точкой для изменения в политике ФБР. Уже в начале 1946 г. бюро начало кампанию по ознакомлению населения с «ужасами коммунизма». У этой кампании было два направления: явное и скрытое. Явным было финансирование ФБР самой разнообразной продукции, раздувающей «красную угрозу», а также выступления самого Дж. Эдгара Гувера перед патриотическими организациями и консерваторами среди комитета по судебным делам и Комитета по ассигнованиям сената и палаты представителей [1, р. 240; 6].

Скрытым от публики направлением работы ФБР было установление особых отношений с рядом лояльных конгрессменов. Бюро снабжало их информацией о коммунистической угрозе внутри страны, проникновению коммунистов во все госслужбы и общественные организации. Конгрессмены, нагнетавшие раздував-

шие с помощью этих сведений атмосферу шпиономании, получали немалый политический капитал. Помимо такого частного сотрудничества ФБР оказывало подобную помощь и на уровне некоторых ведомств, в частности, снабжало данными Комитет по расследованию антиамериканской деятельности [4, р. 22].

Начав кампанию по раздуванию в стране атмосферы подозрительности, Гувер преследовал несколько целей:

- во-первых, он надеялся заручиться поддержкой общественности и конгресса, чтобы нивелировать или вовсе снять те процессуальные запреты, которые мешали его ведомству вести бесконтрольную слежку за всеми, кого ФБР считало опасным;

- во-вторых, директор, во многом небезосновательно, считал, что администрация Трумэна проявляет «преступную беспечность» в отноше-

⁶ O'Reilly K. Hoover and the Un-Americans: The FBI, HUAC, and the Red Menace. Temple: Temple University Press, 1983. P. 138.

нии угрозы шпионажа и коммунизма в стране.

С того момента как президент отверг план Эдгара Гувера по организации работы разведки и контрразведки в стране, отношения между ФБР и Белым домом становились всё напряжённее. Не готовый дать федеральным агентам полный простор для действий, Трумэн и его администрация, в большинстве своём состоящая из наследников «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, были неудобны шефу ФБР, поэтому наряду с пропагандой коммунистической опасности бюро, по сути, способствовало подрыву авторитета президента и его администрации [7].

Наиболее успешным в рамках развёрнутой ФБР кампании оказалось сотрудничество с сенатором Джозефом Маккарти, который очень рьяно пропагандировал среди американцев идеи о засилье шпионов-коммунистов и бессилии администрации Трумэна.

Восхождение Маккарти началось с речи в г. Уилинг (штат Западная Вирджиния), в которой он утверждал, что в Госдепартаменте засели коммунисты и с ними даже не пытаются по-настоящему бороться, что администрация Трумэна слаба и сама переполнена сочувствующими коммунизму кадрами из числа администрации Рузвельта.

Столь громкие обвинения и резкая критика президента очень быстро приковали к Маккарти внимание

СМИ и американского общества, довольно тяжело переживавшего начало холодной войны и потому очень уязвимого к подобным идеям. ФБР тоже заинтересовалось эпатажным сенатором [8]. Достаточно быстро Маккарти заручается поддержкой бюро и обзаводится контактами с ФБР и лично Гувером. Хотя на публике директор и сенатор выглядели верными соратниками и даже друзьями, их отношения были намного сложнее. Эдгар Гувер достаточно быстро заметил недостатки Джозефа Маккарти, которые и предопределили дальнейшее развитие отношений ФБР и движения сторонников сенатора.

Лучше всего о противоречиях двух главных антикоммунистов Америки выразился Карса Де Лоуч, один из заместителей Эдгара Гувера: «Гувер недолюбливал Маккарти. Он не хотел терять свой ореол „врага коммунистов № 1“, но, что важнее, он был недоволен неспособностью сенатора авторитетно говорить о проблемах внутренней безопасности и работать с теми сведениями, которые давало ему бюро» [9].

Отсутствие у новоявленного лидера антикоммунистического движения понимания проблем такой тонкой сферы, как разведка и контрразведка, а также его грубый и фанатичный взгляд на проблему коммунизма в США вместе с активным взаимодействием со СМИ привели к тому, что уже с 1950 г. ФБР, сотрудничая с сенатской группой

⁷ Theoharis A. G., Cox J. S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition, Temple: Temple University Press, 1988. P. 312.

⁸ National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100–398328 (Joseph McCarthy file).

⁹ DeLoach C. Hoover's FBI: The Inside Story by Hoover's Trusted Lieutenant. Washington: Regnery Publishing, Inc., 1995. P. 260.

Джозефа Маккарти, параллельно собирало информацию о нём самом, выискивая любые сведения компрометирующего характера [8].

Некоторое понимание о том, почему маккартисты так быстро разочаровали Федеральное бюро расследований, даёт интервью Эдгара Гувера журналу «Ньюсуик» (9 июня 1947 г.). В статье, обращённой как к простым американцам, так и ко всем политическим силам страны, директор ФБР высказывает следующие идеи: «Не клеймите кого бы то ни было коммунистом, не имея фак-

тов. Не путайте либералов или прогрессистов с коммунистами. Не становитесь участниками нарушений гражданских прав и закона по отношению к кому-либо. Поступая опрометчиво, вы играете на руку коммунистам и дискредитируете Америку и её ценности» [10].

Исходя из подобных воззрений, неудивительно, что маккартисты, приобретая популярность и влияние, становились всё более неразборчивыми в выдвигаемых обвинениях и поэтому быстро стали нежеланными союзниками для ФБР.

Возвращение к «делу „Амеразии“»

Для маккартистов «дело „Амеразии“» стало одним из первых дел, с которого они «смахнули пыль». В 1950 г. первые жертвы обвинений Маккарти, в основном востоковеды или работники Госдепартамента, критично высказывающиеся о политике США в Азии или придерживающиеся «левых» взглядов, обратились в Комитет по расследованию лояльности сотрудников Госдепартамента, более известный как комитет Тайдингса (по имени его председателя сенатора Милларда Тайдингса), с жалобами на необоснованные обвинения [11]. Этот комитет представлял большую опасность для маккартистов, поскольку его глава и многие члены не скрывали своей неприязни к их лидеру и распространяемым им идеям, называя набирающего популярность сенатора

«демагогом и мошенником, использующим страхи американского народа» [4, р. 24; 6, р. 142].

Работа комитета Тайдингса стала самым опасным временем для маккартистов и ФБР [1, р. 241]. В случае признания необоснованности обвинений Маккарти рисковал лишиться авторитета и должности, его движение, только начавшееся, было бы уничтожено в зародыше, а ФБР оказалось бы в крайне неудобной ситуации. Несмотря на требования Эдгара Гувера о сохранении конгрессменами в секрете источника информации для их разоблачительных выступлений, и Маккарти, и другие законодатели часто не скрывали своих связей с бюро, так что в Белом доме были в курсе, кто снабжает конгресс информацией и поддерживает критику президента [8, р. 160;

¹⁰ Newsweek. 1947. June 9.

¹¹ Greenberg I. Surveillance in America: Critical Analysis of the FBI, 1920 to the Present. Lanham. Lexington Books. 2012. p. 160.

6, р. 313]. Таким образом, падение Маккарти давало администрации Гарри Трумэна удобный повод для удара по работающему против них Гуверу и его службе. В таких условиях неудивительно, что первым, к кому бросился за поддержкой сенатор Маккарти, оказался Эдгар Гувер [7].

В ответ на обвинения Маккарти его сторонники сами инициировали в комитете слушания, которые сразу назвали «делом о коммунистах в Государственном департаменте». Во время слушаний Маккарти обрушился с обвинениями на Министерство юстиции и принятое им в 1945 г. решение о досудебном соглашении с фигурантами «дела „Амеразии“». Особый акцент Маккарти делал на то, что наиболее высокопоставленный фигурант этого дела, Джон Сёрвис, смог избежать судебного преследования ещё на ранних этапах дела и по-прежнему работал в Госдепартаменте. Стоит отметить, что в документах ФБР по «Амеразии» особое внимание уделялось именно Джону Сёрвису. Помимо того что он занимал наиболее высокий пост из всех подозреваемых, бюро считало его наиболее вероятным шпионом Китая или СССР из-за его весьма критических высказываний о политике США на Дальнем Востоке и его происхождении.

Сёрвис происходил из так называемых «Китайских рук» – группы наиболее осведомлённых экспертов по истории, культуре и политике Китая, многие из которых (в том числе и Сёрвис) родились и прожили долгие годы в этой стране [3].

Вызванные для показаний в комитет представители Министерства юстиции, объясняя причины развала «дела „Амеразии“», сослались на

незаконные действия ФБР. Однако защита Министерства юстиции была разрушена закулисной интригой и фактическим шантажом Белого дома. Федеральным бюро расследований. Это было связано с тем, что желавший ограничить бюро Трумэн не смог удержаться от искушения использовать его ресурсы против своих противников.

Так, по указанию президента эта служба прослушивала разговоры одного из советников Рузвельта – Томаса Коркорана, который выступал против кандидатуры Трумэна в качестве вице-президента, довольно критично высказывался о его политике и имел прочные связи в Верховном суде, а также среди рузвельтовских кадров администрации нового хозяина Овального кабинета [4, р. 170].

ФБР пригрозило предать огласке полученную путём незаконного прослушивания информацию и сообщить, что оно осуществлялось по инициативе главы государства. Обнародование подобной информации было крайне компрометирующим для Трумэна, поэтому Министерство юстиции фактически отказалось от защиты принятых им в 1945 г. решений [4, р. 164].

В итоге комитет Тайдингса высказал «некоторое обоснованное сомнение» в лояльности Джона Сёрвиса. В условиях нараставшей маккартистской истерии это было равносильно признанию его вины. Под давлением маккартистов и всё более поддерживающей их общественности госсекретарь Дин Ачесон был вынужден уволить Сёрвиса без права занимать должности в государственных учреждениях. К работе на Госдепартамент он вернулся лишь в 1957 г., уже после краха маккартизма [4, р. 260; 3].

Хотя от Маккарти и его сподвижников удалось отвести угрозу и от-

носителем успешно завершить процесс против Сёрвиса, Эдгар Гувер был раздосадован выбранной Маккарти стратегией, о чём свидетельствует приобщённое к личному делу сенатора письмо Гувера своему заместителю Луису Николсу, который курировал отношения ФБР со СМИ и конгрессом. В этом письме Гувер высказывает недовольство тем, что именно «дело „Амеразии“» стало ядром обвинений Маккарти. По его мнению, основой для обвинений против Джона Сёрвиса должны были служить его тайные контакты с китайским руководством и старательное лоббирование в Госдепартаменте идей о необходимости возобновления отношений с маоистским Китаем. Именно в этой работе бюро усматривало «основной вред от деятельности Сёрвиса». «Дело „Амеразии“» должно было использоваться Маккарти в конце обвинения как некий «финальный аккорд» [8].

Такая стратегия была обусловлена шаткостью дела, основанного на уликах, добытых незаконным путём,

поэтому, строя свои обвинения именно на этой базе, Маккарти привлекал к нему дополнительное внимание. Сконцентрировавшись на тайных переговорах Сёрвиса с китайцами и его работе в Госдепе, вскрытых ФБР более легальными способами, Маккарти имел возможность выстроить обвинение убедительнее и аккуратнее, не подставляя бюро.

Подкрепляет данный вывод также и письмо к Николсу, где Эдгар Гувер отчитывает его за то, что, снабдив Маккарти материалами по Сёрвису и «Амеразии», заместитель не проконтролировал, как сенатор и его люди используют их, что привело к рискованной аванюре, в которой ФБР пошло на большой риск, чтобы спасти своих союзников [8]. В случае, если бы Белый дом не пошёл на уступки, раскрытие данных о незаконном прослушивании Томаса Коркорана компрометировало бы не только президента, но и ФБР, тщательно оберегающего свои секретные поручения из-за их зачастую незаконного характера.

Благодаря связям в конгрессе, а также в СМИ ФБР смогло перевести общественную полемику вокруг «дела „Амеразии“» с вопросов о превышении полномочий бюро на вопросы о том, не пытается ли администрация Трумэна осознанно или нет навредить национальной безопасности, ограничивая ФБР. Возвращение к этому делу в 50-х годах стало одной из первых проб сил маккартистов, усиливающихся на протяжении первой половины 50-х годов. Именно в этот период ФБР приобрело наибольшее могущество.

Усилив с 1943 г. работу по деятельности советской разведки в США, бюро из-за отсутствия достаточной поддержки Министерства юстиции и Белого дома зачастую не могло довести начатые им дела до суда по причине незаконного способа получения улик или недостаточности доказательств. Поэтому сотрудничество с маккартистами позволяло ФБР «подчистить хвосты». Это видно из того, что первые дела, развёрнутые Джозефом Маккарти и его сторонниками, были в основном не получившими ход или развалившимися расследованиями ФБР.

Таким образом, в условиях отсутствия достаточно лояльной высшей поддержки руководства страны ФБР смогло таким нестандартным способом

начать преследование всех, кого оно подозревало в работе на СССР или в «антиамериканской деятельности». Успех маккартистов при поддержке бюро во время разбирательства в комитете Тайдингса позволил им и дальше укреплять своё влияние в стране, занимаясь угодной Дж. Эдгару Гуверу и ФБР деятельностью. Комитет Тайдингса, который должен был разгромить маккартистов, в итоге стал их главной трибуной в конгрессе США.

Вслед за обвинениями в адрес Джона Сёрвиса через комитет прошли Дороти Кенион, феминистка и политический активист, Оуэн Латтимор, востоковед, астроном Харлоу Шепли и многие другие.

Хотя в большинстве случаев комитет либо высказывал «некоторые сомнения» в лояльности обвиняемых, либо начисто отметал обвинения сенатора Маккарти и его сторонников, разбирательства в этом комитете быстро приняли форму иезуитских допросов, которые всего через пару лет станут вполне обычной практикой уже для Комитета по расследованию антиамериканской деятельности. По итогам работы Миллард Тайдингс подготовил отчёт, где назвал обвинения, выдвинутые маккартистами, «лживыми и мошенническими», однако данный отчёт, прошедший через три голосования, в итоге был заблокирован республиканцами, всё большее число которых примыкало к амбициозному сенатору и соглашалось на сотрудничество с ФБР.

Отсутствие на тот момент альтернативы союза с маккартистами вынудило ФБР пойти на риск и прямую конфронтацию с Белым домом, что вместе с рядом других негативных факторов, связанных с Джозефом Маккарти и его сторонниками, сделало его временным и довольно неудобным союзником для крестового похода Эдгара Гувера против коммунизма в США. Популярность Маккарти, угрожавшая статусу директора, его пренебрежение к условиям, на которых бюро желало сотрудничать с ним и другими законодателями, пещерный, даже по меркам ФБР, антикоммунизм и дилетантизм в методах вынудили Гувера собирать компрометирующую информацию о Джозефе Маккарти на случай выхода маккартистов из-под контроля и искать иные пути для противодействия коммунистам и СССР. Такой альтернативой стала программа *COINTELPRO**, введённая ФБР с благословения президента Д. Эйзенхауэра вскоре после краха маккартизма и намного более удобная бюро, нежели громкая общественная кампания, контроль над которой не всегда был в руках бюро и его директора.

* *COINTELPRO* (*Counterintelligence Program*) – общее название серии программ ФБР против отдельных общественных партий и организаций (*COINTELPRO* – компартия, *COINTELPRO* – «Ненависть чёрных» (против организаций афроамериканских националистов, в частности, «Чёрных пантер»), *COINTELPRO* – «Ненависть белых» (против организаций белых националистов, в частности, ку-клукс-клана) и др.). Согласно данной серии программ, в организации, которые ФБР считало опасными, вводились осведомители и провокаторы, их целью был развал организаций изнутри, развязывание «фракционной войны», провоцирование организаций на незаконные действия и т. д. Помимо этого, за лидерами и наиболее важными членами устанавливалось наблюдение, осуществлялось прослушивание домов и телефонных переговоров, перлюстрация. В случае получения на членов подобных организаций сведений порочащего характера они предавались огласке через СМИ или использовались для шантажа и возможной вербовки с целью дискредитации и развала организаций.

Библиография • References

- DeLoach C.* Hoover's FBI: The Inside Story by Hoover's Trusted Lieutenant. Washington: Regnery Publishing, Inc., 1995. – 440 p.
- Demaris O.* The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover. N. Y.: Harper's Magazine Press, 1975. – 405 p.
- Greenberg I.* Surveillance in America: Critical Analysis of the FBI, 1920 to the Present. Lanham: Lexington Books, 2012. – 398 p.
- Klehr H., Radosh R.* The Amerasia Spy Case: Prelude to McCarthyism. Chapel Hill (North Carolina): The University of North Carolina Press, 1996. – 280 p.
- National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100-267360 (Amerasia Case).
- National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100-398328 (Joseph McCarthy file).
- Newsweek. June 9. 1947.
- O'Reilly K.* Hoover and the Un-Americans: The FBI, HUAC, and the Red Menace. Temple: Temple University Press, 1983. – 411 p.
- The FBI: A Comprehensive Reference Guide / Ed. by Theoharis A. G., N. Y.: Greenwood, 2000. – 424 p.
- Theoharis A. G., Cox J. S.* The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition, Temple: Temple University Press, 1988. – 489 p.
- Troy T. F.* Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick: Praeger, 1984. – 589 p.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

Международное миротворчество: содержание понятия

Павел ШАМАРОВ
Сергей ЛАВРЕНОВ

Понятийно-категориальный аппарат миротворчества, сложившийся в результате международного правотворчества и практической деятельности международных (различного статуса) и национальных акторов-миротворцев, весьма неоднозначен. Это связано с тем, что до сих пор отсутствует общепринятая терминология миротворческой деятельности и единое понимание её сущности и содержания, что, в свою очередь, позволяет достаточно свободно толковать и применять на практике понятия (категории) миротворчества. В этой связи теоретическое обоснование термина «миротворческая деятельность» и определение его сущностного содержания весьма актуальны для современного миротворчества.

В русском языке слово «миротворец», с одной стороны, обозначает «того, кто способствует поддержанию мира, устранению войн» [1], а с другой – миротворцами признают тех, кто содействует прекращению чужого конфликта, руководствуясь при этом добрыми намерениями и воспринимая свою деятельность как правое дело [2]. На бытовом уровне в английском языке

ШАМАРОВ Павел Вячеславович – кандидат военных наук, специалист отдела Министерства обороны РФ. *E-mail*: shamarov@front.ru

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич – доктор политических наук, профессор, зав. отделом Молдовы и Приднестровья Института стран СНГ. *E-mail*: lavrs2009@yandex.ru

Ключевые слова: международная миротворческая деятельность, миротворчество, миротворческая операция, национальные интересы, ООН, НАТО, США.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 287.

² Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. С. 255.

слово *reasetaking* означает «деятельность индивидов, групп или государств, примиряющих враждебные стороны» [3]. Итак, к категории «миротворец» следует отнести всех тех, кто не является стороной межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, лично заинтересован и активно участвует в их разрешении.

Необходимо иметь в виду, что практическая деятельность миротворцев интегрируется в таком понятии, как «миротворчество» или «миротворческая деятельность».

Международно-правовые подходы к определению миротворчества

Международное право определяет миротворческую деятельность в качестве «действий государств по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, предпринимаемых Советом Безопасности (СБ) ООН, региональными органами (в рамках региональных соглашений либо на основании двухсторонних и многосторонних международных договоров) и не являющихся (согласно Уставу ООН) принудительными действиями» [4].

Важно подчеркнуть, что Устав Организации Объединённых Наций не формулирует дефиницию «миротворческая деятельность (или миротворчество)*». Именно поэтому реализация миротворчества на практике происходит преимущественно на основе национальных, коалицион-

ных и блоковых подходов, а также накопленных прецедентов и ограничений в рамках глав VI и VII Устава ООН, регулирующих применение силы в случае нарушения мира и актов агрессии [5].

Традиционно миротворчество ООН – это военная модель наблюдения за соблюдением прекращения огня и разделения противоборствующих сторон после завершения внутригосударственного конфликта. В современных условиях миротворческие операции (МТО) эволюционировали в новую форму – комплексную модель, объединяющую военный, полицейский и гражданский компоненты. Цель этой модели заключается в оказании помощи по формированию основ устойчивого мира в кризисном районе [6].

³ New Webster's Dictionary of the English Language. New Delhi, 1989. P. 1107.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2000. С. 335.

⁵ Доклад Генерального секретаря СБ ООН на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи 12 января 2009 г. «Выполнение обязанности защищать». А/63/677. Нью-Йорк, 2009. С. 11.

⁶ Основные сведения об Организации Объединённых Наций. Справочник. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2015. С. 66.

* Анализ документов ООН в области миротворчества также свидетельствует о том, что в официальном обороте вводятся документы главным образом декларативно-нейтрального и зачастую противоречивого характера, не конкретизирующие (определяющие) понятийный аппарат текущей миротворческой деятельности.

Характерно, что ООН и региональные организации демонстрируют возросшую готовность игнорировать притязания государств на иммунитет от вмешательства в их внутренние дела в случае конфликта и поэтому ряд миротворческих операций проводится без соответствующего согласия национальных правительств или участников конфликта.

Необходимо подчеркнуть, что ключевыми миротворческими задачами, возлагаемыми в современных условиях на национальные контингенты под эгидой ООН, являются:

- наблюдение и контроль за соблюдением условий перемирия и прекращением огня;
- превентивный ввод войск в район потенциального конфликта;
- разведение сил противоборствующих сторон;
- поддержание и восстановление порядка и стабильности;
- обеспечение охраны гуманитарной помощи;
- обеспечение права прохода, введение ограничений на передвижение;
- установление запретных зон и их контроль;
- введение режима санкций и контроль над его соблюдением;
- принудительное разъединение воюющих сторон [7].

Принятый в ООН, НАТО, ОБСЕ и большинстве англоязычных стран

официальный термин *peacekeeping* (миротворчество) обладает интегрированным содержанием. Так, в зависимости от намеченных целей, перечня планируемых задач, привлекаемых сил, средств и ресурсов миротворцев (*peacekeepers*) [8, с. 269] слово *peacekeeping* может толковаться в узком смысле и предполагать реализацию одного конкретного типа МТО – операции по поддержанию мира* (синонимы: *peace operation, non-combat military operation, peacekeeping operation* [8]) и в широком смысле – миротворческую деятельность в целом, к которой на современном историческом этапе руководством ООН отнесены следующие пять основных её типов:

- превентивная дипломатия (*preventive diplomacy*);
- установление мира (*peacemaking*);
- поддержание мира (*peacekeeping*);
- принуждение к миру (*peace-enforcement*);
- постконфликтное миростроительство (*post-conflict peace-building*) [9, point 20–46].

К примеру, в Североатлантическом союзе в официальном документообороте под термином «миротворчество» в узком смысле слова понимает-

⁷ Анисин В., Ольгин В. Участие стран ближнего зарубежья в миротворческой деятельности и в операциях США и НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 11. С. 3–4; Штоль В. В. НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель–Observer. 2008. № 1; Тишков В. А. Использование потенциала полицейского компонента ООН // Обозреватель–Observer. 2016. № 7.

⁸ Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. Москва – Брюссель, 2011.

⁹ Report of the UN Secretary-General Boutros-Ghali «An Agenda for Peace» // URL: <http://www.cfr.org/peacekeeping/report-un-secretary-general-agenda-peace/p23439>

* Операции по поддержанию мира обусловили многообразие всевозможных форм и методов предотвращения и урегулирования конфликтов и кризисов, обобщённых к настоящему времени в собирательном понятии «миротворческая деятельность».

ся операция по поддержанию мира, которая проводится после заключения соглашения или прекращения огня, что создаёт благоприятную обстановку, характеризующуюся высокой степенью согласия сторон, соблюдения ими требований и низкой вероятностью нарушения гражданского порядка. Применение силы миротворческим контингентом ограничивается **самообороной** (выд. – Авт.) [8, с. 269].

Вместе с тем НАТО расширительно толкует понятие «миротворчество», рассматривая его как «установление мира», подразумевающее «проводимую после начала конфликта операцию по поддержанию мира, цель которой – добиться прекращения огня или мирного урегулирования. Она предполагает прежде всего дипломатические действия, опирающиеся в случае необходимости **на прямое или косвенное использование военных сил и средств**» (выд. – Авт.) [8, с. 269].

Понятие «миротворческая операция» соответствует аутентичным с точки зрения НАТО англоязычным дефинициям: *peacekeeping operation*, *peace operation*, *non-combat military operation*.

В терминологическом лексиконе альянса особо вычленяется термин «поддержание мира» (*peace support*), подразумевающий действия по восстановлению или сохранению мира, а также интегрирующий ряд вытекающих из него компонентов, которые в миротворчестве можно рассматривать в качестве самостоятельных, к ним, в частности, относятся:

- силы по поддержанию мира (*peace-support force*);

- группы по поддержанию мира (*peace-support group*) – временные многонациональные формирования, создаваемые на период проведения операции по поддержанию мира и состоящие, как правило, из сил по поддержанию мира и групп военных наблюдателей;

- операции по поддержанию мира (ОПМ, *peace-support operation*, *PSO*), при проведении которых в соответствии с принципами и целями Устава ООН, а также требованиями беспристрастности для восстановления или поддержания мира используются дипломатические, гражданские и **военные средства** (выд. – Авт.) [8, с. 269–270].

Эти операции могут включать такие действия, как предотвращение конфликта, установление мира, **принуждение к миру** (выд. – Авт.), миротворчество, миростроительство и гуманитарные операции.

В операциях по поддержанию мира отсутствует упоминание о таком основополагающем принципе миротворчества ООН, как согласие конфликтующих сторон на проведение операции.

Следовательно, все операции НАТО по поддержанию мира можно классифицировать по масштабу применения силовых средств на следующие два типа:

- ОПМ пассивного уровня (*peace-keeping*), предусматривающие *ограниченное* (только в целях самообороны) использование силовых средств миротворческим контингентом;

- ОПМ активного уровня (*peace-support operation*, *PSO*), при которых допускается неограниченное применение военной силы на любом этапе операции.

Таким образом, руководство НАТО отождествляет такие понятия, как «миротворчество» (имеющее теоретико-концептуальное значение) и «операции по поддержанию мира» (частный случай миротворческой практики). Последнее, в свою очередь, в зависимости от условий конкретной обстановки может трактоваться диаметрально противоположно, как показано выше.

Именно вследствие этого намеренного «смешивания» ОПМ пассивного и активного уровней в одну категорию специалисты НАТО не обособляют и не раскрывают сущностное содержание такого ключевого понятия теории миротворчества, как «миротворческая деятельность» (*peacekeeping activities*) [8, с. 269].

В официальном лексиконе альянса также используются и другие понятия в этой сфере [8, с. 268–270]:

– миростроительство (*peacebuilding*) – постконфликтные меры дипломатического, гражданского и, при необходимости, военного характера, направленные на устранение причин конфликта и предотвращение его возобновления;

– принуждение к миру (*peace enforcement*) – применение военной

силы или угроза её применения с целью принудительного восстановления мира;

– операция по восстановлению мира (*peace-restoration operation*);

– боевые действия в мирное время (*peacetime engagement*);

– гуманитарная миссия или операция (*peacetime mission*), т. е. действия, которые проводятся в интересах отдельных групп населения.

Национально-государственная позиция США по миротворчеству

Хотя Соединённые Штаты Америки и являются доминантным членом блока НАТО, определяющим в том числе и «коалиционное» формирование унифицированной нормативно-правовой базы альянса, в миротворческой практике самих США вычленяется ряд специфических особенностей.

Так, операции в рамках национального миротворчества в Пентагоне получили название «операции в пользу мира» (*peace operations, PO*), под которыми понимаются «военные операции в поддержку дипломатических усилий по достижению долгосрочного политического урегулирования» [10, III-12, р. 40]. Они реализуются в рамках дипломатической деятельности по обеспечению переговоров о перемирии, разрешении конфликта и могут сопровождаться ограниченными по времени и масштабам гуманитарными (*humanitarian assistance operations, HAO*) и эвакуационными (*noncombatant evacuation operations, NEO*) операциями в отношении мирного гражданского населения [10, III-4, р. 32]. Операции в пользу мира адаптируются к конкретной ситуации, осуществляются до начала, в ходе или после завершения конфликта

и включают операции по поддержанию мира и по установлению мира (принуждения к миру).

Операции по поддержанию мира (*peacekeeping operations, PKO*) – военные операции, осуществляемые с согласия всех основных конфликтующих сторон, предназначены для контроля и содействия реализации соглашения (о прекращении огня, перемирии и т. п.) и поддержки дипломатических усилий по достижению долгосрочного политического урегулирования [10, III-12, р. 40].

Операции по установлению мира (*peace enforcement operations, PEO*) предполагают применение военной силы или угрозы её применения, как правило, в соответствии с определённым международным решением в целях принуждения сторон конфликта к соблюдению принятых резолюций и санкций, направленных на восстановление мира и обеспечение внутренней безопасности.

Они могут включать:

- операции по вмешательству;
- восстановлению гражданского порядка;
- соблюдению режима санкций;
- принудительного разделения конфликтующих сторон;
- введению запретных зон в интересах создания условий для перемирия или прекращения огня.

¹⁰ Joint Doctrine for Military Operations Other Than War. Joint Chiefs of Staff: Joint Pub 3–07, 1995.

В отличие от ОПМ такие операции не требуют согласия конфликтующих сторон [10, III-13, p. 41].

В ходе операций в пользу мира военные контингенты США проводят следующие операции по поддержке дипломатических усилий [10, III-13–14, p. 41–42]:

- превентивную дипломатию (*preventive diplomacy*), предполагающую реализацию дипломатических действий накануне развития кризиса в целях предотвращения или ограничения насилия (её частная форма – превентивное развёртывание);

- миротворчество, под которым понимается дипломатический процесс, посредничество, ведение переговоров или другие формы мирного разрешения конфликта. Военная поддержка в ходе его имплементации выражается в форме всестороннего обеспечения безопасности;

- миростроительство (*peacebuilding*), содержание которого аналогично принятому в НАТО понятию, а военная составляющая нацелена преимущественно на обеспечение безопасности и оказание помощи местным органам власти в становлении национальной военной компоненты и восстановлении инфраструктуры [11, I-16, p. 31].

Кроме того, в ВС США различают и другие типы операций, проводимых на территории иностранного государства:

- по противодействию «неблагоприятному» внешнему проникновению (контринсургенция, *counterinsurgency, COIN*) [11, I-15, p. 30];

- по оказанию военной поддержки в ходе внутреннего конфликта (*foreign internal defense support, FIDS*) [11, I-16, p. 31];

- по стабилизации обстановки (*stability operations, SO*), подразумевающие восстановление или поддержание безопасной внутренней обстановки, обеспечение функционирования основных государственных структур, восстановление объектов критической инфраструктуры и предоставление гуманитарной помощи [11, I-16, p. 31];

- по решению внутренних военных и организационных задач (*internal defense and development, IDAD*) [10, III-10, p. 38];

- по поддержке «благоприятного» внешнего проникновения, предполагающего возвращение на родину находящихся за её пределами политических и военных сил, которым США намерены оказать содействие [12, с. 240].

В целом можно полагать, что США руководствуются подходом, в соответствии с которым их национальная миротворческая деятельность направлена на достижение стратегических и внешнеполитических целей, а также решение вытекающих из них частных дипломатических задач. При этом резервируется право осуществлять миротворческие операции в одностороннем порядке [13].

Отечественная научная школа в сфере международного миротворчества

Анализ предмета исследования свидетельствует о том, что отечественная политология не склонна

различать нюансы большинства англоязычных дефиниций (*peacekeeping, peace making, peace enforcement*) [14].

¹¹ Civil-Military Operations. Joint Chiefs of Staff: Joint Publication 3–57, 2013.

¹² Никитин А. И. Конфликты и миротворческая деятельность: типологизация, методологические аспекты // Вестник МГИМО. 2010.

¹³ Холмогоров А. О некоторых подходах США к миротворчеству // Зарубежное военное обозрение. 2004. № 11. С. 17.

¹⁴ Русско-английский словарь / под ред. О. С. Ахмановой. 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 1992. С. 292.

Такая ситуация сложилась из-за того, что до начала 90-х годов СССР практически не участвовал в миротворческих операциях ООН [15], которые рассматривались в то время как второстепенная компонента деятельности этой организации. При этом следует подчеркнуть, что само миротворчество не считалось в СССР одним из перспективных элементов обеспечения национальной безопасности страны.

Сегодня в соответствии с российской политологией и отечественной историографией термин «миротворчество» (или «миротворческая деятельность») в своём содержании охватывает весь диапазон возможных действий миротворцев – от дипломатического посредничества до принудительных силовых операций по установлению мира [16, с. 46]. Одновременно в российской науке равнозначно толкуют дефиниции «миротворческие силы» и «войска по поддержанию мира», а термины «операции по поддержанию мира» и «миротворческие операции» зачастую рассматриваются как идентичные.

В частности, С. Р. Рейдер ещё в середине 90-х годов считал, что поддержание мира – это «сдерживание и (или) прекращение боевых действий между странами или внутри одной страны посредством организованной и руководимой меж-

дународным сообществом интервенции незаинтересованной третьей стороны с использованием вооружённых сил и гражданских лиц для дополнения процесса политического разрешения конфликта, восстановления и сохранения мира» [17].

Более точное и функционально расширенное содержание вкладывает в понятие «миротворческая деятельность» И. В. Лактионова, под которой она понимает «военно-политическую и экономическую деятельность военного и гражданского персонала, контингента ВС, осуществляемую в соответствии с мандатом международной или региональной организации и направленную на предотвращение, разрешение или постконфликтное урегулирование между- или внутригосударственных споров, прекращение конфликтов путём вооружённого насилия (непосредственного или опосредованного) в целях обеспечения безопасности, стабильности и устранения угрозы миру» [18].

А. С. Капто определяет миротворчество как «целенаправленную деятельность субъектов международных отношений (ООН, региональных межгосударственных структур, отдельных стран, миротворческих и гуманитарных организаций), направленную на поддержание или восстановление международного мира и безопасности» [19, с. 282]. Таким образом, усилия легитимного правительства по поддержанию правопорядка и защите территориальной целостности страны, т. е. проведение внутренней полицейской операции с *международно-правовой точки зрения* (выд. – Авт.), по мнению автора, не относится к миротворческой деятельности [19, с. 442].

¹⁵ Брынкин Я. А. Участие России в миротворческих операциях ООН (конец XX – начало XXI в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

¹⁶ Байрамов Ш. Б., Григорович Я. А. Международное миротворчество: российская историография проблемы // Военно-юридический журнал. 2009. № 7.

¹⁷ Рейдер С. Р. Операции по поддержанию мира – военные аспекты многонационального подхода // Военная мысль. 1994. № 2. С. 74.

¹⁸ Лактионова И. В. Миротворческая деятельность России в СНГ (1992–1999 гг.). Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.

¹⁹ Капто А. С. Энциклопедия Мира. М.: Книга и бизнес, 2002.

Можно согласиться с этой точкой зрения, так как полицейская операция – внутреннее дело любой суверенной страны, проведение которой не должно ставиться в зависимость от частую конъюнктурного и открыто предвзятого отношения к данному государству со стороны доминантной западноевропейской части международного сообщества* его англосаксонского и романо-германского сегментов.

Некоторые исследователи соотносят в большей степени миротворчество с внутригосударственным конфликтом – частным случаем кризисной ситуации, вызванной массовым этническим насилием и нарушением прав человека.

К примеру, И. П. Чернобровкин считает, что «миротворчество (в авторской версии – „миротворческий контроль“) этнонационального конфликта является *временным*** (выд. – Авт.) гуманитарным военным вмешательством международного сообщества в дела государства, направленным на прекращение этнического насилия, вызывающего масштабные нарушения прав человека и угрозу международному миру и безопасности» [20].

Одновременно автор формулирует понятие «миротворчество (миротворческий контроль) обозримого будущего», под которым понимает «превентивный контроль, основанный на предвидении этнического насилия и раннем реагировании на этническое напряжение в государстве. Он сочетает гуманитарную помощь с дипломатией и размеще-

нием ограниченных миротворческих сил в районах потенциального распространения насилия и действует с согласия правительства, имеющего дружественные отношения с соседними странами. Превентивный миротворческий контроль осуществляется региональными организациями международной безопасности, имеющими мандат ООН и соблюдающими принцип гуманитарного реализма – *равноценности прав человека и государственного суверенитета*» (выд. – Авт.).

Спорное авторское утверждение «о равнозначности прав человека и государственного суверенитета» с учётом применения странами Запада двойных стандартов в оценке ситуаций с соблюдением таких прав [21], предполагает «легитимное» продвижение в мире идей демократии и общечеловеческих ценностей лишь по западному представлению и подобию.

Ряд исследователей под собирательным наименованием «миротворческая деятельность» понимают легитимизацию определённых типов действий (операций) международного сообщества в ходе конфликтного разрешения, которое осуществлялось после Второй мировой войны.

В частности, А. И. Никитин считает, что «миротворческая деятельность» объединяет доконфликтное миротворчество, в случае неудачи превентивных мер – миротворческую деятельность в ходе конфликта и последующее постконфликт-

²⁰ Чернобровкин И. П. Принципы и тенденции миротворческого контроля внутригосударственных конфликтов // Политическая наука. 2005. № 5.

²¹ Молчанов Г. В. Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 3–4.

* Термин «международное сообщество» не эквивалентен понятию «Запад», хотя его внешнеполитические (в том числе миротворческие) подходы всё ещё продолжают доминировать в ООН и ОБСЕ, во многом предопределяя современную политику «цивилизованного мира».

** По-видимому, автор под словом «временное» понимает конкретный срок, определяемый временем действия соответствующего миротворческого мандата.

ное миротворчество (в форме восстановления инфраструктуры мирной жизни) [12, с. 234].

При этом под доконфликтным и постконфликтным миротворчеством он понимает самостоятельные виды миротворческой деятельности, включающие меры по предотвращению назревающих конфликтов (превентивная дипломатия, предупредительные дипломатические демарши и экономические санкции, наблюдательные миссии и т. п.) и меры по ликвидации последствий уже прекращённых или стабилизированных конфликтов (восстановление политической, экономической и социальной инфраструктуры, выборы под международным контролем и т. п.). Эти два вида миротворчества, по его оценке, отличны от МТО в узком смысле слова, характерной для конфликтной стадии [22], с чем можно согласиться.

Учёный одновременно акцентирует, что миротворчество – это особым образом скоординированная политика держав в конфликтном регионе, включающая действия строго ограниченного (международно-правовым образом) круга субъектов, лимитируемых рядом принципов и правил. При этом оно выступает в качестве политического процесса согласования и взаимодействия политических субъектов; дипломатической деятельности; формы беспристрастного вмешательства международного сообщества в дела отдельных государств и в ряде случаев – разновидности военных действий и форм вооружённой борьбы [12, с. 235–237].

А. И. Никитин обоснованно объединяет в единое понятие «миротворческая деятельность» конкретные виды и формы многосторонней деятельности внешних акторов на латентном, актуальном и постконфликтном этапах на основе соблюдения определённых принципов и правил.

Вместе с тем автор считает, что термин «миротворческие операции» целесообразно использовать только для характеристики той части миротворчества, которая регулируется мандатом ООН или региональных организаций (в соответствии

с главой VIII Устава ООН, [9, point 60–65]) и представляет собой вмешательство государств и их объединений в конфликты для их урегулирования. При этом он уточняет, что к МТО не относится легитимное (на основе межгосударственных договоров и соглашений) вмешательство одних стран во внутренние дела других по просьбе руководства последних, а также деятельность негосударственных субъектов (например, неправительственных организаций) в конфликтных регионах, которая может организовываться в параллельном режиме или во взаимодействии с МТО [22].

Соглашаясь с автором по поводу внемиротворческого формата негосударственных субъектов, тем не менее полагаем, что легитимное вмешательство одних стран во внутренние дела других может происходить даже в том случае, если оно официально и не имеет статуса МТО (ввиду отсутствия формального миротворческого мандата), но фактически служит миротворческим целям по укреплению международной стабильности.

К примеру, проводимая с сентября 2015 г. Воздушно-космическими силами ВС России антитеррористическая операция в Сирии не противоречит Уставу ООН (хотя и не располагает мандатом его СБ), содействует восстановлению порядка в стране, региональной и международной стабильности, а также имеет ярко выраженную миротворческую, гуманитарную (в прямом, а не «американизованном» понимании этого слова) и гуманистическую направленность.

Научная позиция О. Г. Карповича во многом близка взглядам А. И. Никитина. При этом первый рассматривает миротворческую деятель-

²² Никитин А. И. Миротворческие операции: мировая практика и опыт СНГ. Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2000.

ность в качестве основного инструмента поддержания мира, а миротворческие операции – среды практического применения современных моделей и технологий управления международными конфликтами [23].

Как указывает О. Г. Карпович, именно ООН разработала определённую систему приёмов, методов и средств, направленных на разрешение споров, прекращение войн и урегулирование вооружённых конфликтов. Указанная система, по его мнению, включает три основных компонента:

- мирные средства (в соответствии с гл. VI Устава), подразумевающие переговоры, посредничество, установление фактов, добрые услуги, арбитраж и т. п.;

- полувоенные (квазивоенные) средства, представленные преимущественно традиционными операциями по поддержанию мира;

- принудительно-силовые средства (гл. VII Устава), включающие невоенные (экономические, политико-дипломатические, юридические и финансовые) санкции и военные меры (с использованием вооружённых контингентов ООН).

В целом делается вывод, что в ходе миротворческих операций развиваются концепции и доктрины управления международными конфликтами, а также происходит совместная адаптация взглядов **традиционных миротворцев**, опирающихся на институциональную модель урегулирования кризисов, и лидеров глобальной политической конкуренции, рассматривающих конфликты под углом столкновения интересов сверхдержав.

К изложенному следует добавить, что активное участие в миротворческой деятельности государственного актора может рассматриваться в ка-

честве действенного механизма по превентивному снижению уровня внешних угроз, обеспечению реализации и продвижению за рубежом значимых национальных интересов страны, повышению её международного престижа.

Некоторые учёные, выбирая в качестве объекта своих исследований миротворческую деятельность ООН, не предлагают её авторские дефиниции [15], другие, признавая выработку такого термина сложной теоретической задачей, понимают под ним некую собирательную или обобщающую деятельность, частично раскрывающуюся через выделение её принципов, целей и направлений.

Так, В. Ф. Заемский под миротворческой деятельностью понимает совокупность мер по урегулированию и разрешению конфликтов, в том числе уже достигших стадии вооружённых столкновений. Он конкретизирует указанное понятие для современных условий и считает, что миротворчество – это усилия, направленные на предотвращение или пресечение конфликтов и войн, а также их последствий, в том числе превентивную дипломатию, поддержание мира, принуждение к миру, миростроительство и т. п. [24].

С ним солидарен И. М. Крупянко, полагающий, что миротворчество – это «общее название различных видов деятельности, осуществляемых в интересах скорейшего разрешения конфликта, предотвращения его эскалации, прекращения или недопущения военных действий, обеспечения правопорядка в зоне конфликта, проведения гуманитарных акций, восстановления социальных

²³ Карпович О. Г. Международно-правовые основы миротворческой деятельности США // Международное право и международные организации. 2013. № 2.

²⁴ Заемский В. Ф. Миротворческая деятельность ООН: теория и практика (опыт, механизмы, перспективы). Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005.

и политических институтов, систем жизнеобеспечения» [25].

Подобную научную позицию высказывает и Е. А. Степанова, подразумевающая под миротворчеством некое обобщённое понятие, инкорпорирующее в себя операции по поддержанию мира, гуманитарные операции, миссии добрых услуг, миссии по наблюдению и установлению фактов агрессии, постконфликтное миростроительство и другие специализированные действия, принципы и цели [26].

Взгляды этих учёных органично развивает В. В. Плотников, классифицирующий миротворческую деятельность в качестве постоянного (циклического) процесса, связанного с использованием всех возможностей мирной дипломатии, невоенных и военных сил и средств, включая миротворческие силы, в сфере контроля над вооружёнными конфликтами. Он полагает, что миротворческая деятельность – это сложная политическая система, важнейшим целевым предназначением которой является предупреждение и урегулирование вооружённых конфликтов, а также осуществление постконфликтного миростроительства во имя поддержания мира и обеспечения международной безопасности. При этом исследователь особо вычленяет содержательный аспект миротворчества – комплекс политических, экономических, ди-

пломатических, нормативно-правовых, гуманитарных и военных составляющих [27].

А. В. Корниленко под миротворчеством понимает не конкретные действия по поддержанию (установлению) мира, а систему взглядов, концептуально основанную на элиминации из арсенала политических способов достижения целей насильственных. Миротворчество, по его мнению, подразумевает прежде всего силовые или гуманитарные действия международных и региональных организаций на основе консолидированного решения (мандата). При этом учёный вводит в научный оборот такое понятие, как «миротворческие институты» – одну из политических форм социальных институтов общества, отличающуюся устойчивой структурой организации на протяжении определённого временного интервала, нормативно регулируемая, осуществляющая важнейшие функции по поддержанию, укреплению, восстановлению мира различными способами [28].

Соглашаясь с предложенной новацией, необходимо отметить очевидную смысловую тавтологию данного определения, повторяющего в своём содержании более широкую дефиницию – «международное миротворчество».

Западноевропейская научная школа

Среди западных исследователей лидирующие позиции принадлежат представителям научных

школ США и Великобритании, которые первоначально подразделяли миротворческие операции под эги-

²⁵ *Крупянюк И. М.* Эволюция миротворческой деятельности ООН в новой системе международных отношений: опыт операций по поддержанию мира в Камбодже и на Восточном Тиморе. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

²⁶ *Степанова Е. А.* Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа // URL: http://www.militera.lib.ru/research/stepanova_ea/oz.html

²⁷ *Плотников В. В.* Миротворческая деятельность Вооружённых Сил Российской Федерации по урегулированию вооружённых конфликтов. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.

²⁸ *Корниленко А. В.* Стратегия развития российского миротворчества в глобальной системе международной безопасности. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.

дой ООН на операции по поддержанию мира (так называемое «традиционное миротворчество») и операции по установлению мира («силовое умиротворение»). Последние предусматривают два основных инструмента принуждения к миру – санкции и угроза применения (или применение) военной силы [29], которые в настоящее время осуществляются с использованием многообразных подходов.

Так, политологи США, не формулируя понятие «миротворческая деятельность ООН», тем не менее выделяют следующие четыре основных типа её миротворческих операций:

- традиционные миссии по поддержанию мира (*peacekeeping*);
- многосторонние (многомерные) операции в пользу мира (*multidimensional peace operations*), которые располагают многочисленным гражданским компонентом и решают задачи политического урегулирования, восстановления и развития демократических институтов, проведения выборов и т. п.;
- вмешательство для предотвращения гуманитарной катастрофы (*humanitarian interventions*), предполагающее отсутствие согласия конфликтующих сторон, нарушение государственного суверенитета с использованием силового вмешательства, несоблюдение принципа «нейтральности» миротворцев;

– операции по силовому установлению мира (*peace enforcement*), которые являются прямым продолжением гуманитарного вмешательства в случае продолжения сторонами вооружённого противостояния [12, с. 238–239].

Британские специалисты-международники объединяют возможные формы миротворчества в несколько основных групп:

- предотвращение конфликтов;
- оказание гуманитарной помощи;
- операции военной поддержки (обеспечение безопасных условий по передаче власти, реформирование местных ВС для решения задач мирного времени, полицейские операции по обеспечению законности и порядка);
- операции по демобилизации, обеспечению свободы передвижения или по его запрету [12, с. 239].

Ориентированность «миротворческой» практики Запада в сторону одностороннего применения военных средств объясняется сущностью англосаксонской модели управления международными конфликтами [30], допускающей силовое вмешательство во внутренние дела государств. При этом считаем, что граница между поддержанием мира и принуждением к миру должна регламентироваться международно-правовыми нормами, а не национальными или блоковыми подходами отдельных его членов.

²⁹ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 96–97.

³⁰ Карпович О. Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях. Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2012. С. 21–22.

Авторская классификация миротворческой деятельности

Итак, разночтения в сущностном содержании международной миротворческой деятельности обусловлены следующими факторами:

– ООН не смогла выработать универсальное определение миротворческой деятельности;

– практика выявила ряд типов миротворчества с расширенными задачами, не регламентированных международным правом;

– отечественная и западная политология ввиду институционального и сущностных различий в государственных идеологиях вкладывает неодинаковый смысл в содержание этой дефиниции.

В этой связи представляется, что необходимо классифицировать современную международную миротворческую деятельность, которую можно провести по следующему основанию – уровню международной легитимности конкретной миротворческой операции (миротворческому статусу участвующих в операции акторов).

В соответствии с предложенным подходом все миротворческие операции подразделяются на мандатное, санкционированное и несанкционированное миротворчество.

Мандатное миротворчество связано с деятельностью только главных его субъектов – междуна-

родных* и региональных организаций. Оно предполагает коалиционную деятельность политического, дипломатического, нормативно-правового, экономического, гуманитарного, полицейского, военного или иного характера стран – членов международных или региональных организаций, проводимую под эгидой международных и региональных организаций на основании конкретного мандата в соответствии с принципами миротворчества и международного права в интересах предотвращения, разрешения или посткризисного урегулирования внутри- или межгосударственных конфликтов (споров), предотвращения и устранения угрозы миру, актов агрессии, геноцида и других серьезных нарушений международного гуманитарного права.

Санкционированное миротворчество предусматривает участие в миротворческой деятельности любых легальных миротворческих акторов (международных, региональных, гуманитарных и неправительственных организаций, суверенных стран, их групп и коалиций) – субъектов международных отношений только под эгидой, руководством, контролем ООН** и с санкции его Совета Безопасности с использованием мирных,

* Понятие «международная организация» зачастую отождествляется с системой Организации Объединённых Наций. Вместе с тем в настоящее время на мировой арене действует более 10 тыс. различных международных организаций, процесс образования которых всё ещё продолжается.

** Согласно Уставу ООН, лишь СБ и Генеральный секретарь наделены правом руководить миротворческими операциями. При этом Генеральная Ассамблея ООН уполномочена обсуждать вопрос о развёртывании в зонах конфликтов миротворческих миссий и выносить рекомендации Совету Безопасности в отношении таких операций.

военных и иных средств в интересах нейтрализации угроз миру, обеспечения и поддержания международной стабильности и безопасности.

В свою очередь, мандатное и санкционированное миротворчество могут быть объединены в единую категорию – персонифицированное миротворчество, означающее, что миротворческий актер *персонально* наделяется международным сообществом официальным правом на участие в миротворческой операции.

Несанкционированное миротворчество не имеет официального статуса миротворческой операции и формального мандата на её проведение со стороны международной или региональной организации, но на практике реализует миротворческие цели и задачи (или способствует их реализации) в интересах укрепления глобальной безопасности, международной и региональной стабильности. Оно включает не противоречащую Уставу ООН деятельность легальных миротворческих акторов на территории других стран после их официального приглашения легитимными национальными правительствами последних (например, действия ВКС ВС России в Сирии в 2015–2016 гг.), а также не имеющих статуса субъекта международных отношений международных неправительственных (гуманитарных, религиозных и т. п.) организаций (в частности, «Врачи без границ», *Oxfam*, *Kea International*, *Human Rights Watch*, *Amnesty International* и пр.).

Другими словами, несанкционированное миротворчество по своей сути является не персонифицированным миротворчеством, предполагающим неофициальное (без выдачи мандата, но в соответствии с принципами миротворчества ООН) участие в такой деятельности любого из числа возможных (вне зависимости от его статуса и формата) миротворческих акторов.

Подчеркнём, что только Совет Безопасности ООН является единственным, универсальным, интегральным наднациональным органом, уполномоченным принимать безусловно-легитимные (международно-признанные) решения в отношении поливариантной миротворческой деятельности на международном, региональном или страновом уровнях. Это обусловлено двумя факторами: заложенными в Уставе ООН прерогативами СБ ООН как главного органа в сфере глобальной безопасности, а также осознанием того факта, что каждое суверенное правительство рассматривает своё участие в миротворческой деятельности через призму обеспечения системы национальной безопасности страны, т. е. реализации на международной сцене её значимых национально-государственных интересов.

Так, участие России в миротворчестве решает не только задачи по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов [31], но и выступает в роли одного из элементов глобального регулирования [32], яв-

³¹ Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

³² Зиновский Ю. Г. Миротворческие операции: теория и практика многосторонней дипломатии. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009.

ляется одновременно и важной компонентой её системы национальной безопасности и структурной составляющей военной политики государства, т. е. деятельности по подготовке и реализации политических решений по защите национальной (военной) безопасности [33].

Не стоит забывать, что Российская Федерация в качестве постоянного члена СБ ООН заинтересована в укреплении стратегической стабильности и коллективной безопасности в мире, одним из важнейших механизмов поддержания которых

является международная миротворческая деятельность.

Эффективное участие Вооружённых сил России в миротворчестве на основе использования более прагматичной миротворческой политики благоприятно скажется на обеспечении национальной и военной безопасности страны, предоставит МИД необходимую «силовую аргументацию» для имплементации внешней политики, ориентированной на закрепление за страной статуса одной из ведущих держав мира.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

1. С середины 90-х годов проблеме международного миротворчества уделяется повышенное внимание со стороны отечественного и зарубежного научного и экспертного сообщества. Итогом осмысления, изучения, обобщения и систематизации практических результатов поливариантной миротворческой деятельности [6, с. 31] и выработки на их основе теоретических знаний по предмету исследования стало формирование в рамках современной политической науки нового и относительно самостоятельного научного направления – теории миротворчества*.

2. В международном праве официально не закреплён универсальный миротворческий механизм по комплексному использованию сил, средств, видов и способов реализации на практике превентивной дипломатии, установления и поддержания мира, принуждения к миру, сущность которых в значительной степени определяется их субъектами – миротворческими контингентами национальных ВС стран – участниц ООН.

3. Практическое участие в международном миротворчестве государственных акторов до сих пор не рассматривалось в политологии в качестве элемента их национальной безопасности, что спорно, поскольку обеспечивает таким странам ряд преимуществ по защите за рубежом своих национальных интересов.

³³ Шерпаев В. И. Военная политика в политическом процессе современной России. Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2008. С. 17.

* Объёмы ежегодного финансирования миротворческой деятельности ООН составляют менее половины процента всех мировых военных расходов.

Библиография • References

- Анисин В., Ольгин В. Участие стран ближнего зарубежья в миротворческой деятельности и в операциях США и НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 11. С. 3–12.
- [Anisin V., Ol'gin V. Uchastie stran blizhnego zarubezh'ya v mirotvorcheskoj deyatelnosti i v operacijah SSHA i NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2009. № 11. S. 3–12]
- Байрамов Ш. Б., Григорович Я. А. Международное миротворчество: российская историография проблемы // Военно-юридический журнал. 2009. № 7.
- [Bajratov Sh. B., Grigorovich Ja. A. Mezhdunarodnoe mirotvorchestvo: rossijskaja istoriografija problemy // Voenno-juridicheskij zhurnal. 2009. № 7]
- Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2000. – 703 с.
- [Bol'shoj juridicheskij slovar' / pod red. A. Ja. Suhareva, V. E. Krutskih. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Infra-M, 2000. – 703 s.]
- Брынкин Я. А. Участие России в миротворческих операциях ООН (конец XX – начало XXI в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- [Brynkin Ja. A. Uchastie Rossii v mirotvorcheskih operacijah OON (konec XX – nachalo XXI v.). Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. M., 2007]
- Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>
- [Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrja 2014 g. № Pr-2976 // URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>]
- Доклад Генерального секретаря СБ ООН на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи 12 января 2009 г. «Выполнение обязанности защищать». А/63/677. Нью-Йорк, 2009. – 42 с.
- [Doklad General'nogo sekretarja SB OON na 63-j sessii General'noj Assamblei 12 janvarja 2009 g. «Vypolnenie objazannosti zashhishhat'». A/63/677. N'ju-Jork, 2009. – 42 s.]
- Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 76–108.
- [Zhurbej E. V. Strategija nacional'noj bezopasnosti SShA v 90-e gg. XX v. // Ojkumena. 2015. № 2. S. 76–108]
- Заемский В. Ф. Миротворческая деятельность ООН: теория и практика (опыт, механизмы, перспективы). Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005.
- [Zaemskij V. F. Mirotvorcheskaja dejatel'nost' OON: teorija i praktika (opyt, mehanizmy, perspektivy). Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2005]
- Зиновский Ю. Г. Миротворческие операции: теория и практика многосторонней дипломатии. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009.
- [Zinovskij Ju. G. Mirotvorcheskie operacii: teorija i praktika mnogostoronnej diplomatii. Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2009]
- Капто А. С. Энциклопедия Мира. М.: Книга и бизнес, 2002. – 544 с.
- [Kapto A. S. Jenciklopedija Mira. M.: Kniga i biznes, 2002. – 544 s.]
- Карпович О. Г. Международно-правовые основы миротворческой деятельности США // Международное право и международные организации. 2013. № 2.
- [Karpovich O. G. Mezhdunarodno-pravovye osnovy mirotvorcheskoj dejatel'nosti SSHA // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2013. № 2]
- Карпович О. Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях. Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2012.
- [Karpovich O. G. Sovremennye koncepcii upravlenija mezhdunarodnymi konfliktami v mirotvorcheskih operacijah. Avtoreferat diss. ... d-ra polit. nauk. M., 2012]

- Корниленко А. В.* Стратегия развития российского миротворчества в глобальной системе международной безопасности. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.
- [*Kornilenko A. V.* Strategija razvitija rossijskogo mirotvorcestva v global'noj sisteme mezhduнародной bezopasnosti. Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2015]
- Круляк И. М.* Эволюция миротворческой деятельности ООН в новой системе международных отношений: опыт операций по поддержанию мира в Камбодже и на Восточном Тиморе. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- [*Krupljanko I. M.* Jevolucija mirotvorcheskoj dejatel'nosti OON v novoj sisteme mezhduнародных otnoshenij: opyt operacij po podderzhaniju mira v Kambodzhe i na Vostochnom Timore. Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. M., 2008]
- Лактионова И. В.* Миротворческая деятельность России в СНГ (1992–1999 гг.). Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- [*Laktionova I. V.* Mirotvorcheskaja dejatel'nost' Rossii v SNG (1992–1999 gg.). Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2004]
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. – 704 с.
- [*Lopatin V. V., Lopatina L. E.* Malyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1993. – 704 s.]
- Молчанов Г. В.* Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 3–12.
- [*Molchanov G. V.* Razvitie voenno-politicheskoj obstanovki v mire i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2016. № 1. S. 3–12]
- Никитин А. И.* Конфликты и миротворческая деятельность: типологизация, методологические аспекты // Вестник МГИМО. 2010. № 4. С. 234–243.
- [*Nikitin A. I.* Konflikty i mirotvorcheskaja deyatel'nost': tipologizacija, metodologicheskie aspekty // Vestnik MGIMO. 2010. № 4. S. 234–243]
- Никитин А. И.* Миротворческие операции: мировая практика и опыт СНГ. Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2000.
- [*Nikitin A. I.* Mirotvorcheskie operacii: mirovaja praktika i opyt SNG. Avtoreferat diss. ... d-ra polit. nauk. M., 2000]
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. – 747 с.
- [*Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1988. – 747 s.]
- Основные сведения об Организации Объединённых Наций: справочник. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2015–322 с.
- [*Osnovnye svedeniya ob Organizacii Ob#edinyonnyh Nacij: spravochnik. N'yu-Jork: Departament obshchestvennoj informacii OON, 2015–322 s.*]
- Плотников В. В.* Миротворческая деятельность Вооружённых Сил Российской Федерации по урегулированию вооружённых конфликтов. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- [*Plotnikov V. V.* Mirotvorcheskaja dejatel'nost' Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii po uregulirovaniju vooruzhennyh konfliktov. Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2004]
- Рейдер С. Р.* Операции по поддержанию мира – военные аспекты многонационального подхода // Военная мысль. 1994. № 2. С. 74–80.
- [*Rejder S. R.* Operacii po podderzhaniju mira – voennye aspekty mnogonacional'nogo podhoda // Voennaya mysl'. 1994. № 2. S. 74–80]
- Русско-английский словарь / под ред. О. С. Ахмановой. 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 1992. – 758 с.
- [*Russko-anglijskij slovar' / pod red. O. S. Ahmanovoj. 16-e izd., ispr. M.: Russkij yazyk, 1992. – 758 s.*]

- Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. Москва – Брюссель, 2011. – 368 с.
 [Svodnyj glossarij Soveta Rossiya – NATO po sotrudnichestvu. Moskva – Bryussel', 2011. – 368 s.]
- Степанова Е. А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа // URL: http://www.militera.lib.ru/research/stepanova_ea/oz.html
 [Stepanova E. A. Voенno-grazhdanskije otnoshenija v operacijah nevoennogo tipa // URL: http://www.militera.lib.ru/research/stepanova_ea/oz.html]
- Тишков В. А. Использование потенциала полицейского компонента ООН // Обозреватель–Observer. 2016. № 7. С. 94–107.
 [Tishkov V. A. Ispol'zovanie potencijala policejskogo komponenta OON // Obozrevatel'-Observer. 2016. № 7. S. 94–107]
- Холмогоров А. О некоторых подходах США к миротворчеству // Зарубежное военное обозрение. 2004. № 11. С. 15–18.
 [Holmogorov A. O nekotoryh podhodah SSHA k mirotvorchestvu // Zarubezhnoe voенное obozrenie. 2004. № 11. S. 15–18]
- Чернобровкин И. П. Принципы и тенденции миротворческого контроля внутригосударственных конфликтов // Политическая наука. 2005. № 5.
 [Chernobrovkin I. P. Principy i tendencii mirotvorcheskogo kontrolya vnutrigosudarstvennyh konfliktov // Politicheskaja nauka. 2005. № 5]
- Шерпаев В. И. Военная политика в политическом процессе современной России. Автореферат дисс. ... д-ра. полит. наук. Екатеринбург, 2008. – 33 с.
 [Sherpaev V. I. Voennaja politika v politicheskom processe sovremennoj Rossii. Avto-referat diss. ... d-ra. polit. nauk. Ekaterinburg, 2008. – 33 s.]
- Штол В. В. НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель–Observer. 2008. № 1. С. 80–94.
 [Shtol' V. V. NATO v mirotvorcheskom processe // Obozrevatel'-Observer. 2008. № 1. S. 80–94]
- Civil-Military Operations. Joint Chiefs of Staff: Joint Publication 3–57, 2013. – 173 p.
 Joint Doctrine for Military Operations Other Than War. Joint Chiefs of Staff: Joint Pub 3–07, 1995. – 70 p.
- New Webster's Dictionary of the English Language.: New Delhi, 1989. – 1824 p. Report of the UN Secretary-General Boutros-Ghali «An Agenda for Peace» // URL: <http://www.cfr.org/peacekeeping/report-un-secretary-general-agenda-peace/p23439>

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

The Cold War as a member of the West-Russia confrontation system 5

V. Shtol

The author examines the confrontation between the West and Russia in a historical perspective, showing that the geopolitical factor is its main element. The results of the Second World War and the international crises of the bipolar system are analyzed. The conclusion is that the Cold War in the 90's could not end and still continues, as Russia has always been and will be the antithesis of the West and protects its right to be itself.

About the author: SHTOL Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Regional Management at IPAM RANEPА under the President of the Russian Federation.

Key words: Cold War, the confrontation between the West and Russia, the crisis in Eastern Europe, the Caribbean crisis.

Difficult Path of Armenia Towards Eurasian Economic Union 30

V. Evseev, D. Kharitonova

The article deals with some features of a difficult choice for Armenia between the accession of the Republic to the Eurasian Economic Union and the signing of the Association Agreement with the EU in terms of blocking national borders by Azerbaijan and Turkey. An important role of deliveries to Armenia of Russian natural gas is marked in this process. The first results of joining the EAEU were summed up, which were quite mixed. Factors that adversely affect the national economy were also considered. It urgently demands the implementation of transport corridor “North-South” within the framework of cooperation between the EAEU and Iran.

About the authors: EVSEEV Vladimir V. – Candidate of Science (technics), Senior Research Fellow, Deputy Director of the Institute of Commonwealth Countries.

KHARITONOVA Daria V. – Research Fellow of the Division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension, Institute of Commonwealth Countries. She is Postgraduate Student of the Department of Political Science and Law, Moscow Regional State University.

Key words: Eurasian Economic Union, natural gas, the Association Agreement with the EU, transport corridor “North-South”.

The US policy towards Ukraine

43

O. Prikhodko

The article deals with a set of issues related to the US policy towards Ukraine both in the context of the conflict erupted in the south-east and the implications of the crisis for the relationship between Russia and the United States. The premises of the stand-off between Russia and the US caused by the conflict in Ukraine are considered. The Obama Administration attitude towards the ‘Norman talks process’ is analyzed as well. The author reveals the continuity in the US policy on Ukraine and singles out specifics and new nuances that have emerged since the crisis broke out. Ukraine’s place in the hierarchy of the US priorities and various dimensions of the US aide to Kiev are thoroughly explored in the article. In conclusion the author attempts to determine whether grounds for arrangements between key outside players as guarantors of a settlement of the conflict in the South-Eastern Ukraine could mature in the foreseeable future.

About the author: PRIKHODKO Oleg V. – Ph.D. degree, is leading research fellow at the Foreign Policy Studies Department, ISCRAN.

Key words: Russia, Ukraine, the United States, conflict, crisis.

History Policy in Ukraine in the Years of V. Yuschenko’s Presidency

62

O. Yakhshiyani

The article covers the attitude of south-east regions of Ukraine to the Policy of Remembrance implemented by V. Yuschenko in the years of his presidency (2005-2010). This policy served to assert two major myths: Holodomor (hunger-extermination) as genocide of Ukrainian people and glorification of Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) and Ukrainian Insurgent Army (UPA), together with their leaders Stepan Bandera and Roman Shukhevich. Source materials used in the article indicate strongly that both these myths, as well as methods of their instilment proved incompatible with the south-eastern identity and were firmly rejected by the population of south-east regions of Ukraine.

About the author: YAKHSIYAN Oleg Y. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Public Administration and Political Technologies of the State University of Management.

Key words: history policy, policy of remembrance, V. Yuschenko, identity, south-east regions of Ukraine, Donetsk, Lugansk, Holodomor, banderites, OUN, UPA.

The Political Ideal of the United States and Democracy 74

A. Nikandrov

The author of this article attempts to determine the political ideal of the United States in the philosophical-political key; analyses the relationship of political ideal of the United States and democracy, of political ideal of the United States and democratic ideal. The author comes to the conclusion that the democracy is not a necessary component of the US political system, but rather a decorative element serving for the justification of proliferation of a “global democratization”.

About the author: NIKANDROV Aleksey V. – Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University.

Key words: ideology, political ideal, democracy, neo-conservatism, the crisis of democracy.

“Amerasia Affair” – at the threshold of McCarthyism 87

Y. Levin

The article discusses the FBI investigation of the so-called “Amerasia Affair” and its impact on the activities of the Bureau and US domestic politics on the basis of archival materials and other sources on the history of the FBI.

About the author: LEVIN Yaroslav A. – Postgraduate Student of Department of World History law and teaching methodology of the Samara State Social and Pedagogical University, Samara.

Key words: anti-communism, McCarthyism, the United States, FBI, Hoover, Amerasia.

International peacekeeping: the concept of contents 97

P. Shamarov, S. Lavrenov

The article examines the international legal aspects, scientific views of domestic and foreign scientists to determine the nature and content of the term “international peacekeeping” and “peacemaking”.

The author revealed the objective circumstances of use in official and scientific documents diverse in content definitions of peacekeeping, as well as conducted a classification of modern NATO peacekeeping operations and international peacekeeping activities in general.

About the authors: SHAMAROV Pavel V. – Candidate of military Sciences, expert of department of Ministry of Defense, RF.

LAVRENOV Sergey Y. – Doctor of political sciences, professor, chief of department of Moldova and Pridnestrov'e of the Institute of CIS.

Key words: international peacekeeping, peacemaking, peacekeeping operation, the national interests of the United Nations, NATO, the United States.

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru; observer@ru.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”

The article is sent to the editor with a cover letter by e-mail: observer-rau@yandex.ru; observer@ru.ru.

The total volume of the material is up to 20–25 thousand characters with spaces. Authors need to pay attention to compliance with the Russian language.

The text is given in a 14 size of type with 1.5 line spacing and should be structured (i.e. have sections).

References to sources are to be provided in Arabic numerals in square brackets, with continuous numbering, output data, page indication and is to be marked page-by-page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) specifying the output data (place of publication, publisher, year of publication, the total number of pages) and placed without numbering. Sources in the bibliography are given as well in Latin under the Russian title.

Foreign sources are indicated in the original language with the output data.

It is necessary to indicate the Universal Decimal Classification and to apply an abstract to the article (not more than 300–500 characters), keywords and brief information about the author (surname, name and patronymic, academic degree, the other title, place of employment, position and contact numbers, SPIN-code), the title of the article. All information – in English and Russian languages.

All text materials should be sent in a single file.

Drawings, graphs, charts are to be provided in JPG or EPS files separately.

As the accompanying documents, the author makes an extract from the decision of the department (scientific division), where the work, containing the recommendation to the article for the publication in the journal. Statement is to be signed by the head of the department (the head of the scientific department) or his deputy and certified by the signature of the corresponding division.

Author of the article is to provide a review made out and certified by the expert – the doctor of sciences, containing recommendation for the publication of the article in the journal.

The originals of the accompanying documents in case of publication of the article must be submitted to the editors.

Requirements for materials are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Начата подписка на 2017 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru.**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>.**

Подписано в печать 18.10.16. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7, 5. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Наша Типография».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 45. Заказ № 250.